

Denna fil innehaaller i vaenstra spalten en avskrift av Gennadij Fisch' roman "Падение Кимас-озера" enligt texten i "Избранные произведения в двух томах. том 1" ("Valda verk i tvaa band, foersta bandet"), Moskva 1976. I hoegra spalten staar den svenska texten ur oeversaettningen "Kiimasjaervis eroevring", vilken aer avskriven ur Proletaerkulturs utgaava (illustrerad med teckningar av "Grimur") ifraan aar 1974 (det framgaar icke ur pappersboken, vem som har oeversatt till svenska). Denna avskrift och motstaellning av de tvaa texterna aer utfoerd av Erik Jonsson <generaldepoten@rambler.ru> under aar 2002 (tvaatusentvaa) och 2003 (tvaatusentre) samt raettad och foerbaettrrad under aar 2004 (tvaatusenfyra).

<Nummer> inom vinklar, t.ex. <22>, paa rad foer sig sjaelv i vaensterspalten anger sidbrytning i den ryska foerlagan; angiven sidas text boerjar paa foeljande rad.

{Nummer} inom maasvingar (krusiga klammer), t.ex. {22}, paa rad foer sig sjaelv i hoegerspalten anger sidbrytning i den svenska foerlagan; angiven sidas text boerjar paa foeljande rad.

Foerlagornas styckeindelning skiljer sig aat, saa att styckena i foeljande avskrift ibland aer uppdelade paa annat saett, foer att styckena i vaensterspalten naagorlunda skall motsvara styckena i hoegerspalten. Tomrad i denna fil utmaerker saaledes inte alltid styckebyrtning i foerlagan.

Foerlagornas fotnoter aer haer anbragta efter texten. Haenvisningar till dessa noter aer gjorda medelst [nummer] inom klammer, t.ex. [1]. Den ryska och den svenska textens noter aer numrerade var foer sig, saa att samma nummer foerekommer i baegge.

Radnummer i denna fil har ingenting med foerlagorna att goera och kan endast goera tjaenst vid haenvisningar inom en och samma version (se datering) av denna fil men inte mellan olika versioner av denna fil, eftersom texten ibland foerskjutes emellan raderna fraan versioner till version.

Fullkomlig oeverensstaemmelse med foerlagorna garanteras icke. Avskriften senast raettad paa Lillejulafton aar 2004 (tjugotredje december aar tvaatusenfyra). Aeldre versioner innehaaller kaenda avskrivningsfel, saa att de boer foerstoeras.

Denna fil <pk76ke74_koi8.pdf> aer framstaellld ifraan en enkel 8-bit textfil och texten aatergives med typsnitt enligt den ryska teckensatsen KOI8-r enbart, foer att oeverfloediggoera inbaedddning av ytterligare typsnitt. Daerfoer aer de tre sista bokstaeverna i svenska alfabetet samt e med akut accent utbytta emot motsvarande aa, ae, oe och ee. Detta torde icke goera den svenska texten svaarare att laesa foer den, som har svenska till modersmaal. Finner man detta outhaerdligt, kan man i staellet vaelja filen <pk76ke74.pdf>, vilken innehaaller svensk text med alla bokstaever, varemot den ryska texten daer aatergives med ett punktuppbyggt typsnitt, som icke aer skalbart och daerfoer kan se otrevligt ut paa skaerm, om aen det aer fullt laesligt vid utskrift. Filen <pk76ke74.pdf> aer ocksaa omkring fem gaanger saa stor som <pk76ke74_koi8.pdf> (denna fil).

Se aeven om andra skrifter av Gennadij Fisch m.m. paa sidorna

<http://www.geocities.ws/generaldepoten/vkt/index.html>
<http://www.geocities.ws/generaldepoten/realuphtml.html>
<http://generaldepoten.bravepages.com/vkt/index.html>
<http://generaldepoten.bravepages.com/realuphtml.html>

Падение Кимас-озера.

Kiimasjaervis eroevring

Геннадий Фиш

Gennadij Fisch

(Избранные произведения в двух томах, том 1, стр. 13-114, "Художественная литература," Москва 1976)

(Proletaerkultur, Goeteborg 1974; Uppgift om oeversaettarens namn saknas i boken; ill. av "Grimur".)

<15>

{5}

Приказываю:

ORDER:

Прибыв на станцию Массельгская, сразу же выгрузиться и выступить всем отрядом по направлению к селу Реболы.

Vid ankomsten till stationen Maaselkae skall bataljonen lasta ur och marschera i riktning mot kyrkbyn Repola.

Задание, которое должен выполнить отряд, состоит в следующем:

Bataljonens uppgift aer foeljande:

Перейти линию военных действий и, вступив на территорию, захваченную противником, уничтожить все группы противника, которые встретятся на пути. Выяснив месторасположение руководящих органов противника, отряд должен двигаться к этим пунктам и всеми доступными средствами и способами ликвидировать указанные органы. После того как село Реболы будет освобождено от неприятеля, отряду двигаться на Кимас-озеро, не допуская при этом ни остановок, ни промедлений. По взятии Кимас-озера отряду идти к деревне Тикша на соединение с 88-м пехотным полком.

Att gaa oever krigsoperationernas linje och naer bataljonen kommit in paa fientligt territorium foerinta alla fiendens trupper, vilka paatraeffas under vaegen. Naer bataljonen faar kaennedom om, var fiendens ledande organ befinner sig, skall den marschera i riktning mot dessa platser och med alla till buds staaende medel och metoder likvidera dessa organ. Sedan kyrkbyn Repola befriats fraan fienden, skall bataljonen utan naagon som helst tidsspilla marschera mot Kiimasjaervi. Efter Kiimasjaervis eroevring skall bataljonen marschera i riktning mot byn Tiksa, foer att daer foerena sig med 88:e infanteriregementet.

Неудача наступления на село Реболы не должна служить препятствием дальнейшей работе отряда. В этом случае село Реболы должно быть оставлено, и отряду всеми доступными путями продолжать движение к Кимас-озеру.

Om operationerna mot kyrkbyn Repola skulle misslyckas, faar detta inte hindra bataljonen att fortsaetta aktionen. I saadant fall skall kyrkbyn Repola genast laemnas och bataljonen paa alla framkomliga vaegar fortsaetta marschen mot Kiimasjaervi.

Сведений о состоянии и размерах сил противника в Реболах и Кимас-озере не имеется. По предположениям, штаб неприятеля находится в одном из этих сел. Все обнаруженные в глубоком тыле неприятеля склады припасов, вооружения и снаряжения уничтожить. Обо всех действиях отряда, как и об отношении населения к Советской власти, сообщать мне всеми доступными средствами, по возможности каждый день.

Uppgifter om fiendens styrka och laege i Repola och Kiimasjaervi saknas. Enligt vaart antagande boer fiendens stab befinna sig i en av dessa byar. Alla vapen- och utrustningsdepaaer, vilka paatraeffas bakom fiendens front, skall foerstoeras. Meddelanden om bataljonens alla operationer och om befolkningens instaellning till Sovjetregeringen boer meddelas mig paa alla tillgaengliga saett, om moejligt dagligen.

Командующий войсками Каррайона

Kommenderande befaelhavaren foer stridskrafterna i Karelen:

А. Седякин

A. SEDJAKIN

<16>

Глава первая

Нужны лыжники на рискованное дело

Для военной учебы это было прекрасное время -- три месяца в школе, три месяца практики на фронте.

На всех полях, где свистела сабля, во всех краях, где строчил пулемет, бывали наши курсанты.

Сам я, отступавший пешим порядком от Хельсинки, раненный в перестрелке под Териоками, вывезенный последним поездом через границу в Советскую Республику, дрался за нее под Царицыном, под Курганом. В 6-м Финсйком полку стоял за Медвежьей горой и в курсантском отряде в 1921 году отрезал бунтовавший Кронштадт от Финляндии.

Поэтому, хотя гражданская война уже и кончилась, никто из нас не удивился, когда в сумерках январского утра 1922 года перед прогулкой выстроили нас в коридорах длинных казарм бывшего кадетского корпуса.

-- Хорошо бы опять на какой-нибудь фронт! -- успел прошептать мне мой дорогой приятель Армас. -- И белых бы поколотили, и паек бы большой получали.

Но его шепот был остановлен резкой командой:

-- Смирно!

Мы замерли.

Начальник школы товарищ Инно и комиссар Ровио были необычайно торжественны и, пожалуй, чрезмерно серьезны.

-- Нужны двести человек, умеющие отлично ходить на лыжах, на очень рискованное дело!

Нас было больше трехсот, и почти все мы умели бегать на лыжах, и все без исключения рвались на рискованное дело.

{9}

FOERSTA KAPITLET

Det var en haerlig tid foer studiet av krigskonsten -- tre maanader i skolan, tre maanaders praktik vid fronten.

Paa alla faelt, daer sablarna ven, oeverallt daer kulsprutorna smattrade var vaar militaerskolas elever.

Jag sjaelv hade till fots retirerat fraan Helsingfors, blivit saarad vid en skaermytsling i naerheten av Terijoki, foerts med det sista taaget oever graensen till Sovjetrepubliken, slagits foer Sovjet vid Tsaritsyn och vid Kurgan och med 6:e finska regementet staatt bakom Karhumaeki tillsammans med en avdelning finska kursdeltagare och daermed avskurit det upproriska Kronstadt fraan Finland.

Trots att inboerdeskriget hade avslutats, blev ingen av oss foervaanad, naer vi en januarimorgon redan i gryningen foere den sedvanliga promenaden, blev uppstaellda i korridorerna i den laanga kasernen, som foerr tillhoert kadettkaaren.

I de lokaler, som av grundlaeggaren avsetts foer utbildning av tsarofficerare, utbildades daa kommandoer foer Internationalens armee.

-- Det skulle vara bra, om vi fick komma till naagon front igen, hann min gode vaen Kalle viska aat mig. -- Daa skulle vi faa klaa dom vita ordentligt och samtidigt faa stoerre ranson.

Hans viskning avbroets av ett skarpt kommando.

-- Giv akt!

Vi tystnade.

{10}

Skolans befaelhavare, kamrat Inno[1] och kommissarien, kamrat Rovio,[2] var ovanligt hoegtidliga och naestan alltfoer allvarliga.

-- Det behoevs 200 man, som aer duktiga paa att aaka skidor, foer en mycket riskabel operation.

Vi var oever 300 och alla, med undantag av naagra pojkar, kunde vi aaka skidor, och alla utan ett enda undantag ville vara med om en riskabel operation.

Самому старшему из нас едва ли было двадцать четыре года.

Все мы желали идти и подняли руки. Видя такое единодушие, комиссар товарищ Ровио поблагодарил нас от лица службы и сказал, что двести нужных для дела ребят отберет врач школы.

Днем занятия шли как обычно.

<17>

В пулеметном классе командир роты Тойво Антикайнен разобрал несколько пулеметов разных систем. Все детали смешал и положил в мешок. Мы должны с завязанными глазами вытаскивать эти детали и на ощупь определять их.

Я был так занят тем, что произошло утром, что спутал деталь "максима" с деталью "льюиса". Но в эту минуту, к счастью, меня вместе с Армасом вызвали к врачу.

Врач признал Армаса и меня годными к походу.

Армас спал на койке справа от меня, голубоглазый Лейно -- слева. Были мы трое неразлучными товарищами в горе и радостях. Родившись в разных местах нашей прекрасной суровой Суоми, мы все прошли по ней в восемнадцатом году в рядах Красной гвардии, чудом остались в живых, и, хотя нам всем троим вместе не было и семидесяти лет, нам пришлось увидеть больше, чем столетним старикам.

Но, черт побери, мы были молоды так же, как и сейчас!

-- Армас, -- сказал я в тот вечер, прибирая койку ко сну, -- зачем ты поднял руку? Ведь ты металлист и сам признавался мне раньше, что на лыжах ходить не пробовал.

-- Молчи, Грен, -- спокойно ответил Армас, стаскивая с ноги сапог.

-- Я хочу драться с белыми, и мне кажется, что на этот раз это будут лахтари; [1] я не могу оставаться в школе, когда ребята будут драться. Может быть, это малодушие, но я прошу -- не выдавай меня. К тому же

Man faar inte gloemma att den allra aeldsta av oss var nyss fyllda tjugofyra aar.

Alla straeckte upp haenderna, och kommissarien, kamrat Rovio tackade oss aa tjaenstens vaegnar, daa han saag en saadan enighet och sade, att de tvaahundra man, som behoevdes foer denna operation, skulle tas ut av skolans laekare.

-- Kalle, sade jag, naer jag hoell paa att goera i ordning min saeng paa kvaellen.

Kalle sov i saengen till hoeger om mig, och till vaenster hade jag den blaaogde Leino. Vi tre var oskiljaktiga kamrater i glaedje som i sorg, och fastaen vi kommit fraan skilda delar av vaart haerliga, karga Suomi, hade vi alla taagat igenom landet med Roeda gardet aar 1918 och som genom ett under hade alla foerblivit vid liv. Fastaen vi tillsammans representerade en aalder av knappast 75 aar, hade vi upplevt mer aen hundraaariga gubbar. Men, foer tusan, vi var unga paa den tiden liksom idag.

-- Kalle, sade jag denna kvaell, naer jag hoell paa att goera min saeng i ordning -- varfoer straeckte du upp handen? Du aer ju metallarbetare och har ju sjaelv foerut erkaent, att du inte foersoeekt aaka skidor en enda gaang tidigare.

-- Tyst, svarade Kalle lugnt, medan han drog av sig stoevlar-

{11}

na. Jag vill slaass mot vitgardisterna, och jag tror att det gaeller slaktarna[3] den haer gaangen. Jag kan inte stanna i skolan, naer pojkarne gaar ut och slaass. Det kan ju haenda, att det aer oevermodigt, men jag ber dig att inte foerraada mig. Foerresten saa har jag

три раза я ходил на лыжах.

redan staatt paa skidor tre gaanger tidigare.

Мы не могли даже представить себе трудности предстоящего пути. Желание Армаса казалось мне вполне обоснованными, притом же хотелось видеть его рядом с собой во всех передрыгах -- слишком много было вместе пережито, передумано, переговорено. Переговорено -- это, пожалуй, больше всего относилось к Армасу. Не в пример всем, Армас был очень разговорчив. Он прямо так и сыпал разные анекдоты и рассказы об удивительных приключениях. Мы с ним прожили вместе, не разлучаясь, четыре года, и я не припомню, чтобы хоть раз он повторился. Но он был изобретателен не только в рассказах. Все время корпел он над разными усовершенствованиями в оружии, в быту. Бывало, ночью разбудит и спросит: "Как ты думаешь о том-то и том-то?"

Vi kunde inte ens foerestaella oss de svaarigheter, som skulle komma i vaar vaeg: Kalles oenskan syntes fullt beraettigad, och dessutom ville man ju ha honom i naerheten i alla situationer -- vi hade ju genomlevt, genomtaenkt och genomdiskuterat saa mycket tillsammans.

<18>

Нет, я никому не сказал о лжи Армаса.

Daerfoer naemnde jag ingenting om Kalles loegn.

Через минуту Армас уже спал. На ноги была наброшена шинель.

En minut senare sov Kalle med taeket uppdraget oever huvudet. Oever sina foetter hade han lagt kappan.

В те годы казармы отапливались не так, как нынче.

Paa den tiden foerekom ingen eldning i kasernerna som nu.

Шинель была с "разговорами", образца 1921-22 годов, -- так сказать, древнерусского стрелецкого покроя, с переходящими с одного борта на другой малиновыми мостиками.

Kappan var av en modell, som anvaendes i slutet av aar 1921 och under aar 1922 -- saa att saega skuren efter de fornryska jaegarnas moenster och med hallonroeda revaerer oever broestet.

Все это выглядело бы на парадах весьма красиво, но в бою становилось отличной мишенью для неприятельских стрелков.

Detta tog sig mycket vackert ut paa paraderna, men i faelt blev kappan en utomordentlig maaltavla foer fiendens skyttar.

Койка Лейно пуста: он ушел в наряд.

Leinos saeng var tom. Han stod paa post.

Высокого роста, Лейно по праву был правофланговым, и койка была ему мала: чтобы уместиться на ней, Лейно должен подгибать ноги.

Leino var mycket laang. Han var flygelman paa hoegersidan och baedden var foer kort aat honom. Foer att faa plats i den maaste Leino vika ihop benen.

"Завязывается узлом", -- смеялись над ним ребята.

"Han slaar knut paa sig", sade pojarna skrattande om honom.

Глава вторая
Мы отправляемся на фронт

{13}
ANDRA KAPITLET

Как мы пели!

Som vi sjoeng!

Мы пели песню восемнадцатого года -- финскую баррикадную песню.

Vi sjoeng 1918 aars saeng: "Finska barrikadsaangen".

В теплушке было по-настоящему тепло.

I boskapsfinkan var det en haerlig vaerme.

Льжи лежали вповалку -- выбрать их было нелегко. Целый день привозили их на наш двор со всех частей и складов гарнизона.

Мы отбирали те, которые нам по нраву: хапавези -- длинные, благородные, тонкие; муртомаа -- беговые, дорожные парные, разрозненные, с ременными завязками, с проволочными креплениями.

Никогда в жизни до тех пор я не видел столько лыж, собранных вместе.

Весь день ушел на отбор лыж. Мы гнули их, просмаливали и смазывали у трескучих костров.

Льжи я отбирал для себя, для Лейно и Армаса.

Лейно находился в тот день в наряде и только к вечеру, когда мы были уже выстроены, вернулся и, запыхавшись, попросил у начальника разрешения стать в строй. Вот почему всю дорогу в теплушке он спал так крепко, что даже наша песня не могла его разбудить.

Армас весь день чистил мне, Лейно и себе винтовки и набивал наши рюкзаки -- "обезьянки" -- выданным на дорогу <19> продовольствием и вещами, необходимыми во всяком долгом пути.

Мимо бежали черные в зимней ночной мгле хвойные леса.

Кипятильники на станциях не

действовали. Мы набирали снег в котелки, пили в теплушках дымящийся чай, похрустывая сахаром, и пели.

-- Командующий меня спросил, -- говорит Армас, -- здоров ли я, проверил обмундирование и только забыл спросить, умею ли я ходить на лыжах. Разумеется, я ему ничего не сказал.

-- Ты уж молчал бы лучше! -- отвечаю я Армасу.

И дальше нас перебивает песня.

Skidorna laag i en hoeg. Som vi sorterade dem! Hela dagen koerdes de in paa vaar kaserngaard fraan alla garnisonens upplag och foerraad.

Vi tog reda paa de skidpar, som vi tyckte om: "loeparlaggar" -- laanga, tunna, foernaema; saemre "laggar" -- loeparskidor, backskidor, en del maka, en del omaka, med alla slags bindingar -- rebindslen, snoerbindslen och bindslen av jaerltraad.

Aldrig i mitt liv hade jag sett saa maanga olika slags skidor hopsamlade i en hoeg.

Hela dagen gick aat till att sortera skidor. Vi braettade dem, saag om dem och vallade dem vid en oepfen eld.

Jag valde ut skidor aat mig, Leino och Kalle.

Leino hade vakten idag ocksaa och foerst paa kvaellen, naer vi redan var uppstaellda, fick han av kommendoeren tillaatelse att staella sig i ledet. Daerfoer sov han saa haart hela vaegen i boskapsfinkan, att inte ens vaar saang foermaadde vaecka honom.

Kalle var hela dagen sysselsatt med att rengoera sitt, mitt och Leinos gevaer och proppade vaara ryggsaekar fulla med de matvaror vi faatt till vaegkost och andra saker, som aer oumbaerliga foer varje laengre resa.

Foerbi oss susade de i vinternattens dunkel svartnande barrskogarna.

Varmvattenbehaallarna paa stationerna var inte upp-

{14}

eldade. Vi samlade snoe i hinkar, drack rykande varmt te i boskapsfinkorna, knaprande paa sockerbitar och sjoeng.

-- Foerste kommendoeren fraagade mig, om jag var frisk och kontrollerade min utrustning, men han gloemde att fraaga, om jag kan aaka skidor och det aer sjaelvklart, att jag inte sa' ett ljud till honom.

-- Det goer detsamma, svarade jag Kalle -- det var baest att du teg!

Sedan avbroets vi av saangen.

Jag fick plats i den undre kojerna.

Jag tycker inte om de oevre kojerna och detta av foeljande orsak.

Vaar kursavdelning blev i fjol skickad ut mot upproret i Kronstadt. Vi satt i vanliga boskapsfinkor. Dagen var solig, men kall.

Taaget gick en halv kilometer, stannade sedan en timme eller två, och fortsatte sedan en halv kilometer framaat igen.

Och just under ett av dessa uppehaall, som taaget gjorde i en skogsglaenta, oepnade sig det isiga havet och faestningen foer vaara blickar.

Vi hoppade ut ur boskapsfinkorna brottades med varann och rullade runt i snoen. Kommendoeren, som hade sin plats paa den oevre kojén, traacklade med ovan hand fast en knapp i sin vapenrock.

Fastaen det var en solig och kall marsdag, syntes kanonelden tydligt. Vi tittade paa granatkrevaderna, raeknade dem och gycklade oever faestningens daaliga artillerister, som foer fulla muggar skoet hur som helst utan att traeffa!

Snart fick de syn paa vaar avdelning. De roeda boskapsvagnarna lyste i glaentan mot den vita snoen -- kan man begaera baettre sikte!

-- Foer kort! Foer kort igen! -- glada oever att de inte traeffade, skaemtade vi om klaaparna.

-- Foer laangt, foer laangt.

Granaten kreverade just oever taaget och det staenkte skaervor.

Att stanna kvar i glaentan var inte helt ofarligt. Och utan att invaenta order, satte lokfoeraren igaang taaget. {15}

Vi hoppade in i boskapsfinkorna under taagets gaang, glada oever att ingen foerlupen kula traeffat naagon av oss. Och saa sjoeng vi samma saang som nu.

Lokfoeraren bromsade ovaentat upp taaget -- och vaar kommendoer ramlade fraan oeverkojen rakt ner paa vagnsgolvét. Han laag hjaelploes, liksom ihjaelslagen, raklaang, med ansiktet nedaat, stendoed ...

1918 kommenderade han en avdelning av Roeda gardet i Finland. Han blev tillfaangatagen och doemdes till livstids straffarbete, men rymde fraan tukthuset genom Sverige till Sovjetryssland -- och haer aendade den foerlupna kulan fraan faestningen hans

Наш поезд, пробираясь через снежные заносы, разбрасывая крупные искры, шел на север.

Мы ехали в Карелию. Через год после Кронштадта мы снова получили боевую практику.

Постепенно песни затихали. Спать не хотелось.

"Надо заснуть, -- сказал я себе, -- неизвестно, придется ли спать завтра".

И, слушая ровное дыхание Лейно, вспоминая о том, как нас провожали с вокзала, укачиваемый добрым стуком колес, я заснул.

Проснулся уже под утро. Было еще темно.

Мы стояли на каком-то разъезде.

Встречный поезд был составлен из классных вагонов, теплушек, санитарных вагонов.

Он шел на юг.

Я выскочил на воздух, наскоро умылся снегом и пошел к санитарным вагонам. Я надеялся найти знакомых, чтобы расспросить очевидцев, и не ошибся.

В потемках рассвета в вагоне, слабо освещенном мигающей свечой, где, мешая стоны с руганью, лежали раненые, меня кто-то окликнул:

-- Матти! Ты ли это?

А так как это был именно я -- меня зовут Матти Грен, -- то я подошел к койке, откуда раздался этот слабый окрик.

liv.

Fraan denna stund (jag vet mer aen vael, att det aer skrock) aer det mig motbjudande att sova i godsvagnarnas oevre kojor eller passagerarvagnarnas oevre baeddar och att se folk, som sitter paa taaget och syr fast naagonting. Ofrivilligt traenger sig minnet av den kalla marsdagen fram: snoen, solen, boskapsvagnen och den med ansiktet mot det smutsiga golvet liggande, raklaangt utstraecte kommendoeren.

*

Laangsamt arbetade sig vaart taag norrut genom vaeldiga snoedrivor och utstoette skyar av gnistor.

Vi aakte till Karelen. Ett aar efter Kronstadtupproret fick vi ny praktik i klasskampen.

Saangen dog laangsamt bort; jag ville inte sova.

"Du maaste sova -- sade jag till mig sjaelv -- det aer ovisst vad det blir foer arbete i morgon".

Och lyssnande till Leinos jaemna andedrag, erinrade jag mig kamrat Kamenjevs vaeldiga, graaspraengda mustascher. Han hade placerat oss paa taaget vid Nikolajevstationen. Vaggad av hjulens monotona dunkande somnade jag in.

Naer jag vaknade, led det redan mot morgonen. Det var aennu moerkt.

Taaget stod vid en liten anhalt.

Det moetande taaget var hopsatt av passagerarvagnar, godsvagnar och sjukvagnar.

{16}

Det gick soeder ut.

Jag hoppade ut i det fria. Jag tvaettade mig fort med litet snoe och gick bort till sjukvagnarna. Jag hoppades traeffa naagra bekanta och faa fraaga ut dem om haendelserna. Och det visade sig, att jag inte tog fel.

I halvmoerkret i en av vagnarna, som var svagt upplyst av ett blinkande ljus, laag saarade, vilkas jaemmer blandades med svordomar. Det var naagon, som tilltalade mig.

-- Matti! Aer det du?

Och eftersom det verkligen var jag -- jag heter Matti -- saa gick jag fram till kojjen, fraan vilken detta svaga tillrop kom.

-- Прости, не могу подать тебе руку: она меня отморожена.

Мигание свечи, не разгоняя сумрака, мешало мне рассмотреть лицо говорившего. Я с трудом узнал его.

Раухалаhti -- мой товарищ по мастерской в Хельсинки, мой товарищ по териокскому отряду Красной гвардии, работник Карельской трудовой коммуны -- лежал передо мной без движения.

В нашей неожиданной встрече не много было радости.

<20>

Раухалаhti за полчаса, что простоял наш состав на полустанке, рассказал столько интересных вещей, сколько иной раз и за год не придется услышать.

-- Все дело, Матти, в том, что наши бойцы не знают местных условий: ни этих проклятых незамерзающих болот, ни этого дикого бездорожья. Красноармейцы не умеют ходить на лыжах, а лахтари ходят на них отлично -- они проскакивают без дорог в тыл, они перебегают через границу.

Еще с осени они переходили поодиночке и группами через границу, собирались в лесах, у озер, в рыбацких банях, сторожках, накапливали оружие, а у нас по всей Карелии, по всей тысячеверстной бездорожной границе с трудом насчитывалась тысяча бойцов, и то в мелких, разрозненных отрядах.

Когда началось "движение" -- ты только подумай: эти белые прикрываются именем "Калевалы"[2] -- по нашим деревням ездил седобородый старик, торговец из Тунгуды, -- он называл себя Вяйнямейненом -- и агитировал сразу и за независимость Карелии, и за присоединение ее к Финляндии.

С самого начала "движения" к этим лахтарям примкнули кулаки и зажиточные. Мы даже приблизительно (ты знаешь, какие у нас пути сообщения, -- птица крыло сломит!)

-- Foerlaat, jag kan inte raeka dig handen. Baade haenderna och foetterna aer foerfrusna.

Det blinkande ljust, som inte kunde skingra dunklet, hindrade mig fraan att klart se den talandes ansikte. Det var naett och jaemt jag kaende igen honom.

Rauhalahti, min kamrat fraan verkstaden i Helsingfors, min kamrat fraan Roeda gardets Terijokiavdelning, arbetare i Karelens arbetarkommun, laag framfoer mig utan att kunna roera sig.

*

Det var inte mycket glaedje i vaart ovaentade moete.

Under den halvtimme, som vaart taag stod vid anhalten, beraettade Rauhalahti saa maanga intressanta saker, som man annars inte kan faa hoera paa ett helt aar.

-- Hela saken bestaar i, Matti, att vaara kaempar inte kaenner till ortsfoerhaallandena -- de kaenner inte till dessa foerbannade kaerr, som aldrig fryser till, eller dessa vilda, vaegloesa trakter. Vaart folk kan inte aaka skidor, men slaktarna aaker skidor bra. De finska jaegarna klarar sig utan vaegar in bakom fronten och loeper oever graensen.

Redan i hoestas gick de oever graensen. Enstaka och i grupper samlade de sig i skogarna, vid traesken, i fiskarnas bastur vid sjoearna, i vaktstugorna och samlade saa smaaningom vapen. Men i vaart stora, vaegloesa Karelens, laengs hela den tusen kilometer {17} laanga graensen kunde man med knapp noed raekna tusen roedarmister, och dessa var spridda i smaa kaarer.

-- Naer roerelsen boerjade -- du kan bara taenka dig: dessa skurkar maskerar sig med Kalevalas[4] namn! -- reste en graaskaeggig gubbe, en handlare fraan Tunkua omkring i vaara byar -- han kallade sig Vaeinoemoeinen och agiterade foer Karelens oavhaengighet och foerbund med Finland. Foerbund med Slaktar-Finland!

Naer roerelsen boerjade, fick slaktarna hjalp av kulakerna[5] och de vaelbaergade. Vi kunde inte ens tillnaermelsevis (du vet, hur foerbindelserna aer -- en faagel kan

не представляли себе размеров восстания, а когда стали поступать запоздавшие сведения и мы посылали телеграмму за телеграммой в центр, там совсем недооценивал серьезности положения и в своих запросах иронически относились к нашим сообщениям.

Потом стали посылать людей, совсем не подготовленных к нашим условиям.

Я обморозился под Кокосальмой.

Мы на рассвете вышли из Кестеньги в Кокосальму, которую занимали лахтари.

Ты себе представь: всего-навсего одна проходимая тропа!

К десяти утра мы были уже у озера -- всего тысяча двести шагов от Кокосальмы -- и стали разворачиваться на глазах у белых.

Разворачивались мы два часа.

В двенадцать командир приказывает: "В атаку!"

Заметь себе, что белые совсем не стреляли, не подавали <21>

даже признаков жизни. Нам надо было пройти около версты по занесенному глубоким снегом озеру.

Позади подтянули на руках мелкокалиберное орудие. Оно за

весь бой выстрелило всего раза четыре, и то каждый раз снаряды, попадая в липкий, вязкий снег, не разрывались.

Как только мы сошли с тропы, сразу провалились по пояс в густой снег.

Идти было очень трудно.

Каждые десять-пятнадцать шагов надо было останавливаться, чтобы передохнуть.

Так мы стали выдыхаться, не пройдя и четверти расстояния до деревни.

bryta vingarna av sig) goera oss en foerestaellning om roerelsens utbredning. Och naer det boerjade komma foersenade upplysningar och vi skickade telegram efter telegram till centrum, saa underskattade de daer alldeles situationen, och i sina foerfraagningar anslog de en ironisk ton gentemot vaara meddelanden.

Sedan boerjade man att skicka ut truppfoerband, som var uttroettade efter kriget i Centralryssland och inte alls utrustade foer vaara foerhaallanden.

Jag foerfroes vid Kokkosalmi.

Jag skulle hellre paa nytt vara i faangenskap hos Mannerheim i Tammerfors, aen att upprepa striden vid Kokkosalmi.

I dagningen gick vi ut fraan Kiestingi i riktning mot Kokkosalmi, som var besatt av slaktarna.

Foerestaell dig, allt som allt en enda framkomlig vaeg.

Vaara grabbar, som inte var vana vid krigsfoerhaallandena i Karelen, hade inte ordnat rekognosceringen ordentligt och vi boerjade att oevergaa till skyttelinje mitt framfoer de vitas oegon.

Skyttelinjens bildning varade i tvaa timmar.

Klockan tolv ger kommendoeren order: Attack!

Maerk vael, att de vita inte alls skoet. De gav inte

ens ett enda livstecken ifraan sig. Vi skulle gaa ungefaer en kilometer genom den djupa snoen oever isen.

Bakom oss hade man t o m dragit fram en faeltkanon. Un-

{18} der hela tiden skoet den allt som allt fyra skott, och varje gaang foell projektilerna ned i den djupa, mjuka snoen och exploderade inte.

Saa fort vi kom bort fraan stigen, sjoenk vi ned aenda till midjan i den djupa snoen.

Det var oerhoert svaart att gaa.

Vart tionde, femtonde steg gjorde vi halt; ibland stannade vi aenda till en halv timme paa varje staelle.

Paa saa vis blev vi uttroettade, innan vi ens hade gaatt fjaerdedelen av

В движении мы потели от напряжения, но на остановках начинали мерзнуть.

Я тянул "максим", а двигаться с ним, сам понимаешь, по этому снегу было не очень весело.

Но самое тяжелое было еще впереди.

Продвигаясь по льду, мы вдруг почувствовали под ногами воду. Здесь и так бывает: вода выступает поверх льда. Скоро она стала доходить до колен, и уже примерно в четырехстах шагах от противника весь наш отряд провалился по пояс в талую воду. Идти дальше было невозможно.

Лахтари, хорошо знакомые с местностью, очевидно, только этого и дожидались. Они открыли спокойный прицельный ружейный огонь и угощали нас внезапными пулеметными очередями.

Я стал налаживать свой "максим", но ты пойми: весь день температура ниже тридцати семи градусов по Цельсию -- вода в кожухе так замерла, что пустить пулемет в дело было невозможно.

У многих ребят заоченели пальцы, трудно было сладить со спусковыми крючками винтовок.

Я выхватил у одного красноармейца из отороженных рук винтовку и, когда командир скомандовал: "Огонь!" -- нажал спуск, но -- черта с два! -- из всего нашего отряда раздалось только семь-восемь выстрелов -- честное слово, не больше.

Моя винтовка отказывалась стрелять, винтовки ребят тоже бездействовали. Видишь, в чем дело: в затворе от холода ударники примерзли к пружинам. Обмундирование же наше не ахти какое, и если замерзала сталь, то что было с людьми! И все это под

точным, метким огнем лахтарей, которые, надо отдать им справедливость, были с выдержкой.

Ты не забудь, что мы находились по пояс в воде. Понятно, ни о каком продолжении атаки не могло быть и речи.
<22>

Мы зарылись в снег, чтобы дождаться темноты. Лежали больше трех часов, и, как мы приветствовали наступление ночи -- сам поймешь.

avstaandet fram till byn.

I boerjan blev vi varma av anstraengningarna, men de upprepade uppehaallen gjorde att vi froes.

Jag slaepade paa en kulspruta och du foerstaar sjaelv att det inte var vidare roligt att dra den efter sig i denna snoe.

Men det svaaraste aaterstod aennu.

Naer vi marscherade oever isen, kaende vi ploetsligt vatten under foetterna. Efter naagra steg naadde vattnet aenda upp till knaena och naer vi var ungefaer 400 steg fraan fienden stod hela avdelningen upp till midjan i vatten. Laengre var det omoejligt att gaa.

Slaktarna, som kaende vael till ortsfoerhaallandena, hade troligen endast vaentat paa detta. De boerjade helt lugnt skjuta till maals paa oss med kulsprutesalvor.

Jag boerjade att goera i ordning min kulspruta, men du foerstaar -- hela dagen hade det varit foertvivlat kallt, och vattnet i kulsprutorna hade frusit, saa det var omoejligt att faa dem igaang.

Maanga grabbar hade faatt fingrarna stelfrusna och hanen vaegrade att lyda deras anstraengningar.

Jag ryckte gevaeret ur en roedarmists foerfrusna haender och naer kommendoeren befallde -- Giv eld! -- tryckte jag paa hanen. Men det var foer djaevligt -- fraan hela vaar avdelning avlossades bara ett 70-tal skott. Paa hedersord, flera var det inte.

Mitt gevaer vaegrade att arbeta. Aeven grabbarnas gevaer var ur funktion. Du foerstaar, att mekanismen i gevaeren hade blivit vaat och sedan froes fjaedrarna fast. Staalet hade frusit... De vaaras klaeder var allt annat aen bra, och om staalet froes, hur skulle det daa vara med maenniskorna? Och allt detta under slak-

{19}
tarnas vaelriktade eld, som, den raettvisan maaste man goera dem, var ihaallande.

Gloem inte, att vi stod aenda till midjan i vatten. Det aer klart, att det inte kunde vara tal om att fortsaetta anfallet.

Vi graevde ner oss i snoen foer att invaenta moerkret. Saa laag vi i tre timmar och du kan foersta med vilken glaedje vi haelsade moerkret.

Под прикрытием темноты стали
отходить назад.

К счастью, беляки нас
не преследовали.

Когда мы подползли к тому месту, где
оставалось орудие, мы поняли, почему
оно почти бездействовало.
Командир орудия
отморозил себе руки и ноги,
стоя на наблюдательном пункте.

Его посиневшее лицо казалось
совершенно мертвым, и на щеках
видны были крупные слезы. Не успев
сползти по небритой щеке, они
превращались в ледышки.

Я видел, как наши замечательные
ребята до того утомились, что стали
безразличными ко всему.

Некоторые ложились на дорогу и
лежали совершенно без движения,
распластавшись, пока их не подобрал
подошедший обоз.

На обратном пути, при отходе по
дороге через болота, наше орудие со
всеми снарядами провалилось под лед,
в воду, на глубину двух метров.

С политруком во главе три часа
работали в болоте при
двадцатипятиградусном морозе -- и
пушку и снаряды вытащили. Какие
прекрасные ребята наши артиллеристы!

Лошади и те из строя выбыли. Ну и я,
конек-скакунок, без одной руку в
Питер, в госпиталь еду...

Он горько улыбнулся.

Свеча уже совсем оплыла. Зимний
рассвет заливал белые снега серым
светом, который пробивался в вагоны
санитарного поезда.

Паровоз загудел.

От толчка проснулись раненные,
застонали, заворчали, заворочались.

-- Раухи, -- спросил я, пробираясь
уже к выходу, -- что думаешь ты обо
всей кампании?

-- Что думаю! Наши на лыжах ходить
не умеют, следовательно, лахтари
сумеют дотянуть до весны, а весной,
летом, осенью здесь воевать совсем

I skydd av moerkret boerjade vaart
aatertaag.

Och till all lycka blev vi
inte foerfoeljda av vitgardisterna.

Naer vi hade krupit tillbaka till den
plats, daer vi laemnat kanonen, saa
foerstod vi varfoer den hade anvaents
saa litet. Kanonens befaelhavare hade
foerfrusit baade haender och foetter,
daer han stod paa utkik.

Hans blaafrusna ansikte saag ut att
vara alldeles doett och t o m i
moerkret saag man stora taarar. Innan
taararna hunnit trilla ned fraan de
orakade kinderna, hade de
foervandlats till is.

Jag saag hur en del utmaerkta pojkar
var saa uttroettade, att de blev
fullkomligt apatiska.

Somliga lade sig ned paa vaegen och
laag daer oroerliga och totalt uttroettade
aenda tills dess traengen kom och tog
upp dem.

Vid aatertaaget genom kaerret sjoenk vaar
kanon med alla granaterna genom isen
ned paa tvaa meters djup i vatten.

Med den politiske ledaren i spetsen
arbetade vi tre timmar i kaerret i
tjugofem graders kyla -- och raeddade
kanonen med dess granater. Vilka
fantastiska grabbar vaara
artillerister aer!

Till och med haestarna kom ur ledet
och jag, arma stackare, aaker nu till
sjukhuset i Petrograd med bara en
hand.

Han log sorgmodigt.

*

Ljuset hade naestan brunnit ned och
vintergryningen kastade sitt graaa
ljus oever de vita snoefaelten. Ljuset
traengde ocksaa in i sanitetstaagets
vagnar.

Lokomotivet visslade.

De saarade vaknade av stoeten,
stoenade, graelade och vred paa sig.
{20}

-- Rauhi, fraagade jag, naer jag gick
mot doerren -- vad tror du om hela
faelttaaget?

-- Vad jag tror? De vaara kan inte
aaka skidor, och foeljaktligen kan
slaktarna haalla ut aenda till vaaren,
och under sommaren och hoesten aer det

невозможно: болота, озера, снова болота -- бездорожье такое, что во многих волостях только на волокушах[3] и передвигаются.

<23>

-- А тем временем белые будут орудовать в Лиге нации от имени самозванного карельского правительства!

Мы торопливо простились:

-- Прощай, Матти!

-- Прощай, Раухи!

Я прокричал мой прощальный привет, уже соскакивая с подножки санитарного вагона.

Какие задания мы получим? Неужели наш курс обучения будет прерван на целый год?

Всеми этими мыслями я поделился с ребятами.

Глава третья

Мы получаем боевое задание

На Армаса было забавно смотреть: у него вначале лыжи разъезжались в разные стороны, и он чуть не падал носом в снег, затем, наоборот, начинали съезжаться, оближаясь и перекрещиваясь.

[Se laengre ner]

Он беспомощно болтал палками, стараясь раскрестить лыжи не падая. Правда, при этом он, срывая свое смущение, без умолку болтал.

Один раз он сошел с лыж в сторону от лыжни, чтобы развести их, и сразу провалился по пояс в снег.

Усталый, вспотевший, он с трудом попевал за своими товарищами (ведь всего четвертый раз в жизни он

fullkomligt omoejligt att foera krig haer: kaerr, insjoear, sumpmarker och ett saadant vaegloest tillstaand, att man i maanga socknar endast kan komma fram med hjaelp av rissla...

Och samtidigt kommer de vita att mullvada i Nationernas Foerbund i den sjaelvutnaemnda Karelska s k Kalevalaregeringens namn. Dom har ju inte bara Vaeinoemoeinen, dom har ocksaa "smeden" Ilmarinen, han aer en av deras militaera ledare.

-- Jag aer raedd foer att det kan bli ett andra Bessarabien av Karelen.

-- Adjoe Matti.

-- Adjoe, Rauhi

Jag ropade min avskedshaelsning i samma oegonblick, som jag hoppade av sjukvagnens fotsteg.

Vi kan ju aaka skidor, foer helvete, vaar skolavdelning.

Vilka uppgifter skall vi faa? Aer vaar laerokurs verkligen avbruten foer ett helt aar?

Dessa tankar sysselsatte mig och de oevriga pojarna.

{21}

KAPITEL TRE

Det var skrattretande att se Kalle. I boerjan gick hans skidor aat var sitt haall och han var naera att trilla paa naesan i snoen.

Jag blev utnaemnd till ledare foer en pluton. Kalle kom i min pluton, och det var tur foer honom; Leino var troppchef.

Kalles skidor gick inte alltid isaer. Ibland var det tvaertom: de aakte ihop och korsade varandra.

Han viftade hjaelploest med stavarna och foersoekte att skilja skidorna aat utan att ramla.

En gaang steg han av skidorna vid sidan av skidspaaret foer att skilja dem fraan varandra och sjoenk med en gaang ned till midjan i snoen.

Han var troett och svettig, och det var svaart foer honom att foelja med de oevriga. (Det var ju endast fjaerde

вставал на лыжи!).

Я был назначен командиром взвода. Армас попал ко мне -- это был его выигрыш. Лейно командовал отделением.

-- Может, тебе лучше было бы остаться? -- спросил я Армаса, когда он на легком повороте зацепился за свою же собственную палку.

Армас обиделся:

-- Я доберусь до них, я буду бить беляков! Ты увидишь, как я пойду завтра,, послезавтра. Велика важность -- ходить на лыжах!

Больше всего Армас боялся упасть.

Подниматься было с непривычки трудно. Защитный белый балахон путался под ногами.

Из всего обмундирования привычным был только шлем. Валенки, бараний полушубок, шаровары на вате были новин-

<24>

кой; сверх этого трехлинейная,

а ту кого и автомат через плечо, по двести патронов у пояса, полотенце, веревочка, в мешке хлеб, консервы, шпик, масло, сахар и по фляге спиртного -- всего на человека двадцать кило.

Мы вышли со станции Массельгской без всякого обоза.

Всё -- на себе.

Выданное довольствие указывало на предстоящее нам большое дело, но в чем оно будет заключаться, никто еще не знал.

Мы шли в колонне по два.

Снег был рыхлый. Головной лыжник проваливался в него по колению, но шел вперед, прокладывая лыжню, преодолевая отчаянное сопротивление мягкого, легкого, нежного снега. Через сотню метров головной лыжник выдыхался, и его заменял следующий -- из этого же отделения. Так сменялись головные внутри отделения. Так же менялись и сами отделения -- в голову колонны на смену одному шло другое.

gaangen i sitt liv, som han stod paa skidor.) Han troestade sig likvael med att kamraterna Rovio och Inno inte alls kunde aaka skidor.

[Se laengre opp]

-- Kanske det aer baest foer dig att stanna? fraagade jag honom, naer han i en laett svaeng snubblade paa sin egen skidstav.

Kalle blev foernaermad.

-- Jag skall fram. Jag skall slaa vitgardisterna. Du skall faa se, hur jag kommer att aaka i morgon och i oevermorgon. Det aer vael ingen konst att aaka skidor.

Framfoer allt var Kalle raedd foer att ramla.

Ovan som han var, var det inte laett att resa sig igen. Den vita skyddskaapan trasslade in sig i benen.

Av hela utrustningen var vi endast vana vid moessan. Filtstoevlarna, faarskinnskaelsen, de vadderade byxorna,

armeegevaeret,

{22}

somliga hade aeven maskingevaer oever axeln, upp till tvaahundra patroner i baeltet, handduk, ett rep i vaeskan, konserver, broed, flaesk, smoer, socker, en plunta med alkohol -- allt som allt tjugo kilo per man.

Vi gick fraan stationen Maaselkae utan naagon som helst traeng.

Allt bar vi sjaelva.

De utransonerade livsmedlen visade, att en stor uppgift foerestod oss, men vari denna skulle bestaa, visste aennu ingen av oss.

Vi gick i kolonn, tva och tva.

Мы продвигались быстро только потому, что нас было много: пять-шесть человек в этом снегу выдохлись бы окончательно на десятом километре.

Армас -- передо мной. Я взял у него часть его груза, говоря, что, когда он научится хорошо ходить на лыжах, пусть сделает то же самое для меня.

Умению Лейно бегать на лыжах я, признаться, немного завидовал.

Он шел, легко скользя впереди нас по насту, широким шагом, ловко взмахивая палками. Он был первоклассным лыжником и поэтому почти все время или шел впереди, прокладывая лыжню для отряда, или уходил в разведку.

С каким наслаждением вдыхал я свежий морозный воздух!

Идти было, по-моему, нетрудно: почти все время по дороге.

Быстрая ходьба на лыжах, радующая после казармы свежесть воздуха, настоящая молодость и сознание, что скоро придется встретиться в упор с врагом -- все это бодрило, и мне хотелось петь.

И не одному мне, очевидно, хотелось петь, потому что сзади кто-то затащил боевую песню, но строгий окрик крепкого, словно из одного куска камня выточенного, командира первой роты Хейконена прервал песню и дал с еще новой остротой почувствовать всем, что мы действительно находимся на фронте.

Я знал, что темп нашего движения многим ребятам не под силу, и, оглянувшись, увидел, что отряд растянулся не меньше чем на километр.

Армас все еще шел передо мной, но по катящемуся градом с его лица поту, по необычайной сосредоточенности серых глаз видно было, что это доставалось ему нелегко.

<25>

Скоро я увидел на спине Армаса небольшое влажное пятнышко. Оно постепенно разрасталось... Это пот прошиб полушубок и вышел на

Kalle gick bredvid mig. Foer att hjaelpa honom oeventog jag en del av hans packning, med foerklaringen att naer han laert sig att aaka skidor bra, skulle han faa goera detsamma foer mig.

Leinos saett att aaka skidor avundas jag honom uppriktigt sagt.

Han gled laett framfoer oss i spaaret med laanga glid och vana stavtag. Han var en foerstklassig aakare, och daerfoer gick han hela tiden i taeten och gjorde spaar foer hela bataljonen eller ocksa var han ute och rekognoscerade.

Vilken njutning var det inte att inandas den friska, frostiga luften.

Enligt min mening var det inte svaart att aaka, ty vi gick naestan hela tiden paa jaemn vaeg.

Den snabba skidaakningens rytm, den friska luften, som verkade saa uppiggande efter ett aar i kasernen, den floedande ungdomligheten och medvetandet, att man snart skulle komma fienden in paa livet -- allt detta entusiasmerade mig som en upplivande dryck och jag fick lust att sjunga.

Och det var tydligen inte bara jag, som ville sjunga, ty bakom mig var det naagon, som tog upp en kampsang. Men en skarp order fraan Heikkonen, foersta kompaniets ljusta, starka, alldeles som ur en sten mejslade kommendoer, avbroet saangen och laet oss alla med ny skaerpa kaenna, att vi verkligen var ute vid fronten.

Jag visste, att vaart marschtempo var foer haart foer maanga av pojkaerna, och naer jag vaende mig om, saag jag att hela bataljonen hade dragits ut till minst en hel kilometer.

{23}

Kalle gick aennu bakom mig. Men av svettpaerlorna, som rann fraan hans ansikte, och paa den ovanligt koncentrerade uttrycket i hans oegon syntes det, att det inte var laett foer honom att haalla denna plats i ledet.

балахон. Когда пятно это увеличилось до размера человеческой головы, Армас сошел с лыж и сказал мне:

-- Я пойду в хвосте...

Потом уже по величине пятна на спине я легко определял, сколько километров он еще может пройти без отдыха.

Лейно ушел далеко вперед.

Отдельные отстающие товарищи едва были заметны позади.

-- Вперед, товарищи! В Паданах у нас будет большой привал, -- ободряя, громко сказал Хейконен, и мы вошли в лес.

Мы шли лесом.

Это был настоящий карельский мачтовый сосновый лес.

Капюшоны слетали с головы, когда мы пытались взглянуть на оснеженные ветви вершин. Это был строевой и перестойный лес.

Дороги уже не было. Мы вышли из лесу и пошли по Сегозеру.

Белых мы еще не встречали.

Если бы не патроны у пояса, винтовка через плечо и груз за спиной, всю нашу прогулку можно было бы представить спортивным состязанием.

Меня уже начинал тяготить груз, и левая нога слишком свободно ходила в валенке. Остановившись на секунду на одном повороте, я почувствовал в пятке какое-то жжение.

"Верно, натер ногу", -- подумал я и хотел спросить, а как обстоят дела у Армаса, но его рядом со мной не оказалось.

"Отстал", -- пришло мне в голову. Оглянувшись, я увидел, что отстал не один Армас, а еще несколько ребят, среди них и Каннер.

Он был до поступления в Интернациональную военную школу известным борцом и не на одном состязании выступал как чемпион Финляндии. Арены многих цирков,

Leino var redan langt framfoer oss.

Enstaka kamrater, som blev efter, skymtade langt borta.

-- Framaat kamrater! I Paadane skall vi ha ett laengre uppehaall, sade Heikkonen hoegt och uppmuntrande, och vi fortsatte in i skogen.

Vi gick genom skogen och oever en sjoe. Det var en aekta karelsk skog av masthoega furor.

Kapuschongerna foell ned fraan huvudena, naer vi foersoekte att titta uppaat de snoetyngda topparnas grenar. Vi traeffade paa saavael uthuggen som oroerd skog.

Naagon vaeg fanns det inte. Vi kom ut ur skogen och gick paa Seesjaervi.

De vita hade vi aennu inte traeffat paa.

Om vi inte hade haft patronerna i baeltet, gevaeren oever axlarna och ryggsaeckarna, saa hade man kunnat tro att hela vaar utflykt var en idrottstaevling.

Ryggsaecken boerjade redan att kaennas tung. Dessutom var vaenstra filtstoeveln tydligen en smula foer stor foer foten. Naer jag stannade en sekund i en svaeng, kaende jag att det sved i haelen.

-- Det aer vael ett litet skavsaar, taenkte jag, och ville fraaga Kalle, hur det stod till med honom i detta fall, men Kalle fanns inte laengre bredvid mig.

-- Han har vael blivit efter, taenkte jag, och naer jag vaende mig om, saag jag att inte bara Kalle blivit efter utan ocksaa flera andra pojkar och bland dem Aalto.

Aalto var foere intraedet i Internationella Krigsskolan en kaend brottare och hade deltagit i mer aen en taevling som finsk maestare. Det aer saekert maanga cirkusar och ringdomare

наверно, до сих пор помнят его
неуклюжую, медвежью
ловкость, поэтому если отстал и
Каннер, то Армаса нельзя было
корить.

Зимняя ночь наступает быстро, но мы
шли быстрее, чем зимний день.

Мы не тренировались, но за нас --
наша свежесть, бодрость, молодость и

тот азарт, с которым мы взяли за
дело.

<26>

Поэтому часам к девяти вечера
передовики входили уже в Паданы --
большую деревню на
берегу Сег-озера.

Это была последняя
деревня по нашу сторону
фронта. Дальше, за деревней
Лазарево, начиналась сторона белых.

В Паданах мы расположились по избам,
выставив охранение.

В эту ночь в охранении я не был и
спал как убитый. Ведь мы проделали
переход в семьдесят километров!

Никаких снов.

Наверное, ни одного движения
за ночь я не сделал.

Разбудил меня Армас, дергая за
валенки.

Был зимний рассвет.

Армас изнемогал от усталости, но
явно торжествовал.

-- Товарищ командир, -- сказал он,
-- я пришел не вовремя, но все же
пришел. Позади осталось довольно
много ребят...

Здесь ему уже явно не хватило сил
продолжать свою речь.

Он свалился и захрипел, лежа на полу
в очень неудобном положении.

Лейно, пришедший из охранения,
устраивал себе в углу постель из
можевельника. Он осторожно подтянул
на постель Армаса, расстегнул ему
пояс и снял со спины винтовку.

-- Не думал, что он дойдет, --
сказал Лейно, обращаясь ко мне.
-- Матти, вставай в караул.

av olika kuloerer, som kommer ihaag
hans klumpiga, bjoernliknande
skicklighet, saa om Aalto hade blivit
efter, kunde man naturligtvis inte
klandra Kalle.

Vinternatten kommer mycket fort, men
vi gick fortare aen vinterdagen. Man
maaste laemna vaart oevade tillstaand ur
raekningen och taenka paa vaar haelsa,
ungdom och den iver, med vil-

{24}
ken vi tog itu med saken, foer att
kunna foerstaa, att de foersta

redan vid nio-tiden paa kvaellen
kom in till Paadane --
en stor by paa
Seesjaervis strand.

Detta var den sista
byn paa vaar sida av
fronten, sedan
boerjade den vita sidan.

I Paadane inkvarterade vi oss
i stugorna och satte ut vaktposter.

*

Denna natt hade jag inte vakt utan
sov som en doed. Vi hade ju gjort en
skidtur paa 70 kilometer.

Inga droemmar.

Jag tror inte jag gjorde en enda
roerelse paa hela natten.

Kalle vaecte mig genom att rycka i
filtstoeveln.

Vinterdagen grydde.

Kalle triumferade trots troettheten.

-- Kamrat kommendoer, sade han, jag
kom inte i tid, men jag kom i alla
fall, det aer ganska maanga pojkar som
blivit efter.

Det syntes tydligt, att han inte
hade krafter att fortsaetta. Han
tystnade och efter en sekund ramlade
han ihop paa golvet och boerjade
snarka i en mycket obekvaem
staellning.

Leino, som kommit fraan vakten, hade
ordnat en baedd av enbuskar aat sig i
ett hoern. Han drog foersiktigt upp
Kalle i baedden, knaeppte upp
svaangremmen och tog av honom
gevaeret.

-- Jag trodde aldrig att han skulle
komma fram, sade Leino och vaende sig
till mig. -- Matti, stig upp, det aer
din vakttimme nu.

Я никогда не испытывал в жизни такой тупой и одновременно острой боли, какая охватила мышцы всего моего тела, когда я начал приподниматься с лавки. Так бывает со всеми, когда после большого перерыва начинаешь снова тренироваться на лыжах, в ходьбе, беге, футболе, борьбе.

Эта приятная боль в мышцах, которую большинство мальчишек переносят с гордостью, превратилась сейчас в трудно-переносимую боль, возникавшую и, казалось, даже усиливавшуюся с каждым новым движением.

Болели бицепсы, мышцы шеи, мускулы ног, но больше всего ныли мышцы живота. Трудно было сгибаться, но еще труднее, казалось, было выпрямляться.

Такое ощущение было не только у меня, но и у всех.

Медленно, со стонами, с похрахтыванием вставали с места. Даже Лейно растирал бицепсы.

-- Энергичнее, быстрее двигайся, Матти! Больше двигайся! -- бросил он мне. -- Тогда все скорее пройдет.

И я начал двигаться.

<27>

Мы снова выступили в поход.

Мы оставляли озеро и входили в глубокий лес, и, если бы не узкая, но накатанная дорога, я сказал бы: нетронутый лес.

Отряд наш значительно поредел. В самом хвосте, посеревший, молчаливый, угрюмо передвигал ноги Армас.

И вдруг -- голос нашего командира Антикайнен:

-- Враг слева! Развернуться в цепь -- вперед!

Дорогой Армас!

Если тебе доведется когда-нибудь прочитать эти строки,

Jag hade aldrig i mitt liv kaent saadana smaertor, som de jag kaende i alla kroppens muskler, naer jag reste mig fraan baedden. Saa aer det med alla, naer de efter ett laangt uppehaall paa nytt boerjar att traena skidaakning, loepning, gaang, fotboll, brottning eller naagon annan idrott.

Denna angenaema vaerk i musklerna, vilken de flesta pojkar uthaerdar med stolthet, foer att de anser den vara ett tecken paa att musklerna vaexer, foervandlades nu till en outhaerdligt smaerta, som kaendes i varje led och som tycktes oeka med varje ny roerelse.

{25}

(Bildtext: Vi gick genom skogen oever en sjoe. Det var en aekta karelsk skog av masthoega furor.)

{26}

Det vaerkte i armmusklerna, i halsmusklerna, i benen, men allra mest vaerkte det i mellangaerdet. Det var svaart att boeja sig, men aennu svaarare var det att raeta upp sig.

Saadana kaenslor hade inte bara jag, utan aeven alla andra.

Laangsam, stoenande och staankande reste sig kamraterna upp fraan sina liggplatser. Till och med Leino mjukade upp sina armmuskler.

-- Roer dig kvickare och mera energiskt, mera fast, Matti, sade han till mig, saa gaar allt fortare oever.

Och jag boerjade att roera paa mig.

*

Bataljonen marscherade paa nytt ivaeg. Framaat! Aater framaat! Vi laemnade sjoen och kom in i en stor skog. Om det inte hade funnits en smal, uppaakt vaeg, skulle jag kunnat saega: en oroerd skog.

Vaar bataljon hade blivit betydligt gallrad. Laengst bak -- graa, tigande och bister roerde Kalle benen.

[Se laengre ner]

Praektige kamrat Kalle!

Om du naagon gaang skulle laesa dessa rader, kom daa ihaag 9:e januari 1922, vaar marsch paa skogsstigen och

[Se laengre opp]

Heikkonens ovaentade kommando

[Se laengre opp]

-- Fienden till vaenster! Spridning i skyttelinje! Framaat!

ты вспомнишь,
как мы разворачивались в цепь, быстро повернувшись в указанном направлении, как быстро летели вперед, теряясь в глубине соснового леса, как горели нетерпением, мечтая встретиться лицом к лицу с проклятыми лахтарями, как были разочарованы, когда узнали, что это только маневры, что никакого врага нет, что это учеба!

Minns du hur vi spred oss i skyttelinje, hur fort vi svaengde upp i den angivna riktningen, hur fort vi floeg framaat, foersvinnande i tallskogens djup, hur vi brann av laengtan att moeta de foerbannade slaktarna ansikte mot ansikte, hur misslynta vi blev, naer vi fick veta att det endast var en manoever, att det inte fanns naagon fiende och att det var en oevning?

Особенно помню, как злился ты.

Jag kommer saerskilt ihaag, hur ilsken du blev.

Тебе-то каждый поворот с грузом за плечами, каждый такой маневр проделывать было очень трудно. Ты напрягал все свои силы, стискивал зубы и шел вместе с другими.

Foer dig var varje svaeng, varje roerelse ytterst svaar paa grund av den tunga utrustningen. Du spaende alla krafter, bet ihop taenderna och foeljde med de andra.

"Захватив" таким образом деревушку, Антикайнен расставил по дорогам караулы, чтобы научить нас никого не выпускать из деревни;

Naer vi med en saadan manoever hade intagit en by, staellde Heikkonen ut vakt paa vaegarna foer att vi skulle laera oss, hur man baer sig aat foer att inte slaepa ut naagon fraan en by. Kamra-

расположил бойцов по избам, чтобы научить, как нам размещаться после захвата деревни.

{27}
terna uppdelades paa de olika husen foer att laera sig, hur styrkan skall foerdelas sedan man intagit en by.

Затем мы снова шли дальше, шли быстро по морозу.

Och sedan gick vi paa nytt vidare, gick fort i den kalla luften.

Видно было, что в этих местах недавно еще бушевали вьюги.

Det maerktes att en kraftig snoestorm nyss dragit fram i dessa trakter.

Дорога была занесена глубоким снегом, а местами и совсем исчезала.

Vaegen var igensnoead och paa en del staellen var den alldeles foersvunnen.

В этот же день мы пришли в Гонга-наволоок.

Samma dag kom vi fram till Honkaniemi.

За деревней сразу начиналась территория, занятая бельми.

Bakom denna by boerjade det omraade, daer det inte fanns en enda roed kaempe och det var oss fullkomligt obekant, hur maanga vita.

Расположив взвод в теплой избе, сбросив с себя вещевой мешок, проверив, действует ли затвор трехлинейки, я пошел по дороге назад, чтобы помочь Армасу.

Sedan jag inkvarterat min patrull i en uppvaermd bondgaard, kastat av mig raenseln och kontrollerat mekanismen paa mitt gevaer, gick jag tillbaka paa vaegen foer att hjaelpa Kalle.

Отряд очень растянулся: по дороге шли еще наши ребята, вспотевшие, с расстегнутыми полушубками.

Bataljonen hade blivit langt utdragen. Paa vaegen kom aennu enstaka av vaara pojkar, svettiga med uppknapppta paelsar.

Я приказал одному застегнуться: не нянчиться же нам с воспалением легких, в самом деле!

Jag befallde en av dem att knappa igen paelsen. Vi har vael inte tid att dalta med saadana, som skaffat sig lunginflammation!

У многих вид был совершенно измученный; другие проходили несколько шагов и останавливались, морщась от боли.

Потертости давали себя знать.

В пяти километрах от привала я встретил Армаса.

Не обращая внимания на это ругань, взял себе его "обезьянку"; винтовку он так мне и не отдал.

-- Есть потертости? -- спросил я на ходу.

<28>

-- Нет, ответил он. -- Я ведь понимаю, в чем дело: я портянки навернул как полагается. Из того, что я не умею пока порядочно бегать на лыжах, не следует еще, что я ничего не смыслю.

Если бы не эта проклятая боль в мышцах, я шел бы лучше многих из вас.

Было уже темно, когда мы входили в деревню. В избе я снял валенок. Натертость на пятке превратилась в водяной пузырь.

Я достал иголку, проколол пузырь

и бережно обмотал ногу. Больше подобной глупости я не повторю -- нога мне еще нужна.

Армас уже храпел в углу.

Дверь распахнулась.

В избу, не торопясь, вошел Лейно и сразу как-то заполнил собой всю горницу. Он уселся на лавку, вытащил из сумки карту-десятиверстку и протянул мне:

-- Вот тебе карта. По ней ты должен отмечать весь путь своего взвода. Всем комвзводам, отделкомам и прочим командирам ее дали. Я взял и для тебя.

-- Какой путь должен я отмечать? -- удивился я.

-- Жаль, что ты куда-то запропастился и не был в штабе, -- ты прозевал много важного, но я тебе расскажу.

Лейно глянул в угол, где храпел

Somliga saag ut att vara fullkomligt uttroettade, andra gick naagra steg och stannade med ansiktet foervridet av smaerta.

Skavsaaen boerjade ge sig tillkaenna.

Fem kilometer fraan truppens laeger hittade jag Kalle och jag tog raenseln trots hans motstaand, utan att bry mig om hans skaellsord. Gevaeret laemnade han inte ifraan sig.

-- Har du skavsaaer? fraagade jag under aakningen.

-- Nej, svarade han. Jag vet ju vad det aer fraaga om, saa jag har lindat fottrasorna ordentligt. Att jag inte kan aaka skidor ordentligt aennu betyder ju inte, att jag inte begriper naagonting. Men redan idag har jag foerstaatt, vad det aer fraaga om, och om jag inte hade denna foerbannade vaerk i musklerna, saa skulle jag aaka mycket baettre aen maanga av er.

Det var naestan alldeles moerkt, naer vi kom in till byn. I bondgaarden drog jag av mig filtstoevlarna. Skavsaaeret paa haelen hade foervandlats till en vattenblaasa.

Jag fick tag i en naal, stack haal paa den stora blaasan, kramade

{28}

ur vattnet och lindade foersiktigt om foten. En saadan dumhet goer jag aldrig mera. Foetterna behoevs nog.

Kalle snarkade redan i ett hoern.

Doerren floeg upp.

Leino kom laangsam in i stugan och liksom fyllde hela rummet med sin gestalt. Han satte sig paa baenken, tog ur sin vaeska upp en 10-verstgraderad karta och raeckte den aat mig.

-- Haer har du kartan. Framfoer allt maaste du anteckna plutonens hela vaeg. Alla plutonkommendoerer, kompanikommendoerer och andra kommendoerer har faatt den och daerfoer tog jag en med mig aat dig ocksaa.

-- Vad aer det foer vaeg, jag skall anteckna? fraagade jag foervaanad.

-- Det var synd att du foersvann och inte var inne i bondgaarden hos Rovio och Inno. Du har foerlorat mycket. Men jag skall tala om det foer dig.

Leino steg upp, kontrollerade att

Под лавкой возился кот. Он разжимал свои когти, и из-под лапы выкатывался серый клубок -- это была мышь. Не дав ей отбежать и на полшага, кот, неожиданно пригнувшись, мягко прыгал, опускаясь на свои легкие когтистые лапы.

Лейно подошел к двери и сделал мне знак идти за ним:

-- Здесь нас могут подслушать, а дело абсолютно тайное.

Вслед за нами из дверей на крыльцо вырвалось белое облако пара.

Снег заскрипел под ногами.

-- Как живот?

-- Лучше, Лейно.

На небо выползали северные звезды. Мы стояли посреди широкой улицы.

-- Здесь нас никто не подслушает. По этой карте ты будешь отмечать путь, по которому пройдет твой взвод и весь наш отряд. Мы идем на лыжах. Командир Инно и товарищ Ровио

на лыжах ходят неважно, поэтому они со штабом остаются здесь ждать нашего возвращения или известия о нашей гибели. Отряд выходит в составе двух рот -- командиры Хейконен и Карьялайнен; пулеметная рота Тойво Антикайнен разделяется между ними, а командир пулеметной роты Тойво Антикайнен назначается командиром всего отряда, его помощник Суси -- начальником штаба. Ты ведь знаешь Антикайнена.

О да, Антикайнена я знал более чем хорошо: это ведь <29>

после его горячей речи на митинге молодежи в Хельсинки вступил я в революционный союз молодежи, а затем в партию.

Он строитель, а я металлист. И всего-то на два года он старше меня. Сейчас ему двадцать три года.

Какой молодой рабочий Хельсинки не знал организатора комсомола, яростного и проникновенного оратора, непреклонного коммуниста -- товарища Тойво Антикайнена!

I hoernet snarkade Kalle.

Under baenken hoell en katt paa att leka. Han straeckte ut tassen och ett graatt nystan rullade runt -- det var en mus. Katten laet henne springa ungefaer ett halvt steg, hukade sedan ihop sig och hoppade mjukt efter musen, och tog fast den med sina mjuka, klofoersedda tassar.

Leino gick fram till doerren och gav mig ett tecken att foelja efter.

-- Haer kan naagon lyssna paa oss och saken aer absolut hemlig.

Naer vi oepnade doerren till foerstugan sveptes vi in i ett vitt moln av aanga.

Snoen knarrade under foetterna.

-- Hur aer det med magen?

-- Baettre, Leino.

Oever den dunkla himlen kroep norra halvklotets stjaernor fram. Vi stod paa den breda bygatan.

-- Haer kan ingen lyssna paa oss. Paa denna karta skall du anteckna den vaeg, som din patrull och hela vaar avdelning kommer att gaa. Vi aaker skidor. Kommendoer Inno och kamrat Rovio

{29} stannar haer och invaentar vaar aaterkomst eller meddelande om att vi blivit fullkomligt foerintade. Bataljonen bestaar av tvaa kompanier. Kommendoerer aer Heikkonen och Karjalainen. Kulsprutekompaniet delas mellan baada kompanierna och dess kommendoer Toivo Antikainen utnaemns till kommendoer foer hela bataljonen. Hans medhjaelpare Susi blir stabschef. Du kaenner vael Antikainen?

Aa ja! Antikainen kaenner jag mer aen vael. Det var ju

efter hans flammande tal paa Helsingfors ungdomsmoetet, som jag gick in i det revolutionaera ungdomsfoerbundets organisation och daerefter i partiet.

Han aer byggnadsarbetare och jag metallarbetare och han aer bara tvaa aar aeldre aen jag. Nu aer han 23 aar.

Vilken ung Helsingforsarbetare kaende inte Ungdomsfoerbundets organisatoer, den eldige och taendande talaren, den oboejlige kommunisten, kamrat Toivo Antikainen!

Я знал его отца. Это был мрачного вида обойщик, который, однако, как передавали, любил пошутить, когда был трезв.

Но трезвым я его никогда не видел.

Кто из нас не помнит речей Антикайнена! Они заставляли ненавидеть врага, сжимать кулаки, стискивать зубы.

Он заставлял нас плакать о погибших товарищах и с восторгом идти в бой, чтобы воздать врагам по заслугам.

А заслужили они все-таки в тысячу раз больше, чем мы им заплатили.

Но когда я начинаю вспоминать, как они расстреливали всех раненых таммерфорского госпиталя, как они обращались с пленными красногвардейцами, когда я вспомню то, что они делают сейчас, я начинаю волноваться. А мой рассказ требует полного спокойствия.

В прошлом году я ел кашу, сваренную Антикайненом. Он был начальником заставы у станции Горской, когда мы стояли против взбунтовавшегося Кронштадта. Мы уходили в дозоры, и он оставался в избе совершенно один. Не мог же он отрывать от дела человека, чтобы тот был кашеваром! Вот он, командир роты, сам и варил своим красноармейцам кашу.

Да, я отлично знал Антикайнена, а что нашему командиру было всего лишь двадцать три года, это нас тогда не смущало: большинство из нас были моложе.

И только хмурый широкоплечий командир второй роты Карьялайнен да командир первой роты Хейконен, голубоглазый, подобранный рабочий-мраморщик, организатор красногвардейского отряда гранитников-мраморщиков, имели от роду по двадцать восемь лет.

А быстрому парнишке Пуллинену, сыну железнодорожника, только что стукнуло восемнадцать. Столько же было и

Вуоринену, один брат которого убит у Белоострова при переходе через границу, а другой томится в финляндской каторжной тюрьме.

Toivo Antikainen och hans broeder,
ja, det var verkligen grabbar!

Vem av oss minns inte Antikainens tal!
Det tvingade oss att hata fienden,
att knyta naevarna och bita ihop
taenderna.

Han tvingade oss att graata oever de
fallna kamraterna och att med
haenfoerelse gaa ut i striden foer att
vedergaella fienden efter foertjaenst.

Och fienden hade i verkligheten
foertjaenat tusen gaanger mera, aen vad
vi gav.

Naer jag taenker paa, hur slaktarna
arkebuserade de saarade i
Tammerfors sjukhus, hur de
behandlade de tillfaangatagna
roedgardisterna, naer jag erinrar mig
vad de nu goer -- daa kokar det, men
min beraettelse kraever ju lugn.

Ja, jag kaende Antikainen mycket
bra. Och att vaar kommendoer endast
var 23 aar gammal, det blygdes vi
inte foer. De flesta av oss var aennu
yngre.

Den bistre, bredaxlade Karjalainen,
andra kompaniets kommendoer, eller
foersta kompaniets kommendoer, den
blaaogde Heikkonen, marmorarbetare
samt organisatoer foer granit- och
marmorarbetarnas roedgardistavdelning
var knappast aeldre aen 28 aar.

Hans motsats var den kvicke grabben
Pullinen, vars far var
jaernvaeagsarbetare. Han hade nyss
fyllt 18 aar. Lika ung var
{30}

Vuorinen, vars ena bror hade
blivit doedad, daa han foersoeekte gaa
oever graensen vid Systerbaeck, och
vars andra bror aen i dag foersmaektar
i ett av Finlands tukthus.

-- Наше задание, -- оглядываясь по сторонам, полупшепотом продолжал Лейно, -- такое: пройти незаметно через фронт и тыл лахтарям. Идти с максимальной быстротой, на какую только способны. Ничего лишнего с собой не берем. Никакого <30> обоза -- все на себе. Мы должны дойти незаметно. Для этого надо уничтожить все вражеские отряды до Ребол и постараться уничтожить штаб лахтарских войск и все склады боевого и прочего питания в этой центральной базе. Возможно, однако, что штаб находится не в Реболах, а в Кимас-озере. Тогда, захватив Кимаз-озеро, мы должны уничтожить штаб белого руководства и все склады. С какими силами нам придется встретиться, неизвестно. Сколько штыков у белых в Реболах и в Кимас-озере, неизвестно. Предположительно, человек по четыреста -- пятьсот. Основная задача: пройти по тылам, уничтожить склады, а главное -- органы управления.

Надеяться можно только на себя и на быстроту, неожиданность и удачу. Предприятие более чем рискованное.

Утром надо быть готовыми к отходу. Выяснилось, что из двухсот человек, отобранных в школе, только около ста тридцати могут идти дальше. Остальные натерли ноги, заболели или "просто не могли двигаться с такой быстротой", как сказал Армас.

Я невольно улыбнулся, вспомнив эти слова.

В том поручении, которое мы должны выполнить, было очень много, так сказать, спортивного интереса. Мы изучали историю военного дела, и я уверен, что такое предприятие не пытались осуществить ни Александр Македонский, ни Наполеон, ни Жоффр, ни Гинденбург.

А когда я получаю возможность вплотную встретиться с врагом, который сжал в кулак мою родную Суоми, с врагом, который хочет уничтожить мою Советскую власть и проделать у озер Карелии то, что проделано у озер Суоми, и когда и от меня зависит выбить ему зубы, то, извините меня, я весь загораюсь и дрожу от нетерпения.

Ja, det var maanga bland vaara pojkar, som inte uppnaatt tjugoaarsaldern.

-- Vaar uppgift, fortsatte Leino halvviskande, medan han tittade sig omkring, aer foeljande: Vi skall obemaerkt smyga oss genom linjerna in bakom slaktarnas front. Vi maaste aaka saa snabbt, som vi oeverhuvudtaget foermaar. Ingenting onodigt foer vi med

oss. Ingen traeng, allt maaste vi baera sjaelva. Vi maaste komma fram obemaerkta -- och daerfoer maaste vi foerinta alla fientliga avdelningar -- till Repola och foersoeka att tillintetgoera slaktarnas stab samt alla deras upplag av ammunition, livsmedel m m i denna centrala bas. Men det aer moejligt att staben inte aer i Repola utan i Kiimasjaervi. Daa maaste vi foerst inta Kiimasjaervi och foerinta den vita ledningens stab och alla dess upplag. Vilka fientliga styrkor vi kommer att moeta aer obekant. Hur maanga man de vita raeknar i Repola och Kiimasjaervi aer ocksa obekant. Antagligen fyra- till femhundra man paa varje plats. Huvuduppgiften aer att traenga in bakom fronten och foerstoera alla upplag och det allra viktigaste: foerinta de ledande organen. Vi kan endast lita paa oss sjaelva och paa det ovaentade i vaart anfall, vaar snabbhet och tur. Foeretaget aer mer aen riskabelt ...

I dagningen maaste vi vara faerdiga till avmarsch. Det har visat sig, att av de 200 man som blev utvalda fraan skolan, kan endast omkring 130 fortsaetta. De oevriga har foerstoert foetterna, insjuknat eller har helt enkelt inte kunnat aaka saa hastigt.

Jag kom vid dessa ord ihaag Kalle och log ofrivilligt.

Det uppdrag, vi skulle utfoera, hade saa att saega ett stort intresse. Saa vitt vi kaende till krigskonstens historia foerefoell det som om varken Alexander av Macedonien, Napoleon, Hannibal, Suvorov, Joffre, Hindenburg eller kamrat Budjonny foersoekt att genomfoera en dylik krigsoperation.

Naer jag faar se fienden i vitoegat, den fiende, som trampar mitt aelskade Suomi under jaernhaelen, som vill stoerta min sovjetregering, som vill goera detsamma vid Karelens sjoear som han redan gjort vid Suomis, naer det beror paa mig att slaa ut taenderna paa honom, daa faar ni foerlaata mig om jag aer eld och laagor och skaelver av otaalighet.

Да, на ноги надо лучше наворачивать
портянки, потому что теперь ясно:
только одни ноги могут донести меня
до лахтарей.

Я разложил карту на лавке и стал
измерять расстояния. По линии полета
птицы надо было забраться в тыл
противника километров на триста.

Никаких дорог не предвидится:
напротив, досадные горизонталы
указывали на крутизну. Карта говорила
о труднопроходимых лесах и болотах.

Болота, если они замерзающие,
-- это полбеда. Но такие
подробности на десятиверстку
не нанесены.

Эта карта и по сегодняшний день
хранится у меня на дне моего
дорожного сундука. Правда, здорово
измятая, с красной линией
прочерченного карандашом пути.

Мне было ясно, что Армас с нами не
пойдет, а останется здесь, в отряде
"шатунов", как окрестил отстающих
товарищ
<31>

Антикайнен. Поэтому, когда
Армас проснулся на секунду и,
поворачиваясь с боку на бок, спросил
меня, что нового, я пробормотал:

-- Спи. Ничего особенного не
произошло.

Надо было скорее засыпать.

Выступление назначено на утро.

Курс -- на деревню Пененга.

Я прочертил по карте путь на эту
деревню в тот же вечер,
совсем не подозревая,
как мы его пройдем.

Глава четвертая
Мы переходим Массельгское ущелье[4]

Мы вышли строем. С утра было очень
холодно. Идти надо было без дорог,
через нетронутую целину, через лес
-- карельский, сосновый.

Мы шли быстро, переводя на ходу
дыхание.
Груз давал себя чувствовать.

Ремни стягивали грудь, затрудняя
дыхание.

Ja, foetterna maaste nu lindas baettre
i fottrasorna, ty nu aer det klart,
att endast mina foetter kan baera mig
fram till fienden.

Jag vecklade ut kartan paa baenken och
boerjade att maeta ut avstaanden.
Faagelvaegen hade vi att gaa ungefaer
300 kilometer bakom fiendens front.

Man kunde inte vaenta sig naagra vaegar.
Tvaertom visade kartans hoejdlinjer
att omraadet var fullt av branta berg
och faerglaeggningen beraettade om
skogar och kaerr, vilka var svaara
att oeverskrida.

Kaerr, som inte fryser till aer inte
saa farliga. Men saadana detaljer
fanns inte upptagna paa vaara kartor.

Denna karta foervarar jag aennu idag
paa botten av min reskoffert.
Visserligen aer den mycket
tillskrynkad, men vaegen aer uppritad
med roedkrita.

Det stod klart foer mig, att Kalle
inte skulle komma med oss, utan
stanna i "oeverliggarnas kompani" som
Heikkonen skrattande hade doept de
kvarstannande kamraterna till. Saa
att naer Kalle vaknade en sekund,
vaende han sig paa andra sidan och
fraagade mig, om det hoerdes naagonting
nytt, saa brummade jag:

-- Sov! Det aer ingenting saerskilt.

Man maaste ju somna saa fort som
moejligt.

Utryckningen skulle ske i
morgongryningen.

Kurs paa byn Pieningae.

Jag maaste erkaenna, att jag paa
kvaellen hade ritat upp vaegen till
byn paa kartan, utan att ens ha en
aning om, hur vi skulle komma dit.
{33}

KAPITEL FYRA

Vi marscherade i formation. Det var
mycket kallt paa morgonen. Vi var
tvungna att gaa oever vaegloesa omraaden,
oever obrukad jord, genom Karelens
tallskogar.

Vi gick mycket fort och andades
tungt paa grund av den haarda farten.
Packningen gav sig ocksa tillkaenna.

Remmarna hindrade andningen en smula...

Шли быстро, уверенно и знали, что жизни наши и жизни тысяч людей, а может быть, и исход всей зимней кампании находятся сейчас в наших руках, точнее -- в наших ногах.

Я не напрасно выбрал себе лыжи-хапавези: товарищам, выбравшим горные телемарки и беговые муртомаа, идти было гораздо труднее.

Мы всё тащили на себе: и патроны и припасы.

Если бы пища вышла до срока, пожалуй, можно было бы настрелять дичи.

Вспугнутые птицы поднимались при шорохе наших лыж. Изредка, удивленная дыханием, вырвавшимся из сотни грудей, выскакивала на склонившуюся от тяжелого снега ветку белка и снова пряталась. Но еще перед самым отправлением Антикайнен запретил нам стрелять без приказа.

Ни одного лишнего выстрела, ни одного громкого разговора. Никто не должен нас видеть, никто не должен нас слышать, мы должны быть внезапны, как разрыв сердца. Поэто-
<32>
му... поэтому иди дальше, выполняй свой долг перед революцией и не думай о разной дичи.

И мы шли так час. Прошли километров десять, и снова отряд растянулся.

Лейно ушел вперед прокладывать лыжный след по лесу, и тут, на десятиминутном привале, я вдруг увидел Армаса. Он шел с отрядом и на первый взгляд устал не больше других. Встретив мой удивленный взор, он улыбнулся и процедил сквозь зубы:

-- Антикайнен мне разрешил идти с отрядом. А ходить на лыжах я уже почти научился.

И мы снова пошли вперед.

Мы шли, теряя себя в движении, быстро отталкиваясь палками и широко передвигая ногами, всей ступней ощущая горячую и уже мокрую -- не разобрать, от талого снега или жаркого пота, -- портянку, целиком отдаваясь этому опьяняющему ритму бешеного движения, мелькания палок, шипения поддающегося лыжам снега.

Vi gick fort och saekert. Vi visste att vaara liv och tusentals andra maenniskors liv kanske hela vinterfaelttaagets resultat -- laag i vaara haender, raettare sagt berodde paa vaara foetter.

Det var inte foer ro skull, jag hade valt ut ett par Haapavesiskidor aat mig. De kamrater, som hade valt Telemark- eller Murtoomaaskidor, hade mycket svaarare att aaka.

Vi knogade sjaelva paa allt -- baade patroner och utrustning.

Om vaar mat skulle ta slut foere den beraeknade tiden, saa skulle man nog kunna skjuta lite vilt.

Uppskraemda faaglar lyfte, naer de hoerde oss. Ibland kunde det haenda att en ekorre, foervaanad oever andedraekten, som stroemmade ur hundratals strupar, hoppade ut paa de av snoen nedtyngda grenarna och sedan foersvann igen. Men foere avmarschen hade Antikainen foerbjudit oss att skjuta utan bestaemt maal.

Inte ett enda oeverfloedigt skott, inte ett enda hoegt samtal! Ingen fick se oss, ingen fick hoera oss, vi maaste komma ploetsligt som ett hjaertslag.

Daerfoer ... Gaa framaat, goer din plikt mot revolutionen och taenk inte paa naagra jaktturer.

Vi gick saa paa en timme ungefaer tio kilometer, och bataljonen blev aaterigen taemligen utdragen.
{34}

Leino hade gaatt foere foer att goera skidspaar i skogen och saa under en tiominuters rast -- fick jag ploetsligt se Kalle. Han gick med sitt kompani och vid det foersta oegonkastet tycktes han inte vara troettare aen de oevriga. Naer han moette min foervaanade blick, log han och vaeste:

-- Heikkonen gav mig tillaatelse att gaa med kompaniet. Snart har jag laert mig att aaka skidor.

Vi fortsatte.

Vi gick, helt foersjunkna i de automatiska roerelserna, de snabba stavtagen och skidornas laanga glid. Vid varje steg kaendes den heta och redan nu bloeta fottrasan och det var omoejligt att konstatera, om den var bloet av toead snoe eller av fotsvett. Andningen boerjade bli oregelbunden. Vi faangades helt av

И мы находили себя в этом движении. Каждая мышца, напрягаясь, утверждала твое существование, каждый свежий глоток соснового воздуха, проходя через все тело, звенел в каждой артерии, каждый мелькающий обомшелый ствол, каждая жаркая капля пота говорили, ликуя: "Ты живешь, ты идешь, ты двигаешься".

Так же мы будем идти по снегам Суоми, когда она сбросит с себя ярмо, в которое ее вогнали вильгельмовские солдаты. Она опять будет принадлежать нам, рабочим Суоми. Так же быстро пойдем мы по ее снегам, каждой частицей кожи будем вдыхать прозрачный воздух, в каждом шаге ступней ощупывать почву родины своей.

Кто из нас не испытал горькой боли расставания с тобой, потери тебя! Тому, кто не сжимал в отчаянии винтовку, расстрелявшую все патроны, кто не видал, как куст за кустом, канава за канавой, дерево за деревом отходят от нас врагам; тому, кто не испытал отчаянного ощущения беспомощности; тому, кто не перешел границы с последним отрядом красногвардейцев, отступая от в тысячу раз сильнеешего врага; тому, кто не испытал этой последней секунды на последнем клочке своей земли, -- тому трудно понять всю тяжесть потери родины.

О, мы помним горе утраты и митинг перешедших границу эмигрантов в городе Ленина, в Мариинском театре, и полузаброшенное, пустое здание казармы на Марсовом
<33>
поле, отведенное

den berusande rytmen i den rasande farten, de skymtande stavarna, de foerbiilande tallarna och snoens fraesande under skidorna.

Vi fann oss i denna roerelse. Varje muskel som spaendes, bekraeftade att vi levde, varje andedrag av den friska barrskogsluften, genomtraengde hela kroppen och sjoeng i varje aader, varje foerbiilande traedstam, varje het svettdroppe vittnade triumferande: du lever, du aaker, du roer dig ...

*

Saa kommer vi att aaka oever Suomis snoevidder, naer landet kastat av sig det ok, som Svinhuvuds slaktare drivit det under. Landet kommer aen en gaang att tillhoera oss, Suomis arbetare. Lika snabbt skall vi daa aaka oever snoevidderna, lika laett skall varje por i vaar kropp insupa den genomskinliga luften, vid varje steg skall vaar fot kaenna, att vi gaar paa faederneslandets jord.

Vem av oss har inte kaent avskedets smaerta? Smaertan att ha foerlorat dig! Den, som inte i foertvivlan kramat gevaeret efter att ha avlossat den sista patronen, den, som inte sett hur buske efter buske, dike efter dike, traed efter traed laemnats aat kapitalisterna; den, som inte kaent hjaelploeshetens foertvivlade smaerta; den, som inte gaatt oever graensen med den sista roedgardistavdelningen, retirerande foer den tusenfalt starkare fienden (nu kunde vi inte skjuta laengre, nu var vi oever ryska graensen, och {35} de ryska kamraterna, bundna av avtalet, kunde inte hjaelpa oss); den, som inte upplevt dessa sista sekunder paa den sista jordbitten egen mark -- han har svaart att foerstaa hela smaertan i foerlusten av det saa gott som befriade faederneslandet.

Men vi aaterkommer! Vi kommer aater till dig, Suomi, Sovjet-Suomi! Rustade med inboerdeskrigets stora erfarenheter kommer vi inte att upprepa ett enda fel, vi kommer inte att vara saa bloethjaertat liberala.

Aa, vi minns foerlustens bitterhet! Vi minns ocksaa moetet i Marinteatern i Leningrad med de emigranter, som gaatt oever graensen! Vi minns Hjalmar Virtanens sorgtal! Vi minns de halvt foerfallna, tomma kasernhusen paa Marsfaeltet, som upplaets aat

для них, и сдерживаемые рыдания наших сестер.

Мы сердцем с тобой, Суоми! Мы еще покажем себя лахтарям, которые напали на Карелию и хотят ее прикарманить, хотят сделать здесь то же, что сделали там.

Отряд остановился.

Впереди чернели у озера рыбацьи избушки. Около одной с поднятыми руками стояли три человека не совсем обычного вида.

Антикайнен вошел в избу; лахтарей, предварительно обыскав и обезоружив, ввели вслед за ним.

Лейно подошел ко мне:

-- Я их захватил.
Шел впереди, прокладывая лыжню, и вдруг вижу вьется над хижинами дымок, синеватый такой, как от сырых ветвей.
Подхожу.
Распахиваю дверь. "Руки вверх!"
-- и все они,
голубчики, как в клетке.

Антикайнен вышел из избушки:

-- Товарищи, на два часа привал!

Мы развели костры.

Линия, прочерченная на карте, дважды промеренная спичкой, говорила, что мы уже прошли сегодня двадцать пять километров.

В котелках (у нас был один на четверых) растопился снег и вода начинала пузыриться.

Я огляделся. Армаса не было.

"Опять отстал", -- подумал я и даже немного встревожился, потому что мы уже были далеко в неприятельском тылу.

-- Дурак! -- выругал я вслух своего друга.

Из избы вышли Антикайнен, адъютант Суси и командиры рот Хейконен и Карьялайнен. Суси подошел к нашему костру и сказал:

-- Эти трое имели задание проникнуть в наш тыл; они имеют явки в

emigranterna! Och vaara systrars aaterhaallna snyftningar!

Vi kommer igen, Suomi! Vi kommer att haemnas paa slaktarna, som idag oeverfallit Karelen och vill laegga beslag paa det, som vill foerinta vaar Sovjet-regering.

*

Bataljonen stannade.

Framme vid sjoen skymtade fiskarkojornas moerka konturer. Vid en av dessa kojor stod tre personer av ett inte alldeles vanligt utseende med haenderna uppstraeckta i luften.

Antikainen gick in i stugan. Slaktarna, som avvaepnades och kroppsvisiterades, foerdes in efter honom.

Leino kom fram till mig.

-- Det var jag som tog dem. Jag gick foere och gjorde spaar och saag ploetsligt att det roek ur fiskarstugan. Du vet, en saadan daer blaa roek, som det blir av sur ved. Det daer maaste jag ju undersoeaka. Jag gaar fram och rycker upp doerren. "Upp med haenderna!" -- och daer var alla faaglarna som i en bur.

Heikkonen kom ut ur kojan.

-- Kamrater! Tvaa timmars rast.

Vi gjorde upp laegereldar.

Linjen paa kartan, som tvaa gaanger kontrollerades efter skalan med en taendsticka, visade att vi idag redan hade aakt 25 kilometer.
{36}

I matbackarna (vi hade en matback foer var fjaerde man) smaelte vi snoe och vattnet boerjade bubbla.

Jag saag mig om. Kalle syntes inte till.

-- Han har blivit efter igen, taenkte jag. Jag blev till och med en smula orolig. Vi var redan laangt bakom fiendens front och att bli efter baadade inte gott.

-- Dumbom! svor jag till hoegt.

Antikainen, Susi, Heikkonen och Karjalainen kom ut ur stugan. Susi kom fram till vaar eld och sade:

-- Dessa tre hade till uppgift att traenga igenom vaara linjer. De har

Петрозаводске, в Медвежьей горе. Они должны были взрывать наши железнодорожные мосты, водокачки и вообще вредить. Но они принесут нам вместо вреда пользу.

-- Если они сразу признались, значит, соврали, -- сказал Лейно.

-- Ну, для того чтобы развязать им языки, быстро ответил Суси, пришлось мне полностью опустошить... -- И он шлепнул ладонью по фляжке, в которой полагалось быть спирту. -- Я ведь сам непьющий, как Антикайнен, а вот они

<34>

совсем наоборот -- даже повздорили между собой из-за того, кому больше глотков досталось. -- И он продолжал, уже немного встревоженно:

-- Они сказали, что в Пененге, -- адъютант ткнул пальцем в мою карту, вот видишь, отсюда по прямой километров двадцать пять, -- есть застава с финскими офицерами. Они нам будут проводниками. Их документы утверждают, что их четверо, а налицо трое. Как бы не прозевать одного! Если он проскользнул незамеченным к нам в тыл, он там, пожалуй, может натворить немало бед. Если он увидел нас и убежал к своим -- еще того не лучше: они приготовятся и встретят нас.

Лейно встал:

-- Товарищ командир, разрешите мне произвести разведку. Я по лыжному следу, может быть, раскопаю его.

Антикайнен задумался.

Кипяток был готов, и котелок пошел в круговую.

В эту минуту я увидел знакомую фигуру Армаса.

Палки у него находились в одной руке, в другой он держал наган. Он шел очень медленно и неуклюже. Перед ним ковылял без палок,

засунув руки в карманы, человек в одежде, очень похожей на одеяние трех

foerbindelser med folk i Petrosavodsk och Karhumaeki. De skulle spraenga vaara jaernvaegsbroar, vattentorn och oeverhuvud goera saa mycket skada som moejligt. Men istaellet foer att skada oss kommer de nu att vara oss till nytta.

Aa denna Heikkonen! Han tyckte om att skaemta och han gjorde det bra.

-- De sade att i Pieningae, haer, han satte fingret paa en ort paa min aennu inte hopvikta karta, ser du, det aer vael ungefaer 25 kilometer dit faagelvaegen -- finns det en faeltvakt av finska officerare. De kommer att vara vaara vaegvisare. Deras dokument visar att de egentligen skulle vara fyra, men vi fann bara tre. Vi faar se till att faa tag i den aaterstaaende! Om han ofoermaerkt har lyckats komma in bakom vaara linjer, saa kan han goera raett mycket sattyg. Om han har faatt syn paa oss och stuckit ivaeg till de sina, saa aer det aennu vaerre: daa blir de varskodda och kommer att foerbereda sig paa att moeta oss.

Leino reste sig.

-- Kamrat kommendoer. Tillaat mig att gaa ut paa rekognoscering: jag gaar i skidspaaeret. Kanske kan jag faa reda paa honom.

Heikkonen taenkte efter ett oegonblick.

Vattnet hade kokat upp och matbacken gick laget runt.

I detta oegonblick fick jag syn paa Kalles vaelkaenda figur.

I ena handen hoell han skidstavarna, i den andra sin revolver. Han aakte sakta och klumpigt. Framfoer honom, utan stavar

{37}

och med haenderna nedstuckna i fickorna, aakte en person, vars yttre mycket liknade dem, som

захваченных диверсантов. Именно его и держал под дулом своего нагана Армас.

Мы повскакали с мест и бросились навстречу.

-- Субчика подцепил, -- спокойно проговорил Армас таким равнодушным тоном, как будто изо дня в день в течение многих лет ему приходилось на лыжах подцеплять "субчиков".

-- И я в походе -- не последний человек, -- сказал он и при этом неожиданно подмигнул, как не раз подмигивал мне в мастерской за спиной мастера после крупного разговора с ним: мол, знай наших!

Пойманного обыскали. Антикайнен тут же его допросил.

-- Все в порядке. Все четверо говорят одинаково.

-- Как? И другие попались? -- изумился пойманный.

-- Ну, ты еще меня в плен не взял, чтобы допрашивать! -- усмехнулся командир.

Этот человек переждал в лесу, притаившись за деревом, пока пройдет весь отряд, потом по проложенному следу-лыжне пошел, продолжая свой путь, и тут-то наскочил на отставшего Армаса.

Армас издали увидел его -- ведь тот шел без маскировочного халата, -- взял на мушку, приказал бросить оружие, отнял палки, обрезал пуговицы на брюках, чтобы беляк не мог бежать. Вот почему руки его были заложены в карманы. Армас показал мне пуговицу. На ней ясно было отштамповано: "Хельсинки". <35>

Двухчасовой наш привал окончился очень скоро, и мы вышли снова в поход.

-- Вперед!

Антикайнен перед отходом приказал мне:

-- Иди вперед с отделением на Пененгу, произведи разведку и,

если там действительно есть два-три лахтаря, захвати их. До Пененги километров двадцать пять,

vi tagit tillfaanga. Det var den fjaerde vitfinnen, som Kalle hoell i schack med sin revolver.

Vi hoppade upp fraan vaara platser och sprang honom till moetes.

-- Se, vilken fin faagel jag faangat, sade Kalle i en saa likgiltig ton, som om han i hela sitt liv inte hade gjort naagot annat aen aakt skidor och faangat "fina faaglar".

-- Jag aer inte den som kommer sist i taaget, sade han till mig och haervid blinkade han ovaentat, som han maanga gaanger hade blinkat aat mig i verkstaden bakom verkmaestarens rygg, sedan han haft en stor sammanstoetning med honom. Du kaenner vael dina grabbar!

Den tillfaangatagne blev visiterad. Heikkonen foerhoerde honom paa staellet.

-- Allt aer i ordning. Alla fyra saeger likadant.

-- Vad? Har de andra ocksaa blivit tillfaangatagna?

-- Naa, du har ju inte tagit mig tillfaanga aennu, saa du kan inte foerhoera mig, skrattade kommandoeren.

Denne vitgardist hade vaentat i skogen, goemd bakom ett traed, tills hela bataljonen passerat och sedan gaatt aat det motsatta haallet och spaarat och haer hade han hoppat raett paa den efter oss kommande Kalle.

Kalle hade sett honom paa laangt haall, eftersom han aakte utan kapuschong. Kalle tog honom paa kornet och befallde honom att kasta ifraan sig vapnen. Sedan tog han ifraan honom skidstavarna och skar av alla knapparna i hans byxor foer att vitfinnen inte skulle rymma. Det var daerfoer han hade haenderna i byxfickorna. Kalle visade mig en av knapparna. Paa denna laestes tydligt ordet "Helsingfors".

Vaar tvaatimmarsrast gick fort och vi satte aater igaang.

Framaat!

Foere avmarschen gav mig Heikkonen foeljande befallning:

-- Gaa foere med din pluton till Pieningae och rekognoscera. {38}

Om du upptaecker att det finns ett par, tre vitfinnar daer, saa tag dem tillfaanga. Det aer ungefaer 25 kilometer

но путь нелегкий. Ты туда дойдешь на рассвете.

-- Слушаю, товарищ командир!

И я повел свое отделение. Замыкал его Армас.

Скалистые холмы начались уже через час после привала.

Огромные скалы упрямо выставляли свои каменные ребра из снега. Подъем делался круче, и брать его с каждой минутой становилось все труднее и труднее.

Это было Массельгское ущелье.[4] Сейчас по картам значитя подъем в тридцать пять градусов, но на лыжах, которые все время тянули назад, при грузе за спиной в двадцать кило, при двух гранатах у пояса, эти тридцать пять градусов превращались в восемьдесят.

Но тогда на картах не были нанесены не только градусы, но даже и сами высоты. Подъем становился все круче и круче.

Мое отделение вскарабкалось уже довольно высоко; далеко позади виднелась лента нашего отряда, когда вдруг у одного из ребят лыжи вырвались из-под ноги и побежали вниз по уже проложенной лыжне. Ему весь путь приходилось начинать снова.

Моя лыжа ударилась о камень.

"Сломается еще, чего доброго!" -- подумалось мне.

Я взглянул вниз -- там неуклюже карабкались товарищи; я взглянул вверх -- из-за вершины холмов выползала огромная луна.

-- Снять лыжи! -- приказал я.

И все стали снимать. Но как только мы сняли лыжи -- провалились по пояс в снег.

Так в снегу передвигаться почти невозможно, тем более на подъеме, да еще когда за спиной груз и на плечах лыжи и палки.

-- Скоро ли окончится этот чертов подъем! -- проворчал Лейно.

till byn, men vaegen aer inte laett. Du boer vara framme vid dagningen.

-- Skall ske, kamrat kommendoer.

Och jag gick i spetsen foer min pluton med Kalle som sista man.

*

Redan en timme foere naesta rast boerjade vi traeffa paa klippiga hoejder.

Hela tiden var det en oavbruten stigning, och vaeldiga klippor stack upp genom snoen. Stigningen blev hela tiden allt brantare, och det blev foer varje minut allt svaarare att komma uppaat.

Vi befann oss paa Lotavaaraaasen.[6] Paa kartan beraeknades lutningen till 35 grader. Men paa skidor, som hela tiden aakte bakaat, med 25 kilos packning paa ryggen och med tvaa granater vid baeltet foervandlades dessa 35 grader till 80 grader.

Sluttningen blev allt brantare och brantare.

Min patrull hade redan kravlat sig upp relativt hoegt. Resten av bataljonen syntes som ett laangt utdraget band laangt efter oss. Ploetsligt tappade en av pojarna skidorna och de satte fart nedaat i det uppgjorda spaaret. Han fick gaa uppfoer backen en gaang till.

Min ena skida stoette mot en sten.

-- Den skall vael aldrig gaa soender, taenkte jag foer mig sjaelv.

Jag tittade mig om -- daer saag jag de klumpigt klaettrande kamraterna. Jag tittade uppaat -- bakom bergstopparna lyste fullmaanen.

-- Av med skidorna! kommenderade jag.

Alla boerjade ta av sig skidorna. Men saa fort vi faatt skidorna av oss, sjoenk vi ned till midjan i snoen.

Att gaa i snoe upp till midjan aer inte laett, i all synnerhet i en brant sluttning, naer man daertill har tung packning paa ryggen och skidor och stavar paa axeln.

{39}

Pojarna boerjade svaera.

-- Slutar inte denna foerbannade backe snart? svor Leino till.

Он тащил, кроме всего прочего, еще и пулемет. Лейно был сухощав и напорист, но, сойдя с лыж, потерял, кажется, обычную свою уверенность.

Пожалуй,
один только Армас был доволен тем, что мы сошли с лыж.

Он оказался в равных условиях даже с самыми лучшими

<36>

лыжниками. Он был крепыш и во французской борьбе в товарищеском кругу почти всегда выходил победителем.

Снег забивался в валенки и таял.

Дыхание возносилось легчайшим паром к черному зимнему небу.

На небе звезды расположились обычным порядком, не замечая наших усилий.

Мы проталкивались сквозь густой, местами липкий, как мокрый зубной порошок, снег.

Мы цеплялись руками за выступы камней, скал, царапая руки в кровь, обламывая ногти, с лыжами на плечах и с неугасимым желанием во что бы то ни стало выполнить поручение, доверенное нам революцией.

Мы карабкались вверх, срываясь, раздирая балахоны, тяжело дыша.

Я остановился, чтобы отдохнуть хотя бы секунду, и услышал отдаленный волчий вой, услышал, как нетронутую тишину зимней ночи разрывало тяжелое, прерывистое дыхание сотни ребят. Ни звука; лишь редкая ругань -- сдержаться трудно! -- да волчий дальний вой, да снег впереди, где за каждым случайным камнем, может быть, поджидает свинец или топор лахтара.

Пальцы на руках коченели, подъем становился все круче.

Кто-то из ушедших вперед ребят

Han hade foerutom allt annat aeven en kulspruta att slaepa paa. Han var senig och envis, men naer han inte laengre stod paa skidor, tycktes det som om han hade foerlorat sin vanliga saekerhet.

Jag kan med full oevertygelse saega att det troligen bara var Kalle, som var noejd med att vi tog av oss skidorna.

Han var nu jaemstaellid med t o m de baesta

skidloeparna. Han var stark och blev naestan alltid foerste pristagare i fransk brottning bland kamraterna.

Snoen traengde ned i filtstoevlarna och smalt lika fort som andedraekten foersvann upp mot traedtopparna.

Andedraekten steg som den laettaste aanga upp mot den moerka natthimlen.

Paa himlen lyste stjaernorna som vanligt utan att bry sig om vaara anstraengningar.

Vi arbetade oss fram genom den djupa snoen, som ibland var klibbig som lera och ibland poroes som tandpulver.

Vi hakade oss fast med haenderna vid stenarna och klipporna. Haenderna revs i blod och naglarna broets av, men med skidorna paa axeln gick vi framaat, vaermda av en helig eld, som foerdrev all kyla, en oenskan att fullgoera den uppgift, som revolutionen gett oss.

Vi klaettrade uppaat, aakte ned igen, rev soender vaara skyddskaapor och pustade.

Jag stannade foer att vila ut en sekund och hoerde paa ett vargtjut laangt borta i fjaerran, hoerde hur vinternattens jungfruliga tystnad stoerdes av den tunga andningen -- flaaasandet ur hundratals unga strupar; inte ett ljud, endast den flaaasande andedraekten och ibland naagon svordom -- det var svaart att haalla mun -- och saa de avlaegsna vargtjuten. Framfoer mig saag jag snoen och stenarna, daer vi bakom varje sten kanske ploetsligt kunde moetas av slaktarnas bly eller yxor.

Fingrarna stelnade till och sluttningen blev allt brantare och brantare.

{40}

Naagon av pojkarne framfoer mig gjorde

сорвался, и его потянуло вниз; он прогромыхал с винтовкой, котелком, мешком за плечами, разбросав по сторонам свои палки.

en ofoersiktig roerelse, saa att han rutschade utfoer, han virvlade ned med gevaer, matback och ryggsaeck och med stavarna utstraeckta aat sidorna.

Он проскользнул между нами, не успев ухватиться за протянутую лыжу, и, изо всех сил стараясь остановиться, все же неудержимо катился вниз.

Han floeg foerbi oss utan att hinna faa tag i de skidor, som vi straeckte fram emot honom; han foersoekte paa alla saett att bromsa, men drogs oemotstaandligt nedaat.

Подъем становился все круче.

Stigningen blev allt brantare.

Парни выдыхались.

Pojkarna boerjade bli fullkomligt slut.

Лейно, шедший впереди, стал на колени.

Leino, som gick foerst, foell paa knae.

Мы все один за другим стали на колени и поползли вперед, цепляясь за каждый выступ.

Vi andra sjoenk ocksaa ihop paa knaena och kroep saa vidare uppaat i det vi hakade oss fast vid varje utskjutande klippspets eller sten. Susi, stabschefen, kroep vid min sida.

Рядом со мной полз Суси.

Суси -- по-фински волк, но ничего волчьего не было в его круглом белом лице, по которому сползали капли тяжелого пота.

Susi betyder paa finska "varg", men det fanns inget vargliknande i hans vita, runda ansikte, daer tunga svett droppar traengde fram.

Позади Суси, тоже на коленях, карабкался Хейконен.

Bakom oss kom kompanichefen Heikkonen, ocksaa han kravlande paa knae.

-- Мы им припомним этот переход! -- бормотал он. -- Мы их заставим проползти на коленях все кряжи Суоми.

-- Vi skall nog minnas denna marsch, mumlade han, vi skall tvinga dem att krypa paa knae uppfoer Suomis brantaste berg ...

-- Сколько еще осталось так ползти? -- спросил меня Армас.

-- Har vi laangt kvar att krypa paa detta saett? fraagade Kalle mig, om det aer laangt kvar, saa kan vi alla stanna haer foer alltid. Om vi stannar foer att vila, saa foerkyler pojkarna sig.

-- Если долго, так мы можем здесь остаться навсегда. Если остановка на отдых -- замерзнут ребята.

-- Tyst, Kalle, ingen faar bli kvar haer, sade jag andfaadd.

-- Тихе! Ни один не должен остаться здесь, -- сказал я, уже почти задыхаясь.

<37>
Левая ладонь у меня была рассечена в кровь.

Min vaenstra hand var alldeles soendersargad och blodig.

Мы ползли на коленях дальше.

Vi kroep vidare paa knae.

Подъему, казалось, не было конца-краю.

Sluttningen tycktes aldrig vilja ta slut.

И вот Лейно сел на камень, положил поперек колен пулемет и молча заплакал. Я видел, как прозрачные слезы катились из его светлых глаз и замерзали на щеках. Он плакал молча. Я никогда никому не поверил бы, что Лейно может плакать, пока не увидел этого своими глазами.

Leino satte sig paa en sten, lade kulsprutan tvaers oever sina knaen och boerjade att graata helt tyst. Jag saag hur klara taarar traengde ut ur hans ljusa oegon och froes till is paa kinderna. Han graet tyst. Jag skulle aldrig ha kunnat tro, att Leino kunde graata, foerraen jag saag det med egna oegon.

Лейно плакал, и свет луны сиял на его пулемете.

Leino graet och maanstraalarna glaeenste paa hans kulspruta.

Бессильные лыжи лежали у его ног, и две палки, как свечи, стояли по сторонам. Он обратился ко мне:

-- Неужели мне придется здесь окончить свой жизненный путь, Матти?

-- Отдохни, Лейно! Мы еще потанцуем на свадьбах в Хельсинки, Выборге и Турку.

Он печально помотал головой и, обращаясь к Армасу, уныло, почти нараспев повторил свой раздиравший душу вопрос:

-- Неужели мне придется здесь окончить свой жизненный путь, Армас?

Армас снял с его колен пулемет и, передав патроны Лейно мне, крикнул:

-- Лейно, эй, лыжник! Идем, что ли!

И мы все опять поползли на коленях вперед.

Товарищ Антикайнен взял у Лейно лыжи.

-- Нам этого подъема не взять, -- безнадежно пробормотал курсант Яскелайнен. -- Мы уже выдохлись. Нас к утру перестреляют, как куропаток.

-- Брось, Яскелайнен! Партии нужно, чтобы этот подъем мы взяли, и мы его возьмем.

Вперед, несмотря ни на что! Мы проползли почти два километра, ползти еще один не было уже сил, но подъем здесь, к счастью, кончился.

И вот мы стоим на вершине кряжа. Луна закатывается за дальние леса. Перед нами спуск, а после -- ровное большое поле, равнина, лесок, а за тем леском должна быть деревня Пененга. Весь путь -- десять километров. Карельские километры узкие -- с тропы не сойдешь, -- но длинные, очень длинные.

Я сразу вспоминаю приказ.

Собираю отделение.

Позади слышится неровное плотное дыхание карабкающихся людей.

Мы вышли утром, и скоро начинается

Skidorna laag vid hans foetter och stavarna stod som tvaaj ljust vid sidorna. Han fraagade mig:

-- Maaste jag verkligen sluta mitt liv haer, Matti?

{41}
-- Vila ett tag, Leino. Vi kommer att dansa paa maanga broellop aennu, baade i Helsingfors, Viborg och Aabo.

Han skakade sorgset paa huvudet och upprepade i ynkelig och slaepande ton sin fraaga, i det han vaende sig till Kalle.

-- Maaste jag verkligen sluta mitt liv haer, Kalle?

Kalle tog kulsprutan fraan Leinos knae, raecte mig Leinos patroner och ropade:

-- Leino! Hej, skidloepare! Saett igaang!

Aater kroep alla framaat paa knaena.

Kamrat Heikkonen, foersta kompaniets kommandoer, tog Leinos skidor.

-- Vi kommer aldrig att klara den haer backen, sade Jaaeskelaeinen hopploest, vi aer redan alldeles slut och naer det ljusnar, blir vi nedskjutna som raattor.

-- Snacka inte, Jaaeskelaeinen! Partiet kraever, att vi skall klara denna backe -- och det kommer vi ocksa att goera.

Framaat, trots allt! Vi hade krupit naestan oever tvaaj kilometer. Till aennu en kilometer hade vi inte krafter, men till all lycka, var vi nu uppe vid backens kroen.

Vi stod paa bergstoppen. Maanen sjoenk ned bakom skogarna i fjaerran.

Framfoer oss laag nedfoersbacken och efter denna ett stort faelt, slaetmark, en liten skogsdunge, och ungefaer 10 kilometer bakom denna skogsdunge skulle byn Pieningae ligga.

Jag kom genast ihaag orden.

Jag samlade ihop min patrull.

Bakom oss hoerdes aennu det ojaemna stoenandet av de pojkar, som aennu laag och kroep paa knae uppfoer backen.

Bredvid mig staar Antikainen och ser sig omkring med troett, men skarp blick. Vi hade startat paa morgonen

новое утро.

och nu skulle strax en ny morgon gry.

-- К спуску!

-- Nedaat!

-- Ты должен был делать так, -- бубнит Армас, обращаясь к смущенному Лейно, -- выбрать себе один камень, как делал я, и думать: "Вот теперь я во что бы то ни стало доберусь до <38>

-- Du skulle ha gjort saa haer -- brummar Kalle till den en smula skamsne Leino. Du skulle ha valt ut en sten, som jag gjorde och sedan taenkt ... "nu maaste jag kravla mig

этого камня" -- и выбрать камень близкий, шагах в десяти от тебя. Ну, до этого камня доберешься, конечно, намечай себе другой, метров так за

fram till den daer stenen, kosta vad det vill ... " men du skulle ha valt ut en sten som laag naera, saa daer bara en tio steg fraan dig. Naer du {42}

пять. И опять же: неужели тебе, как бы ты ни утомился, не пройти эти пять метров? Чепуха! Конечно, пройдешь. Ну, прошел -- передохни, осмотришь и опять нацелься метров на пять. Поверь мне: как бы ни устал добрый парень, а метров с шесть проползет всегда. Так, глядишь, ты уже на вершине.

kommit fram till den stenen, skulle du ha valt ut en ny, en som laag bara saa daer paa fem stegs avstaand; det aer ju klart, att hur troett du aen aer, saa kan du alltid klara de daer fem stegen. Strunt! Naturligtvis klarar du dem. Efter en bit skulle du ha vilat, sett dig omkring och sedan paa nytt tagit sikte paa en sten ungefaer fem meter framfoer dig. Tro mig, hur troett man aen aer, saa orkar man alltid krypa sex steg. Och innan du vet ordet av, aer du uppe paa bergstoppen!

Я приказал надеть лыжи, и мы пошли вниз.

Jag gav order att pojkarna skulle saetta paa sig skidorna. Vi stack ivaeg nedaat.

Лететь вниз -- это даже после такого подъема одно удовольствие.

Att flyga nedfoer en backe paa skidor, det aer rena noejet till och med efter en saa strapatsrik uppstigning som vaar.

Равновесие у опытного лыжника регулируется как бы автоматически: где надо -- оттолкнуться, где надо -- наклониться, даже присесть на корточки, а где можно -- и прямо стоять, вдыхая морозный воздух.

Den vane skidaakaren haaller balansen helt automatiskt: ibland maaste man boeja sig, ibland ta ett tag med stavarna, ibland saetta sig ned, men laanga stycken kan man staa rak och andas in den kalla, haerliga vinterluften.

Неопытного лыжника при спуске может опрокинуть даже едва заметная глаза кочка.

Under farten nedfoer kan en knappt maerkbar tuva vaelta en ovan skidaakare.

Так и случилось с Армасом.

Just saa gick det foer Kalle.

Он сдуру пошел на спуск первым и, не успев долететь до подошвы, опрокинулся и, дважды перевернувшись в воздухе, отпустив убегающие вниз лыжи, остался лежать в снегу.

Av pur dumhet aakte han i taeten nedfoer, och innan han kom ned till slaet mark, aakte han naturligtvis paa oeronen, gjorde en dubbelsaltomortal i luften och blev liggande i snoen, medan skidorna aakte ivaeg nedaat. Den foeljande skidloeparen snavade oever Kalle, aakte naturligtvis ocksaa paa oeronen och efter honom den tredje och fjaerde. Det saag ut som ett kravlande bylte av armar och ben. Haer och daer stack sylvassa bajonetter och spetsiga skidstavar fram.

Следующий за ним парень, споткнувшись о него, брякнулся тоже, на того -- второй, третий, -- образовалась живая барахтающаяся куча с торчащими из снега штыками, остроконечными палками.

"Пуще всего не хочу я погибать от такого дела", -- мелькнуло у меня в

-- Minst av allt vill jag mista livet paa det saettet! kom det som en

голове. Я оглянулся и увидел, что по лыжне, проложенной Армасом, вслед за мной быстро-быстро по склону скользят уже десятка два бойцов.

blixt i mitt huvud och blixtsnabbt, kanske paa tusendelen av en sekund, vaende jag mig om och hann se, att efter mig i Kalles skidspar kom ett tjugotal pojkar foer full fart.

Катастрофа, катастрофа!

Katastrof! Katastrof!

Кто сумеет на лету свернуть в сторону, обогнуть эту кучу людей, штыков, подсумков, лыж, палок, гранат?

Vem skulle i denna svindlande fart hinna vaeja undan foer denna kravlande hoeg av maenniskor, skidor, gevaer, bajonetter, ryggsaekar, skidstavar och handgranater?

{43}

Но в то же мгновение шедший впереди меня Лейно ловко изогнулся и свернул в сторону. Я не знаю, сумел ли бы сделать такой поворот кто-нибудь другой.

Men just i detta oegonblick kroep Leino, som aakte just framfoer mig, ihop paa skidorna, spaende alla sina krafter och lyckades kasta sig ur spaaret. Jag tror knappast, att naagon annan aen Leino skulle ha klarat den manoevern.

По следу Лейно проскочил я, за мной по проложенной лыжне пролетели другие.

Jag aakte in i Leinos spaar och efter mig foeljde blixtsnabbt de andra in paa det nya skidspaaret.

Вперед! Останавливаться нельзя!

Framaat! Stanna faar vi inte.

Я собрал отделение и повел.

Jag samlade ihop plutonen och fortsatte framaat.

К счастью, в этой свалке мы отделались только царапинами.

Utom naagra skraamor, som till all lycka inte var allvarliga, hade ingen faatt naagra men av denna riskabla omkullkoerning. Men om aennu fler hade koert omkull, daa hade vi i baesta fall inte kommit undan med mindre aen ett par allvarliga saar.

-- Из-за твоего упрямства, из-за твоей дурацкой настойчивости чуть не произошла катастрофа! -- сказал я Армасу. -- ты сам легко мог сломать себе шею.

-- Bara foer din dumdristighets skull, Kalle, hoell det paa att ske en olycka,

<39>

-- Ну нет, здесь я не погибну! -- пытался отшутиться Армас. -- Моего брата и то мог взять только снаряд кронштадтской восьмидюймовки, а ведь он был лишь простой социалдемократ. А здесь, на фронте, у белых таких орудий и нет, чтобы меня взять. К тому же я коммунист, и меня меньше чем трехдюймовым не возьмешь...

brummade Leino foerargad.

-- Из-за тебя могли погибнуть другие товарищи! -- резко прервал его Лейно.

-- Du har raett, Leino, svarade Kalle i skuldmedveten ton, men nu aer det gjort ...

-- Ты прав, Лейно, -- смущенно отвечал Армас. -- Но теперь уже поздно...

Такого виноватого лица я до сегодняшнего дня у Армаса никогда не видел.

Ett saadant skuldmedvetet ansikte hade jag aldrig foerut sett hos Kalle.

Глава пятая

Встреча с лахтарями

Отряд получил часовой отдых.

Bataljonen fick vila sig en timme.

Мы же, назначенные в разведку, должны были идти немедленно. И мы пошли.

Отделение шло в полукилометре позади меня под командой Лейно. Я же отправлялся в разведку, вперед.

Путь шел сквозь бездорожный лесок.

Мерно раскачивались, осыпая снег, мохнатые ветви.

Пробегали стволы, шуршал уминаемый лыжами снег.

Точно так же около года назад я находился в глубокой разведке. Тогда наша разведка должна была отрезать подвоз боеприпасов и продуктов из Финляндии в бунтующий Кронштадт. Подвоз производился по льду Финского залива -- Маркизовой Лужи. И вот я увидел близкие огни поселка Инно. Я сам оттуда родом, и вся моя семья проживала там, и по сей день там живет отец-старик с матерью. И Аино, моя Аино, тоже -- я знал -- жила тогда со

стариками. Наш дом стоит у самого берега моря, и берег этот был от меня всего в тысяче метров.

Окна дома нашего были освещены. И я пошел ближе к берегу, стараясь в тишине морозной ночи услышать скрип полозьев саней, везущих продовольствие восставшим "клэш-
<40>

никам". Я подошел близко к берегу, выполняя задание разведки.

Дом отца (воспоминания детства!) был всего в ста метрах.

На пороге показалась женская фигура: это могла быть моя старая добрая мама или дорогая Аино. Я не видел их с весны 1918 года, с дней разгрома финской революции.

"Зайду обнять стариков, -- подумал я. -- Ведь никто никогда не узнает о нашей встрече".

"Нельзя, ты ведь в разведке", -- уговаривал я себя, не решаясь идти дальше.

Men vi som skulle ut paa rekognoscering, maaste ofoerdroejliggen fortsaetta, och vi aakte vidare.

Jag delade upp plutonen.

Plutonen gick en halv kilometer efter mig under Leinos befael. Sjaelv gick jag ensam i foervaeg foer att rekognoscera.

Jag aakte genom en vaegloes skogsdunge.

De snoetyngda grenarna gungade sakta i den svaga vinden.

Traedstammarna ilade foerbi och snoen sjoeng sin egen melodi under mina skidor.

*

Foer ungefaer ett aar sedan gick jag likadant ensam paa en laang rekognoscering. Daa skulle vaar spanarpatrull avskaera foerbindelsen mellan Finland och de upproriska i Kronstadt. All foerbindelse gick oever Finska vikens is. Daa fick jag syn paa ljusen fraan det lilla samhaellet Inno. Jag aer sjaelv foedd daer och hela min familj bodde daer. Aennu idag bor far och mor daer. Och Aino, min Aino bodde ocksaa, det visste jag, vid denna tid daer med de
{44}

gamla. Vaart hus staar alldeles vid havsstranden, och jag var blott tusen meter fraan denna strand. Det lyste i foenstren paa vaart hus ... jag naermade mig stranden och foersoekte att i den kalla vinternattens tystnad uppfatta gnisslet fraan de slaedar, med vilka man foerde ut livsmedel till de

upproriska blaajackorna. Jag gick naermare stranden och rekognoscerade.

Min fars hus, daer jag bott hela min barndom och uppvaext, laag endast hundra meter fraan mig.

I doerren syntes en kvinna; det kunde vara min gamla kaera mor eller min aelskade Aino; jag hade inte sett dem sedan vaaren 1918, de dagar, daa vaar revolution slogs ned i blod.

-- Jag gaar in och kramar om gamlingarna, taenkte jag, det aer ingen, som faar veta att jag har varit haer.

Det gaar inte. Du aer ju ute foer att rekognoscera oeventalade jag mig sjaelv och stannade. Jag tittade paa huset, daer antagligen gamlingarna

Я смотрел на домик, где старики, наверно, тоскуют о своем единственном Матти, где Аино...

satt och laengtade efter sin ende son, Matti, daer Aino var ...

Свет из окна желтым квадратом ложился на снег. Женщина на крыльце выплеснула из ведра воду и вошла в дом, захлопнув за собой тяжелую дверь.

Ljuset fraan foenstret laag som en gul kvadrat paa snoen. Kvinnan paa farstukvisten toemde ut en hink med vatten, gick in i huset och slog igen den tunga doerren efter sig.

Я сделал шаг вперед. Десять минут я стоял вблизи дома, смотрел на него и думал. Потом круто повернулся и пошел дальше, продолжая разведку.

Jag tog ett steg framaat; stod saa ungefaer tio minuter alldeles i husets naerhet, saag paa det och taenkte. Sedan vaende jag tvaert och gick vidare, fortsatte min rekognoscering.

Vad taenkte jag paa! Ni skall faa reda paa mina tankar, Lappo[7]-banditer, naer er sista timme slaar!

В тот вечер я захватил и привел к нам четыре подводы с хлебом, шедшие в Кронштадт из Териок. Белому офицеру, сопровождавшему сани, посчастливилось: он ускользнул под прикрытием тьмы, осыпавший оголтелой бранью возчиков. На подводе остался только его портфель с бумагами, с документами на имя штабс-капитана Верховского. Самого штабс-капитана и след простыл.

Denna kvaell oeverrumplade och tog jag fyra broedforor, som var paa vaeg fraan Terijoki till Kronstadt. Den vite officeren, som ledde fororna, hade tur. Han lyckades foersvinna i moerkret, foerfoeljd av kuskarnas grova svordomar. Paa en av slaedarna laemnade han sin portfoelj, i vilken aeven fanns dokument med stabskapten Werhovskijs namn. Av stabskaptenen sjaelv fanns inte ett spaar.

Var finns nu denna skurk?

{45}

Troettheten efter de soemnloesa naetterna och den troettande marschen gav sig dubbelt tillkaenna i denna starka kyla: alla dessa tankar virvlade runt i mitt huvud som i en halvslummer. Ja, det aer troligt, att jag verkligen somnat in mitt under aakningen. Ur denna upplevelsernas och minnenas halvslummer vaknade jag ploetsligt vid ljudet av ett avlaegset samtal.

Усталость после бессонных суток и утомительного перехода в такой сильный мороз сказалась: все эти мысли проходили передо мной, как в полусне, да я, вероятно, и в самом деле задремал на ходу. От этих полудремотных воспоминаний и мечтаний я очнулся совсем неожиданно, услышав звуки отдаленного разговора.

Открыв глаза, я увидел в ста метрах от себя небольшой поселок.

Naer jag tittade upp, saag jag att jag befann mig ungefaer hundra meter fraan ett litet samhaelle. Paa det naermaste huset vajade en blaa-vit flagga. Paa husets foerstukvist stod fyra bevaepnade maen.

На ближайшем доме развевался белый флаг. На крыльце этого дома стояли четыре вооруженных человека.

Я оглянулся. Метрах в двухстах позади меня кончался неровный лес, и никого из моего отделения я не увидел. Я ушел далеко вперед.

Jag tittade mig om. Tvaa hundra meter bakom mig slutade skogen och jag kunde inte upptaeka min patrull. Jag hade kommit laangt foere den.

Люди у крыльца стояли довольно спокойно. Они заметили меня.

Folket paa foerstukvisten stod ganska lugnt. De hade alla redan sett mig.

Повернуться и идти назад было бессмысленно -- три-четыре пули влипли бы тогда в мою спину. Оставалось идти вперед. Я так и сделал. Шел я размеренно, медленно, спокойно, думая о том, как бы дороже запросить с них за мою

Att vaenda och gaa tillbaka var otaenkbart; tre, fyra kulor, hade daa saekert fastnat i min rygg. Det aaterstod endast att gaa framaat, och det gjorde jag. Med laangsamma glid aakte jag framaat och taenkte oever hur jag saa dyrt som moejligt skulle saelja

жизнь.

<41>

Я старался замедлить каждый свой шаг, выгадать каждую секунду, и потому, что я шел спокойно, не торопясь, держа курс на крыльцо избы с белой проклятой тряпкой, освещенной уже первыми косыми лучами встающего зимнего солнца, никто из стоящих у крыльца не шевельнулся, никто не взял винтовки наизготовку.

Чем ближе подходил я к деревне, тем виднее становилось мне, что у крыльца стояли лахтари. Один из них откусил кусок хлеба, испеченного так, как пекут только в Финляндии: тонкие, плоские пресные лепешки некки-лейпа, с круглой дырой посередине.

Я очень люблю некки-лейпа, они напоминают мне годы моего раннего детства. Во всей Карелии только в Ухте пекут такие некки-лейпа.

Я был уже в нескольких шагах от крыльца. Двое из наблюдавших за моим приближением вошли в избу, двое остались у крыльца. Я подошел вплотную к крыльцу.

-- Здравствуйте! - буркнул я себе под нос, так, на всякий случай.

-- Здравствуйте, ваше благородие! -- ответил они, вытянувшись передо мной в струнку.

В первую секунду я даже опешил и взглянул на

опушку. Ничто не говорило о том, что оттуда может сейчас кто-нибудь выйти.

Я стал медленно снимать лыжи. Снял одну, снял другую. Два болвана, вытянувшись, стояли передо мной в струнку. Белый капюшон маскировочного халата хорошо скрывал мой красноармейский шлем.

-- Вольно! -- скомандовал я и, очевидно, чем-то нарушил уставную форму, так как парни весело перемигнулись.

Или, может быть, они играют со мной, как кошка с мышью?

И я вспомнил избу в Паданах и разговор с Лейно.

Где ты, Лейно, где штаб наш сейчас?

Я воткнул палки в утопанный скользкий снег у крыльца и,

mitt liv. Jag foersoeekte att haalla igen paa varje steg och att vinna saa maanga sekunder som moejligt. Och daerfoer att jag gick saa lugnt, utan naagon som helst braadska och hoell kurs raett paa stugan med den foerbannade vita trasan, som redan belystes av den uppaatgaaende vintersolens foersta straalar, gjorde ingen av dem paa foerstukvisten naagon roerelse, ingen lade an med gevaeret mot mig.

Ju naermare jag kom samhaellet, desto tydligare foerstod jag, att det var vitfinska slaktare som stod paa foerstukvisten. En av dem stod och bet i ett broedstycke -- knaeckebroed.

Nu var jag endast naagra steg fraan foerstukvisten. Tvaa av dem, som staatt och sett paa hur jag naermade mig, gick in i stugan, de tvaa andra stannade paa trappan.

-- God dag, mumlade jag foer saekerhets skull.

-- God dag, herr officer, svarade de och staelde sig i givakt framfoer mig.

I foersta oegonblicket blev jag foervaanad och kastade en blick {46} mot skogsbrynet. Men ingenting tydde paa att det snart skulle komma naagon daerifraan.

Jag boerjade laangsamtt att ta av mig skidorna. Jag tog av den ena, saa den andra. De tvaa tjockskallarna stod fortfarande i giv akt framfoer mig. Den vita skyddskaapans kapuschong dolde helt min roedarmistmoessa.

-- Lediga! kommenderade jag men hade daermed tydligent gett ett foer pojarna ovanligt tidigt kommande, ty de blinkade muntert aat varandra.

Eller kanske de ville leka katt och raatta med mig?

Jag kom ihaag stugan i Paadane och samtallet med Leino.

Var aer du Leino? Var aer vaar stab nu?

Jag stack ned stavarna i den tilltrampade snoen vid trappan och

медленно, вразвалку переступая со ступени на ступень, стал подниматься в избу.

-- Надо сколоть лед со ступенек, -- проворчал я, желая еще раз показать мое превосходное финское произношение.

-- Будет исполнено, -- ответил один из болванов, вытягиваясь во фронт и беря под козырек.

При этом он положил недоеденный кусок неkki-лейпа на лавку.

С каким бы удовольствием я сжевал его!
Сразу захотелось есть.
<42>

"С пустым желудком легче перенести рану в живот", -- вспомнил я изречение нашего курсового врача и переступил порог.

Очевидно, все шло, как ожидали эти дурни, потому что они не проявили ни малейшего признака удивления. Я видел все отлично. Я и сейчас могу точно, подробно обрисовать все детали: как белые стояли, как лежал кусок хлеба на лавке, как слегка накренилась левая палка, воткнутая в снег, какого рисунка была резьба на наличнике двери.

Все чувства мои были обострены, и все это я помню отлично и не забуду до конца своих дней.

Входя в избу, я оглянулся на лес. На опушке не было и признака жизни.

Я вошел в помещение.

Вслед за мной в комнату протиснулись двое со двора.

Сразу же охватила меня, сутки пробывшего без сна на воздухе, одуряющая теплота душно натопленного, насквозь прокуренного помещения. В помещении было четыре человека; они наскоро прибирали комнату. Винтовки стояли в углу в козлах.

[Se laengre opp]

Как только я вошел, солдаты вскочили и отдали мне честь.

Тогда спокойно, громко, отдельно, слыша каждый удар своего сердца, я спросил по-начальнически:

-- Кто здесь командует?

boerjade att laangsam steg foer steg gaa upp mot stugans doerr.

-- Isen maaste huggas bort fraan trappstegen, brummade jag och ville daermed aennu en gaang demonstrera mitt utmaerkta finska uttal.

-- Skall ske! svarade en av vitgardisterna, staelldde sig i giv akt och gjorde honnoer.

Samtidigt lade han ifraan sig den kvarblivna knaেকেbroedsbiten paa baenken.

Med vilken foertjusning skulle jag inte ha aetit upp den!
Jag kaende mig med ens hungrig.

-- Med tom mage klarar man baettre ett knivhugg i buken, kom jag ihaag att vaar laekare sagt oss under kurserna, och steg oever troeskeln.

Tydiligen gick allt, som vitgardisterna hade vaentat sig, ty de visade inte det ringaste tecken till foerundran. Jag saag allt tydligt och klart. Jag kan aen idag, om ni saa vill, exakt och utfoerligt beskriva alla detaljer, var vitgardisterna stod, var broedbiten laag paa baenken, hur min ena skidstav laett lutade, hur doerrkarmen var utsirad. Alla mina sinnen stod paa helspaenn, och allt detta kommer jag mycket bra ihaag och kommer aldrig att gloemma det, saa laenge jag lever.

Naer jag gick in i stugan, kastade jag aennu en blick bort mot skogen, men daer syntes inte ett livstecken.

Jag gick in i stugan.

{47}

[Se laengre ner]

Den varma, kvalmiga luften inne i det nedroekta rummet gjorde mig, som ett helt dygn utan soemn varit ute i den friska luften, fullkomligt vimmelkantig. Inne i stugan fanns fyra maen. De hoell i all hast paa att staeda rummet. Gevaeren stod i sina stael i det ena hoernet.

De tvaa, som staatt ute vid trappan, kom in omedelbart efter mig.

Saa fort jag kom in, hoppade de innevarande upp och gjorde honnoer.

Samtidigt som jag hoerde mitt eget hjaertas dunkande, fraagade jag med hoeg, klar kommandoton:

-- Vem foer befaelet haer?

На мой вопрос в открытую дверь из соседней комнаты выскочил рослый человек в егерской форме, со знаками различия в петлице, с огромным, как окорок, лицом, багровым от напряжения и желанием выслужиться, и стал передо мной навтытяжку.

Держа руки по швам, он начал рапортовать.

Я приложил, как и полагается при принятии рапорта, руку к козырьку, скрытому под капюшоном.

-- Командую здесь я, капрал Курки, исполняя порученную мне задачу: освободить Карелию от русских красных бандитов.

Нервы мне изменили здесь: при словах "красных бандитов" рука, поднятая к козырьку, сама собой сжалась в кулак, и кулак чуть не опустился на физиономию капрала.

Большим усилием воли заставил я себя разжать кулак и отвести ладонь назад, делая вид, что внимательно слушаю рапорт.

-- Всего нас четырнадцать человек, -- продолжал капрал, -- и командует всей заставой поручик Ласси.

<43>

Услышав эту фамилию, я вздрогнул. Видя удивление в зрачках капрала, отвел свою поднятую руку назад, и... и, вероятно, обнажил из-под капюшона кусок шлема -- ту его часть, где краснела пятиконечная наша звезда.

Я понял это по внезапной бледности, залившей багровое до того лицо капрала, по тому, как он стал запинаться, очевидно удивив этим всех слушавших -- их было теперь в помещении восемь человек: двое вошли

сразу вслед за капралом из соседнего помещения, -- и, наконец, по его прямому вопросу:

-- Так вы красный?

-- Да, я красный... -- подхватил я его реплику и тоном приказа, не терпящего никаких возражений, продолжал: -- ...и приказываю вам всем немедленно сдаться мне.

Paa min fraaga kom omedelbart en reslig man i jaegaruniform med befaelstecken ut ur det intilliggande rummet. Han hade ett vaeldigt ansikte, som paamine om en skinka och var moerkroed av spaenning och iver att faa utmaerka sig. Han staelde sig i givakt framfoer mig.

Han hoell haenderna paa revaererna och boerjade avge rapport.

-- Det aer jag, korpral Kurki, som foer befaelet haer! Jag utfoer det uppdrag jag faatt: att befria Karelen fraan de ryska, roeda banditerna.

Mina nerver spelade mig nu ett spratt: vid orden "roeda banditer" knoet sig ofrivilligt min hoegra hand som jag hoell vid skaermen och knytnaeven ville slaa till mitt i korpralens ansikte, saa att det skulle se ut som en hackad kotlett.

Med den stoersta viljeanstrengning tvingade jag mig att raeta ut fingrarna och foerde handen bakaat. Hela tiden foersoekte jag se ut, som om jag uppmaerksamt lyssnade till rapporten.

-- Allt som allt aer vi 14 man haer -- fortsatte korpralen -- och faenrik Gunnar Lassy foer befaelet oever hela faeltvakten.

Naer jag hoerde detta namn, ryckte jag till, och daa jag saag det foervaanade uttrycket i korpralens pupiller, foerde jag min upplyfta hand bakaat och ... blottade daa troligen den del av moessan, daer vaar roeda, femuddiga stjaerna satt.

Jag foerstod detta av den ovaentade blekhet, som spred sig oever korpralens foerut saa roeda ansikte och daerav att han boerjade att stamma under sin rapport, vilket tydligen foervaanade de oev-

{48}

riga. De var nu aatta man i rummet, tva hade kommit in strax efter korpralen fraan det intilliggande rummet -- och till slut foerstod jag detta faktum av hans direkta fraaga:

-- Jasaa, ni aer roed?

-- Ja, jag aer roed, svarade jag paa hans replik och fortsatte i en kommandoton som inte taalde naagra motsaegelser -- och jag befaller er att omedelbart ge er!

Они стояли оторопев.

В моей левой руке уже была граната, в правой -- наган.

-- Пока я с вами вел беседу, мои товарищи окружили селение. Ни один из вас не уйдет живым, если будете драться. Сдавайтесь!

Курки, а вслед за ним и я взглянули в окно.

Метрах в пятидесяти, рассыпавшись цепью во главе с Лейно, шло мое отделение, быстро приближаясь к нам.

-- С другой стороны -- два взвода. Сдавайтесь!

Никто из белых не успел ничего ответить, как под тяжелым ударом валенка дверь распахнулась и в комнату влетел Лейно.

Увидев белых, он, размахивая гранатой, крикнул:

-- Руки вверх!

Все находившиеся в комнате подняли руки.

В эту секунду на улице раздался глухой револьверный выстрел.

-- Ты держи их здесь! -- крикнул я Лейно, выскочил на улицу и приказал одному из товарищей с винтовкой встать у окна.

Армас вбежал в избу -- помочь Лейно разоружить белых.

Снова раздалось несколько выстрелов.

Пробираясь по деревне, отстреливаясь, уходил офицер.

Я снял с плеча винтовку и медленно стал целиться.

Это был несомненно Ласси.

Я нажал на спусковой крючок. Он не поддавался. Выстрела не произошло. "От мороза, что ли?" -- вспомнил я рассказ Раухалаhti в санитарном вагоне. Я нажал еще сильнее.

Отдача ударила в плечо.

De var fullstaendigt foerbryllade.

I vaenstra handen hoell jag redan granaten och i den hoegra revolvern.

-- Medan jag staatt och talat med er, har mina kamrater omringat byn. Ingen av er kommer levande haerifraan, om ni goer motstaand. Ge er!

Nu tittade Kurki och sedan jag ut genom foenstret.

Ungefaer femtio meter fraan stugan naermade sig hastigt min patrull, spridd i skyttelinje och med Leino i spetsen.

-- Fraan andra sidan kommer tvaa kompanier. Ge er!

Ingen av de vita hann svara naagot, innan doerren gick upp foer en kraftig spark av en filtstoevel och Leino floeg in i rummet.

Naer han saag de vita, viftade han med handgranaten och skrek:

-- Upp med haenderna!

Alla som var i rummet raeckte upp haenderna.

I samma sekund hoerde vi ute paa vaegen ett skarpt revolverskott.

-- Haall dem kvar haer, ropade jag till Leino, hoppade ut paa vaegen och befallde en av kamraterna att med gevaeret redo staella sig vid foenstret.

Kalle sprang in i stugan foer att hjaelpa Leino avvaepna vitgardisterna.

Paa nytt hoerdes naagra skott.

En vit officer smoeg sig bakom byns stugor och skoet oavbrutet.

Revolverskotten kom fraan honom.

Gevaersskottet hade avskjutits fraan grannstugan.

Jag tog gevaeret fraan axeln och boerjade laangsam laegga an.

Den flyende officern var utan allt tvivel Lassy.

{49}

Jag tryckte paa hanen. Den gav inte efter. Intet skott hoerdes. Kan det vara av kylan? taenkte jag och kom ihaag Rauhalahti's beraettelse i sjukvagnen. Jag tryckte haardare.

Skottet stoette starkt.

Офицер рухнул в снег.

Officern ramlade omkull i snoen.

Я пошел к нему.

Jag gick fram till honom.

<44>

А так как лыжи мои остались у крыльца, я шел медленно, зачерпывая валенками снег.

Eftersom jag hade laemnat mina skidor vid stugan gick jag mycket laangsam, ty foer varje steg traengde snoe in i filtstoevlarna.

Выстрелы в деревне не прекращались, но становились все реже и реже.

Skotten i byn hade aennu inte tystnat, men hoerdes allt mera saellan.

Из леса выходили уже передовые бойцы нашего отряда.

De foersta roedgardisterna i vaart kompani kom redan fram ur skogen.

Позади меня шел Лейно.

Bakom mig kom Leino.

Офицер пытался приподняться на локте.

Officern foersoekte att resa sig upp paa armbaagen:

-- Ласси! -- крикнул я уже почти исступленно. -- Ласси, наконец-то мы можем окончить здесь наш диспут!

-- Lassy, skrek jag, naestan kvaevd av ilska -- Lassy, aentligen kan vi haer goera upp vaart mellanhavande.

От неожиданности он даже приподнялся и, увидев меня, поднял маузер.

Oeverraskningen var saa stor, att han naestan reste sig upp, och daa han fick syn paa mig, grep han efter sin mauserpistol.

-- Я не увижу моей великой Суоми, и тебе, Матти, уже не купаться больше в ее озерах! -- сказал он и вдруг, выплевывая изо рта кровь, крикнул:

-- Продавшейся красной собаке -- собачья смерть! -- и выстрелил.

-- Du din hund, din roede foerraedare, du skall doe hunddoeden -- och saa skoet han.

Ласси был отличным стрелком, но гнев и рана сделали его руку нетвердой. Пуля прошла через мой капюшон и оставила в нем дыру.

Lassy var en utmaerkt skytt. Men ilskan och saaret gjorde hans hand osaeker. Kulan slog igenom kapuschongen och laemnade ett haal som minne.

-- Ты опять не попал, Ласси, а вот я попаду...

-- Nu bommade du igen, Lassy, men jag skall traeffa ...

Он снова поднял револьвер, почти касаясь моего полущубка его дулом.

Han hoejde paa nytt sin pistol, varvid mynningen naestan beroerde min paels.

Но я уже опустил приклад.

Jag slog till med gevaerskolven.

Выстрела не последовало.

Denna gaang kom det inget skott fraan hans mauserpistol.

Я знал Ласси с детства. Он -- сын хозяина лесопилки, на которой работал мой отец. Во время революции был шюцкоровским офицером.

Jag kaende Lassy aenda sedan barndomen. Hans far var var sjoekapten.

Under det imperialistiska kriget skickade maanga finska borgare illegalt genom Sverige sina soener till Tyskland, daer dessa erhoell militaer utbildning. Finlands borgare trodde att de med det segrande Tysklands hjalp skulle kunna goera landet oavhaengigt.

Шел митинг на лесопилке. Выступил Ласси, выступил и я, приехавший на побывку из Хельсинки. Мы установили на заводе Ласси восьмичасовой рабочий день и организовали завком, а когда пришли в контору проверить конторские книги, Ласси отказался дать их нам и сказал:

-- С такими негодьями и грабителями, как вы, приходится говорить языком оружия.

Я тогда не рассчитался с ним, он вдруг куда-то исчез, но теперь мы поговорили все-таки друг с другом, языком оружия. Это может подтвердить дыра в капюшоне моего балахона.

Я обыскал труп Ласси, взял документы и пошел обратно в деревню.

Тут только я понял, что нестерпимо устал и не в силах больше сделать ни шага.

Не помню, как я добрался до избы.

Отряд наш уже прибыл в поселок и располагался на привал. Антикайнен распоряжался, высылая вперед новую разведку.

Посреди улицы лежал, раскинув руки, убитый лахтарский офицер. Я его не знал.

<45>

Я свалился, как сноп, на пол, не дойдя двух шагов до скамейки. Может быть, меня перекладывали, может быть, по мне ходили -- я не знаю, ничего не помню. Я спал глубочайшим сном.

{50}

I Tyskland organiserades t o m en speciell krigshoegskola foer dessa finska borgarsoener. Det fanns maanga daer. En stor del av den finska officerskaaren hade gaatt i tysk skola. De har organiserat de finska skyddskaarerna, de var officerare i Mannerheims straffexpedition, de var tusentals arbetares boedlar.

Vi -- kommandoerer i arbetarnas armee, Finlands blivande roeda armee -- faar vaar utbildning haer, i den Internationella Krigsskolan; vaara fiender i Tyskland.

Lassy hade tillsammans med andra borgare varit illegalt i Tyskland och kom under revolutionen tillbaka som fullt utbildad vit officer.

Senare foerlorade jag honom ur sikte, men nu hade vi talat med varandra paa vapnens spraak; det kan haalet i min kapuschong intyga, det kunde Lassy ha intygat, om inte ...

Jag undersoekte Lassys lik. Tog reda paa hans papper och gick tillbaka till byn.

Nu foerst maerkte jag att jag var oerhoert troett och att jag inte var i staand att ta ett steg vidare.

Jag minns inte, hur jag kom fram till stugan.

Vaar bataljon hade redan slagit laeger. Antikainen gav order och saende ut en rekognosceringspatrull.

Mitt paa vaegen med armarna utstraeckta laag en skjuten finsk officer, som jag inte kaende.

Jag ramlade ihop paa golvet som en saeck, trots att jag hade bara knappa tvaa steg fram till baenken. Det aer moejligt, att kamraterna flyttade paa mig, det aer moejligt, att de trampade paa mig -- det vet jag inte. Jag minns ingenting.

В те сутки мы прошли всего
лишь пятьдесят километров.

Но спать можно было не больше трех
часов.

В двенадцать часов дня надо
было уже выходить и идти на Челку.

Из-под моей головы вытянули подушку.

Я проснулся. Антикайнен держал в
руках подушку.

-- Чего же ты обидел бабушку? --
укоризненно спросил он.

Старушка встала с печи и, взяв
подушку из рук командира, стала его
о чем-то нерешительно спрашивать.

Антикайнен пристально смотрел на нее
своими голубыми глазами и старался
успокоить.

-- Так вы в самом деле красные? --
наконец расхрабрившись, громко
спросила она командира.

-- Разве ты не видишь, как мы
расправились с лахтарями?

-- Видишь ли, родной, офицеры
говорили, что на триста верст вокруг
нет ни одного красного. Даже птица
оттуда не залетит, не то что
красноармейцы. Вот почему я и
сомневаюсь.

-- А ты, бабка, не сомневайся, а
лучше посмотри на красные наши
звезды!

Этот аргумент, очевидно, убедил
старуху окончательно. Сморщенное,
как печеный картофель лицо ее
засияло; настороженность, которая
чувствовалась в каждом движении,
исчезла.

Она подошла к двери и начала
копаться, вытаскивая из-за резного
дверного наличника какие-то бумаги.

Вытащив пачку документов, она стала
перебирать их и, найдя наконец
нужный, протянула его командиру.

Under detta dygn hade vi
tillrygglagt femtio kilometer.

Men vi fick bara sova i tre timmar.

Klockan tolv paa dagen skulle vi
staella upp och gaa i riktning mot
Tsolkka.

Naer jag vaecktes, stod en gammal
gumma bredvid Heikkonen -- det var
stugans husmor, och fraagade honom
naagonting i osaeker ton. Han saag
oavvaent paa henne, med sina blaaa oegon
och foersoekte att lugna henne.

-- Daa aer ni ju verkligen roeda? tog
hon slutligen mod till sig och
fraagade kommendoeren hoegt.

{51}

(Bildtext: Han hoejde paa nytt sin
pistol, varvid mynningen naestan
beroerde min paels.)

{52}

-- Ser du inte, hur vi gjort
processen kort med slaktarna?

-- Ja, men snaella du, officerarna
sa, att det inte fanns en enda roed
paa trehundra kilometers omkrets.
Inte ens en roed faagel kan flyga hit,
aen mindre daa roedarmister. Daerfoer aer
jag saa tvivlande.

-- Men nu skall du inte tvivla
laengre, mormor, utan titta i staellet
paa vaara roeda sovjetstjaernor i
moessorna.

Detta argument oevertygade tydligen
gumman helt och haallet. Hennes
ansikte, fullt av faaror och rynkor
som en gammal potatis, sken upp, och
den foersiktighet, som hon visat i
alla sina roerelser, foersvann med
ens.

Hon gick fram till doerren och
boerjade soeka bakom doerrlisten. Hon
drog fram naagra papper.

Naer hon funnit papperen, boerjade hon
att titta igenom dem, och daa hon
till slut fann det riktiga, raecte
hon det till kommendoeren.

Командир принялся читать.

Это была бережно сложенная, заверенная всеми печатями и подписью самого командира почетная грамота, выданная штабом Первой Конной армии на имя бойца товарища Юкко Петрова.

-- Ну что ж, вижу: грамота товарища Буденного...

-- Да ведь Юкко -- это мой сын! -- залопотала старуха, волнуясь. -- Он сейчас с дружками в лесу от лахтарей скрывается.

-- Зови немедленно ребят из лесу!

Старуха заторопилась.

Я видел, как она стала на само-
<46>

дельные карельские лыжи и пошла в лес. Не многие наши питерские спортсменки-физкультурницы умеют бегать на своих телемарках так, как шла эта старушка!

К тому времени, когда отряд совсем уже был готов к отходу, из лесу под предводительством старухи вышла группа людей на лыжах. Увидев нас, они остановились.

Один пошел прямо к нам.

Этот парень и был буденновец. Вместе с ним ушли в лес, срываясь от насильственной мобилизации, произведенной лахтарями, еще девять мужчин.

Они перехватили две подводы с продуктами для заставы и питались захваченным продовольствием. Активно бороться с лахтарями из-за отсутствия оружия они не могли. Продукты были у них совсем уже на исходе -- и вдруг явились мы.

Петров не вполне был уверен в сообщении матери, что действительно пришли красные, и, чтобы не подводить остальных ребят, вышел к нам один. Его пригласили в дом.

Сомнения быстро рассеялись.

Kommendoeren boerjade laesa igenom papperet.

Detta var omsorgsfullt hopviktt och daa han vecklade ut det syntes staemplar och underskrifter. Papperet var ett hedersdiplom, tilldelat kavalleristen i foersta roeda ryttararmeen kamrat Hrisanfow av staben och var undertecknat av sjaelva kommendoeren.

-- Nae, vad ser jag. Det aer ju ett hedersdiplom av sjaelvaste kamrat Budjonny ...

-- Ja Pjotr Hrisanfow aer ju min son! Det aer min son -- boerjade gumman upproerd att pladdra. -- Han och hans kamrater har goemt sig foer slaktarna i skogen!

-- Kalla oegonblickligen hit pojarna fraan skogen!

Gumman fick braattom att ge sig ivaeg.

Jag saag hur hon spaende fast de hemma-

gjorda karelska skidorna och stack ivaeg in i skogen (det aer inte maanga idrottsflickor i Petrograd, som kan loepa saa bra paa sina Telemarksskidor som denna gumma).

Naer bataljonen var faerdig till avmarsch, kom en skara skidloepare ut ur skogen med gumman i spetsen.

Naer de fick se oss, stannade de.

En av dem aakte fram till oss.
{53}

Denne storvaexte pojke var just den som varit med i Budjonny's ryttararmee. Jaemte honom hade nio maen goemt sig i skogen foer att undgaa slaktarnas tvaangsmobilisering.

De hade uppbringat tva foror med livsmedel, vilka var avsedda foer den finska faeltvakten, och hade uppehaallit livet med de beslagtagna matvarorna. De hade inga vapen och kunde daerfoer inte kaempa aktivt mot slaktarna. Deras livsmedel var nu saa gott som slut och vi kom som "raeddande aenglar".

Hrisanfow trodde inte riktigt paa moderns meddelande att de roeda verkligen hade kommit och foer att inte locka de andra pojarna i naagon faella, kom han foerst ensam fram till oss.

Hans misstankar skingrades genast.

-- Как это вы, ребята, здесь очутились?

-- Как бы мы здесь ни очутились: сами ли пришли или с неба свалились, но мы здесь, -- сказал командир роты Хейконен.

Антикайнен, молчавший все время и, казалось, занятый только шиванием разодранного балахона, вдруг встал и сказал:

-- Назначаю тебя, товарищ Юкко Петров, комендантом деревни. Двенадцать захваченных винтовок оставляю твоему отряду. Из девяти тысяч трофейных патронов забирайте восемь тысяч. Двух ребят ты выделишь конвоировать пленных. Приказываю тебе именем Советской власти соблюдать дисциплину отряда и бить лахтарей без пощады!

Петров, как побывавший в переделках боец, принимая приказ, стоял, вытянув руки по швам. Выслушав приказ он сказал:

-- Служу трудовому народу!

И, выйдя на крыльцо, сорвал белый флаг -- наши ребята забыли это сделать в пылу схватки -- и стал им размахивать.

Парни, оставшиеся в лесу, увидев сигнал, пошли к деревне во главе со старухой по той самой лыжне, которую проложил я на рассвете.

<47>

Глава шестая

В глубоком тылу у лахтарей

Мы, снова построившись как полагалось, вышли в путь. Небольшая закуска и три-четыре часа сна подкрепили нас, и, если бы не острая боль в плечах от ляжки мешка и ремня винтовки и если бы не ныли ноги, все было бы прекрасно.

-- Не забыл отмечать путь по карте?
-- спросил, обгоняя меня, товарищ Суси.

-- Нет, не забыл.

-- Hur tusan har ni kommit hit?

-- Om vi aakt hit sjaelva eller fallit fraan himlen -- faktum aer, att vi aer haer, sade Heikkonen.

Antikainen, som hela tiden suttit tyst och synbarligen var sysselsatt med att sy ihop sin soenderrivna skyddskaapa, reste sig ploetsligt och sade:

-- Jag utnaemner dig, kamrat Hrisanfow, till kommandant i denna by. Tolv av de eroevrade gevaeren laemnar jag din lilla styrka. Av de 9.000 patroner, som vi lagt vantarna paa, kan ni faa ta 8.000. Tvaa av pojarna skickar du med att vakta faangarna. Jag befaller dig i Sovjet-regeringens namn att uppraetthaalla disciplin bland dina maen och utan foerbarmande slaa ned slaktarna!

Hrisanfow, som var erfaren i krigarens vaerv, mottog befallningen i givakt.

-- Vi aer redo att tjaena det arbetande folket!

Han gick fram till stugan, rev ned den blaa-vita flaggan -- det hade vaara pojkar i hastigheten gloemt bort att goera -- och boerjade att signalera till de pojkar som stod i skogsbrynet. Pojkarna saag hans signal och kom med gumman i spetsen fram till byn i samma skidspar, som jag hade aakt upp i daggroningen, daa jag halvsovande naermade mig byn.

{55}

KAPITEL FEM

Sedan vi staellt upp i vanlig ordning, taagade vi ivaeg. En matbit och tre, fyra timmars soemn hade staerkt oss, och om det inte varit foer den haeftiga smaertan i axeln till foeljd av raenselns och gevaerets remmar och den stickande smaertan i vaderna och armmuskulerna -- saa skulle man ha tyckt att allt gaatt bra, till och med baettre aen man ens kunnat droemma om i staben.

-- Du har vael inte gloemt att pricka ut vaegen paa kartan? fraagade adjutanten, kamrat Susi, daa han aakte foerbi mig.

-- Nej, det har jag inte, kamrat Susi.

Тут только я понял вдруг, насколько труднее, чем нам, приходится нашим командирам.

Они должны проделывать точно такой же путь, какой проделываем мы; кроме того, на стоянках они должны заботиться о безопасности отряда, о каждом карауле, посылать разведку, намечать ей цели, выслушивать донесения, допрашивать пленных. Это работа нелегкая. А Суси сверх этого ведет все время дневник отряда. Как у него не замерзли пальцы во время писания, я не понимаю! Как он после разобрал эти каракули, начерченные в тетради на морозе?

Мы снова шли вперед, рассекая грудью морозный воздух.

-- Эх, напрасно я здесь петуха салом кормил! Какой кусочек загубил! -- жалел Армас.

-- А для чего же ты его кормил?

-- Как -- для чего? От сала петух голос теряет. Ну, я и дал ему... Пусть не будит до света. Так нет, все равно -- не петух, так приказ разбудил! -- продолжал сетовать Армас.

Повалил снег, густой, липкий, мохнатый.

Наш взвод шел сейчас в середине отряда, но за густой

стеной падавшего снега не было видно головных и арьергардных.

Мы шли вперед, пробираясь сквозь эту пелену.

Шли быстро. Опять мелькали палки, ноги, хрустел и шуршал уминаемый снег, и свистящее наше дыхание снова разрывало тишину.

Мы шли очень быстро, с грузом в двадцать кило.

Я опять потерял Армаса из виду.

Он отставал.

Nu foerstod jag ploetsligt, att kommendoererna hade det mycket vaerre aen vi.

De maaste tillryggalaegga precis samma straecka som vi, men dessutom maaste de under rasterna soerja foer bataljonens saekerhet. De maaste soerja foer varje vakt, saenda ivaeg rekognosceringspatruller, ge dem uppdrag, motta rapporterna och foerhoera faangarna. Det aer inte naagot laett arbete. Dessutom foerde Susi dagbok foer hela bataljonen: att han inte foerfroes fingrarna av allt detta skrivande -- det foerstaar jag inte! Och hur kunde han efteraat laesa dessa kraakfoetter, som var hastigt nedraspade i den straenga kylan?

Vi loepte aater framaat, tappert kaempande mot den bitande blaasten.

-- Эх, напрасно я здесь петуха салом кормил! Какой кусочек загубил! -- жалел Армас.

-- А для чего же ты его кормил?

-- Как -- для чего? От сала петух голос теряет. Ну, я и дал ему... Пусть не будит до света. Так нет, все равно -- не петух, так приказ разбудил! -- продолжал сетовать Армас.

Nu boerjade det att snoea, taeta, klibbiga, ulliga flingor.

Min pluton gick nu i bataljonens mitt, men snoen stod tjock {56} som en vaegg och det var daerfoer omoejligt att se vare sig bataljonens taet eller [Foerlagans "efter" aer haer raettat till "eller" aar 2004.] eftertrupp.

Vi loepte framaat, kaempande mot snoemuren.

Vi loepte fort. Aaterigen skymtade skidstavar och ben. Den sammanpressade snoen knarrade och gnisslade under skidorna och endast de flaaasande andedragen stoerde tystnaden.

Vi aakte mycket fort, med en packning paa tjugo kilo, en packning som tyngde oss varje dag under hela vaar fantastiska expedition.

Jag foerlorade aaterigen Kalle ur sikte.

Han sackade efter. Boerjade bli uttroettad.

Опять пробежал мимо меня от хвоста
отряда к его голове неутомимый
Антикайнен.

Опять нам становилось все жарче и
жарче. Опять капли
<48>

пота стали
стекать на лицо из-под шлема.

Мы шли, черт побери, вперед

и заставляли идти за собой пленных
лахтарей. Им было
идти легче -- без
винтовок, без патронов, без
гранат и без запасов еды.

Все они были
льжниками. Но, даже боясь послушаться
приказа, они стали все же
роптать.

Один из них улучил секунду, когда
мимо пробежал Антикайнен, и сказал:

-- Ваше превосходительство, мы не
можем так быстро идти, мы задыхаемся.

-- Кто не сможет идти, тот не сможет
и жить дальше! -- крикнул, пробегая,
товарищ Антикайнен, и он был прав:
ведь ни одна собака не должна была
знать о нашем движении, ни одна!

Мы шли вперед и вперед.

Передовые свернули вниз.

Мы покатались по откосу берега

один за другим на покрытую льдом и
снегом реку. Мы пошли вперед по реке.

Капли пота, стекая со лба на глаза,
мешали смотреть сквозь пелену
падавшего снега.

Ремни натирали плечи.

Я пробовал несколько раз передвинуть
их немного в сторону -- не помогало:
через минуту они снова соскальзывали.

От пота рубаха стала совсем мокрой и
плотно прилипла к телу. Но мы шли
все вперед, вперед... Все мои
ощущения, все мои мысли, кажется,
уходили в ноги.

-- Ребята, нажимайте, скоро привал!
-- говорил я своему взводу. -- Не
подавайте виду пленным лхтарям,
что вы устали. Пусть смотрят, как
мы умеем ходить!

Aaterigen aakte den outtroettlige
Antikainen foerbi mig fraan
eftertruppen fram mot taeten.

Aaterigen blev vi alltmera
upphettade. Aaterigen

boerjade svett dropparna att
rinna nedfoer ansiktet.

Men vi loepte framaat av sjaelva tusan!

Och vi tvang aeven de faangna
slaktarna att foelja med. De hade
mycket laettare att aaka -- utan
gevaer, utan patroner, utan
handgranater och utan proviant.
Precis likadant som vi idag aaker,
naer vi avlaegger provet foer
idrottsmaerket, GTO ("Beredd till
arbete och foersvar"). Alla var de
vana skidloepare. Men fastaen de var
raedda att visa ohoersamhet, boerjade
de att klaga.

En av dem begagnade tillfaellet naer
Antikainen aakte foerbi, och sade:

-- Herr officer! Vi kan inte aaka saa
fort. Vi tappar alldeles andan.

-- Den som inte kan aaka laengre, kan
inte heller leva laengre! ropade
kamrat Antikainen till svar och aakte
vidare. Han hade raett: inte en hund
fick ha reda paa vaar expedition, inte
en enda!

Framaat gick det oupphoerligt.

De fraemsta svaengde nu nedaat.

Vi aakte nedfoer en strandsluttning.

En och en aakte vi ut paa den is- och
snoebetaeckta floden och foeljde den.

Svetten rann fraan pannan ned i
oegonen och hindrade oss fraan att se
framaat genom snoetjockan.

Remmarna skar in i axlarna.
{57}

Jag foersoekte flera gaanger att flytta
remmarna aat sidan -- men det hjaelpte
inte, om en minut gled de paa nytt
tillbaka.

Skjortan var genomvaat av svett och
klibbade fast vid kroppen. Men vi
aakte fortfarande framaat, framaat ...
alla mina sinnen, alla mina tankar
tycktes vara koncentrerade paa benen.

-- Hugg i pojkar! Snart skall vi ta
rast, sade jag till min pluton. Laat
inte de faangna slaktarna maerka att
ni aer troetta. Laat dem faa se, att det
aer skillnad mellan dem och oss.

Так подбадривал я своих ребят.
Мне казалось, что ноги мои
разбухают все время,
превращаются в чурбаны,
на которые
вплотную,
как резиновые, насажены валенки.

Рубахи наши были мокры от пота. И
пот проступал через рубахи на мех
полушубков. В самом деле, мех уже
был настолько мокр от пота, что
отдельные капли, стекая, собирались
на краях полушубка и, медленно
сочась, падали прямо в валенок.

Если бы мне кто-нибудь рассказал об
этом, я бы не поверил, но теперь
дело было не в том, верить или не
верить, а в том, чтобы идти вперед
во что бы то ни стало. Вперед!

Я увидел, что немного отстаю, нажал,
оттолкнулся палками и в мутнеющем
сумраке наступающего зимнего вечера
чуть не наскочил своими лыжами на
лыжи впереди идущего. Я всмотрелся.

-- Что с тобой, Аалто? -- спросил я,
запыхавшись.

Маскировочный халат у него был
разодран штыком, и, чтобы он не
путался под ногами, Аалто его снял.

<49>

-- Что с тобой, Аалто? -- повторил
я. -- У тебя весь полушубок покрыт
льдом, ты весь оледенел. Что с тобой?

-- А ты посмотри, может, и сам не
лучше! -- буркнул под нос Аалто.

Я снял с левой, пораненной руки
варежку и стал ощупывать свой
полушубок. Аалто был прав: мой
полушубок был тоже покрыт ледяным
покровом.

Почти у всех ребят образовались на
полушубках ледяные корки.

Пот, проходя через баранью кожу
наружу, сразу остывал: его схватывал
мороз. Ледяная корка на полушубках
-- и пот, стекающий каплями по
мокрому меху! И то и другое сразу!

И мы разгоряченной грудью вдыхали

Saa uppmuntrade jag mina pojkar, men
hela tiden tyckte jag, att mina ben
svaelldde upp, att de oavbrutet blev
tjockare och tjockare, tyngre och
tyngre, till slut runda som
traeklossar, paa vilka filtstoevlarna
satt fastgjutna som gummistoevlar.

Och att dessa traeklossar var vaata
kunde man ju foersta. Vaara skjortor
var ocksaa genomvaata av svett.
Svetten traengde t o m igenom
skjortorna ut i paelsarna. I sjaelva
verket var paelsarna redan saa vaata av
svett, att det boerjade droppa fraan
paelskanten raett ned i filtstoevlarna.

Om naagon skulle ha beraettat naagot
dylikt foer mig, saa skulle jag inte
ha trott honom. Men nu spelade det
ingen roll, om man trodde eller inte
trodde. Nu var det viktigaste att
gaa framaat till varje pris. Bara
framaat!

Jag maerkte, att jag boerjade bli en
smula efter och tog ett par
kraftigare tag med mina stavar, men
i den tidiga vinterkvaellens dunkla
skymning hoell jag paa att koera raett
paa den naermast framfoer aakande
kamraten. Jag tittade efter, vem det
var.

-- Vad aer det med dig Aalto!?
fraagade jag andfaadd.

Han hade ingen skyddskaapa paa sig.
Denna hade rivits soender av en
bajonett och foer att den inte skulle
trassla in sig i benen, hade Aalto
tagit av sig den.

-- Vad aer det med dig Aalto?
upprepade jag. Paelsen din aer ju
alldeles hoeljd av is. Du aer ju helt
nedisad. Vad aer det med dig?

-- Titta efter paa dig sjaelv. Du ser
inte precis baettre ut! brummade
Aalto.

Jag tog av mig vanten fraan den
vaenstra, saarade handen och boerjade
kaenna paa paelsen. Aalto hade raett:
min paels var ocksaa helt nedisad och
ishoeljet knastrade, naer man roerde
vid det.

{58}

Naestan alla pojkar hade isskorpor
paa paelsarna.

Svetten traengde igenom faarskinnen,
och naer den kom ut i luften, froes
den genast till is. Isskorpor
utvaendigt paa paelsen -- svetten
drypande paa paelsens insida! Baade
det ena och det andra samtidigt!

I vaara upphettade lungor drog vi med

морозный воздух, рискуя с каждым глотком получить воспаление легких, и продолжали идти вперед в мокрых, обледенелых полубухах.

varje andedrag in den iskalla luften och riskerade varje oegonblick att aadra oss en farlig lunginflammation. Trots allt fortsatte vi alltjaemt framaat i de tunga, nedisade paelsarna.

Мы шли по реке, и в сумерках наступающей ночи не было видно передовым товарищам, что местами, черт знает откуда, вода выходила из-подо льда.

Vi gick laengs floden och i den inbrytande nattens skymning kunde de kamrater som gick i taeten inte se, att vattnet, tusan vet hur, traengde igenom haer och daer.

Передовые проскочили эти опасные места, и за ними -- весь отряд.

De fraemsta loepte snabbt paa skidorna oever dessa farliga platser och efter dem foeljde hela bataljonen.

Кто хоть раз в жизни надевал на ноги лыжи, тот поймет, что это значило.

Den som naagon gaang i sitt liv har aakt skidor foerstaar, vad detta betydde.

Лыжи снизу быстро застывали; вода, попавшая на них, замерзала и, приликая, тормозила движение.

Skidorna stelnade oegonblickligen, vattnet, som traengde igenom isen, froes oegonblickligen paa skidorna, den klibbiga snoen gjorde skidan aennu tyngre och bromsade aakningen. Naer ytterligare naagra snoeklumpar frusit fast vid skidorna, var det omoejligt att gaa vare sig framaat eller bakaat. Det aer laettare att gaa till fots i djup snoe, aen att aaka paa saadana skidor. Och naestan alla vaara pojkar hade varit med skidorna i vattnet.

Комками прилипал снег, и они уже никак не хотели идти ни вперед, ни назад.

Легче идти по глубокому снегу пешком, чем на таких лыжах.

Vi hade nu gaatt omkring fem timmar och kunde ta en rast: foer resten var det alldeles noedvaendigt att nu ta en rast foer att rengoera skidorna.

И почти все мы въехали в воду.

Antikainen kommenderade halt.

Мы шли уже около пяти часов, и можно было сделать привал. Необходимо было немедленно остановиться: почистить лыжи.

Bataljonen stannade.

Антикайнен скомандовал остановку.

Мы направились к берегу. Захрустел валежник, застучал топор.

Vi gick upp till stranden. Det knastrade i vindfaellet. Yxorna svaengdes med vana haender oever torrstubbarna.

Я стал утаптывать снег, чтобы очистить место для костра, и, оглянувшись на реку, увидел несколько стоящих без движения фигур. Они опираясь грудью на палки, стояли молча, без признаков жизни, как замороженные статуи.

Jag boerjade att med foetterna trampa ihop snoen foer att goera plats aat en laegereld. Naer jag raakade se mot floden saag jag naagra figurer, som stod fullkomligt stilla. De stoedde sig med broestet paa skidstavarna och gav inte ett ljud ifraan sig. Inte ett livstecken. De stod precis som statyer.

-- Лейно, узнай, в чем дело!

{59}
-- Leino, se efter, vad det aer med dem.

Лейно устало подошел к ним.

Leino gick troett fram till dem.

Я видел, как он стал толкать эти замерзшие снежные бабы. Они зашевелились, пошли к берегу.

Jag saag hur han knuffade till dessa foerstenade figurer, dessa belaaeten som stod daer paa skidorna. De boerjade att roera sig och kom upp till stranden.

-- Они спали стоя, -- сказал Лейно.
-- Палки в грудь -- и райские грезы. Спокойной ночи!

-- De sov staaende, sade Leino, lutande sig mot stavarna droemde de om paradiset. God natt!

-- Привал большой, -- сказал, проходя мимо меня, Хейконен. -- Привести себя в порядок и отдохнуть! <50>

Большой привал -- значит, можно развести ракатулет. Я не знаю, где бы еще, кроме дремучих лесов Суоми, разбивали ракатулет.

Ракатулет устраивают так. Валят два больших дерева, сдвигают их одно на другое. Предварительно на тех сторонах, которыми бревна соприкасаются, топором делают глубокие засечки, своего рода бахрому. Их поджигают.

Бревна горят медленно, сначала только тлеют, да и после нет такого яркого огня, какой бывает при обыкновенном костре. Но жар от ракатулета очень большой, за ним не нужно ухаживать все время, не надо каждую минуту подходить, подкладывать новые сучья, и спорадически он медленно.

Между шеренгами ракатулетов бывает порядком жарко даже в самую холодную ночь.

Ночь действительно была холодной. Не меньше тридцати пяти градусов, по уверению Суси.

Большой привал.

Мы начали валить ракатулеты, набивать котелки снегом. Установили винтовки в козлы и стали очищать лыжи от налипших комьев снега.

Это работа очень кропотливая. Лыжи близко к огню держать нельзя: если они разогреются, то, когда станешь на них, снег под ними начнет таять и налипать. Вот почему у нас в Суоми и в Карелии они стоят всегда в сенях.

Повозились уж мы с лыжами на этом привале!

От огня обледенелые полушубки стали топорщиться, корежиться.

Я поднял руку, чтобы обломить нависшую над ракатулетом ветку ели, и вдруг почувствовал, что в моей одежде что-то оборвалось, треснуло, и мне стало очень легко поднимать руку. Я снял балахон.

-- Det blir ett langt uppehaall, sade Heikkonen aat mig, daa han gick foerbi. Skoet om er och vila ut!

Ett langt uppehaall -- det betyder att man kan goera upp en laegereld.

Det goer man paa foeljande vis: tvaa nyfaellda traed laegges med stammarna mot varandra. Paa paa de sidor av stammarna, som beroer varandra, goer man paa foerhand med yxan flera djupa hack, en slags Frans. Dessa taender man eld paa.

De brinner langsamt, foerst gloeder de bara, men sedan brinner de med lika klar laaga som vanliga laegereldar. Hettan fraan detta slags laegereldar aer mycket stor, och man behoever inte pyssla om dem hela tiden, man behoever inte varje minut gaa och laegga nytt braensle paa elden och de brinner ut mycket langsamt. Dessutom aer det vanligt, att man inte endast goer en eld, utan flera stycken i rad, saa att det bildas planmaessigt ordnade eldkvadrater och mellan raderna av dessa brasor aer det duktigt hett t o m den allra kallaste natt.

Natten var verkligen kall: Susi paastod att det var minst 35 grader kallt.

Alltsaa -- ett langt uppehaall.

Vi boerjade goera i ordning laegereldar och fyllde matbackarna med snoe. Gevaeren staelldes upp emot varandra. Och saa boerjade vi att skrapa skidorna rena fraan den fastfrusna isen och snoemodden.

Det var ett ytterst otrevligt och moedosamt arbete. Man faar ju inte haalla skidorna foer naera elden: om de uppvaerms och du sedan spaenner fast dem paa foetterna, smaelter snoen och fryser aaterigen fast. Det aer daerfoer, som man i Finland och i Karelen alltid staelles skidorna i foerstugan. {60}

Vi hade ett sabla arbete med vaara skidor vid detta raststaelle!

Svetten hann torcka, men av elden boerjade de nedisade paelsarna att bloetas upp, torcka och krympa.

Jag straeckte upp armen foer att bryta av en grankvist, som haengde raett oever elden. Daa kaende jag ploetsligt, att det var naagonting i klaederna, som lossnade och sprack. Det gick mycket laettare att straecka upp armen. Jag tog av mig skyddskaapan.

Обледенелый полушубок мой треснул, покорежившись на стиге плеча.
Рукав совершенно свободно теперь снимался отдельно от всего полушубка.

-- Я придумал, что надо делать, чтобы полушубки впредь не леденели,
-- сказал командир роты Карьялайнен.

Он стал выворачивать полушубок наизнанку и, вывернув, надел на себя. Такую же процедуру с полушубками проделали и многие ребята, и мы ходили мохнатые, как медведи.

Ночь предстояла очень холодная.

Концы пальцев холодели даже в рукавицах.

Лежа в снегу, я посмотрел вверх и через тяжелые от снега мохнатые ветки увидел большие северные звезды, опрокинутый ковш Большой Медведицы и мысленно стал проводить линию к Полярной звезде.

<51>

Я задремал.

Проснулся я от отчаянного жара -- мне казалось, что правая сторона моего тела, обращенная к ракатулету, раскалена донельзя, левая же сторона погребена во льду.

Я повернулся на другой бок и продолжал спать.

Так крепко спать, я думаю, мне больше никогда не придется.

Один раз, когда я повернулся с боку на бок, я увидел, как Лейно быстро вскочил с постели, устроенной из свеженаломанных веток, и, скинув полушубок, стал его топтать.

Он увидел мой полусонный, но, вероятно, очень удивленный взгляд и сказал:

-- Спалил полушубок головней...

Но я заснул, не дослушав его.

Снов не было. Опять спине стало очень холодно. И я проснулся оттого, что кто-то положил руку на мое натруженное плечо. Я с трудом разлепил веки. Надо мной стоял

Min foerut nedisade faarskinnspeals hade av vaermen skrumprat ihop vid axlarna och sprack nu vid paafrestningarna. Aermen haengde fullkomligt loes ned fraan paelsen, och jag kunde dra den av armen, utan att ta av mig paelsen.

-- Jag har taenkt ut, vad man skall goera foer att paelsarna inte skall bli nedisade, sade andra kompaniets kommendoer, kamrat Karjalainen.

Han boerjade vaenda ut och in paa sin paels och drog den paa sig avig. Samma procedur med paelsarna gjorde jag och maanga andra av pojkarne, och vi gick sedan omkring och saag ut som bjoernar.

Aermen hoells kvar vid paelsen tack vare skyddskaapan.

Natten saag ut att bli oerhoert kall.

Fingertopparna boerjade frysa i vantarna.

Liggande i snoen tittade jag uppaat, och genom de snoetyngda, yviga grenarna saag jag nordens stora stjaernor. Stora Bjoernens upp- och nedvaenda skopa. I tankarna drog jag en linje till polstjaernan.

Jag slumrade till,

men vaectes av en oerhoerd hetta -- jag tyckte att min kropps hoegra sida, som laag vaend mot laegerelden, var alldeles gloedande medan den vaenstra sidan kaendes, som om den varit infrusen i ett isblock.

Jag vaende mig om paa andra sidan och fortsatte att sova.

Saa haart tror jag aldrig, att jag faar sova igen.

En gaang, naer jag vaende mig om, saag jag hur Leino hoppade upp ifraan sin baedd, som han hade tillrett av nybrutet granris, blixtnabbt drog av sig paelsen och boerjade att trampa paa den i snoen.

{61}

Han saag min soemniga, men tydiligen ytterst foervaanade blick.

-- Jag braende haal paa paelsen ...

испуганный товарищ Антикайнен.

Он бережно -- видимо, стараясь не разбудить -- переворачивал меня на другой бок, отдирая примерзшую к снегу полу моего полушубка.

Я видел, как он подозвал часового и приказал ему каждые четверть часа переворачивать спящих с боку на бок.

-- Чтобы не замерзали и не пригорали...

Так он заботился о нас, своих бойцах.

Конца их разговора я не слышал.

И когда в другой раз я проснулся и открыл глаза, то увидел Армаса, укладывающегося у ракетулета.

Он выглядел постаревшим на несколько лет и очень похудевшим.

-- Опять, что ли, словил кого-нибудь в хвосте? -- спросил неожиданно подошедший Антикайнен.

-- Мое время еще не ушло -- погоди, словлю еще десяток-другой! пробовал отшутиться Армас, но ему явно это не удавалось.

Он снова отстал от отряда и только что пришел.

-- Товарищ начальник, -- сказал он Антикайнену, -- дозоры у нас слабо смотрят: меня никто по пути не остановил.

Командир пошел дальше -- осматривать стоянку и проверять дозорных.

В своем опоздании Армас мог найти и некоторую долю утешения. Увидев разложенные костры, он вышел на берег, пошел к ним напрямик и таким образом не попал в воду,
<52>

поэтому ему и не нужно было так возиться с лыжами, очищая их. Но к чести Армаса надо сказать, что это было последнее его отставание.

Все остальные переходы он проделывал так, что только опытный глаз мог отличить в нем новичка.

Он прошел ускоренный курс подготовки на лыжника. Во что ему это обошлось,

Fortsattningen av vaart samtal kan jag inte erinra mig, ty jag somnade omedelbart. Naagra droemmar hade jag inte.

En annan gaang, naer jag vaende mig foer att laegga den stelfrusna sidan mot elden, saag jag hur Kalle hoell paa att laegga sig vid laegerelden. Han saag ut, som om han blivit flera aar aeldre och hade magrat mycket.

-- Har du aater kommit paa efterkaelken och faangat in naagon, fraagade den ovaentat framdykande Heikkonen.

-- Min tid aer aennu inte foerbi. Jag skall nog faanga ett par tiotal till! foersoekte Kalle att skaemta, men det laet inte saerskilt lyckat.

Han hade aaterigen blivit efter sitt kompani och hade alldeles nyss kommit fram.

-- Kamrat befaelhavare, sade han till Heikkonen, vaktposterna haaller inte oegonen oepna. Det var ingen, som hejdade mig.

Heikkonen fortsatte sin rond runt laegret foer att kontrollera vaktposternas oppmaerksamhet.

I sin foersening fann Kalle en viss troest. Naer han fick syn paa de uppgjorda laegereldarna gick han upp fraan isen och hoell direkt kurs mot laegret och undgick paa detta saett

vattnet paa isen och behoevde inte skrapa ren sina skidor, som vi hade faatt goera. Men till Kalles aera maaste man saega, att det var sista gaangen han blev efter mer aen en timme. De naermaste etapperna gick han saa bra, att endast det mest traenade oega kunde se, att han var en nyboerjare.

Han genomgick i verkligheten en snabbkurs i utbildning till skidloepare. Men vad denna utbildning kostade honom, daerom

говорило его лицо, напряженное, заострившееся, как у человека, долго болевшего, и глаза, горевшие странным блеском.

По-настоящему я понял, во что обходился поход Армасу, лишь в Челке.

Отряду же обучение Армаса едва не стоило катастрофы при спуске перед Пененгой.

Было еще только четыре часа ночи, когда мы поднялись и вышли вперед. Снова вперед!

Совсем темно.

Опять мы шли по реке.

Опять мой взвод шел посредине отряда.

Вначале идти всегда казалось невероятно трудно. Ну, разве что заставишь себя сделать, и то через силу, шагов двести -- триста.

Были мышцы на ногах, на руках, мышцы живота. Болели натертые плечи, распухали ноги.

Но через сто-двести шагов делалось уже вполне понятным, что можно пройти больше.

Мышечная боль растекалась, рассасывалась.

Морозный воздух, пронизывая все тело, бодрил.

Да, пройти можно было гораздо больше, чем двести шагов.

Пройти можно столько, сколько нужно, чтобы победить.

Мы шли вперед по льду, отталкиваясь палками, оставляя глубокий след в рыхлой целине.

Снегопад прекратился.

Ясная, морозная луна освещала наш утренний путь.

На снег ложилась полоса -- лунная дорога, какая бывает на озерах.

Передовики стали внимательнее.

vittnade hans ansikte, som var spaent och vasst, som hos en maenniska, som laenge varit sjuk, och hans oegon, daer en egendomlig glans syntes ...

Vad denna expedition oeverhuvudtaget hade kostat honom, foerstod jag foerst senare.

Kalles utbildning till skidloepare hoell naestan paa att bli en katastrof foer hela bataljonen vid nedfoersbacken vid Pieningae.

{62}

Klockan var endast fyra paa natten naer vi broet upp och gick vidare. Framaat igen!

Det var alldeles moerkt.

Vi gick aater laengs floden.

Aaterigen gick jag med min patrull i bataljonens mitt.

I boerjan kaendes det alltid oerhoert svaart att aaka.

Hoegst tvaa- trehundra steg skulle man moejligen kunnat tvinga sig att aaka.

Benmusklerne vaerkte, likasaa arm- och bukmusklerne. De soenderskavda axlarna sved, foetterne svaellde upp. Filtstoevlarna slets ut.

Men redan efter tvaa-, trehundra steg visade det sig, att man kunde aaka vidare.

Muskelvaerken boerjade att ge sig. Den domnade saa smaaningom.

Den kalla luften traengde in i varje por och verkade uppfriskande.

Ja, vi kan aaka mycket laengre aen tvaahundra steg.

Vi kan aaka saa laangt, som det behoevs foer att revolutionen skall segra.

Vi aakte framaat laengs floden, tog kraftiga stavtag, saa att det blev djupa maerken efter stavarna i den mjuka snoen.

Snoefallet hade upphoert.

Den silvervita, klara maanen belyste vaar morgontidiga vaeg.

Maanskenet laag som en flod av ljus oever snoen, en vaeg av maanstraalar, alldeles som paa vattnet.

De som gick i taeten, iakttog nu mera uppmaerksamhet.

Заметив талую воду, они взяли курс на берег.

За ними пошел весь отряд.

Миновав это место, мы снова спустились на лед и пошли дальше. На этот раз передовики прозевали и с размаху влетели в талую воду, скрытую снегом.

Отряд остановился.

Мы выбрались на берег.

-- Остановки не будет! --
скомандовал звонким голосом товарищ Антикайнен.

-- Они почистятся и догонят.

Таким образом, мой взвод стал головным. Мы вышли на берег и уже больше не спускались на предательский лед реки.

Луна закатилась.

Рассвет подступал к отряду из-за каждого беличьего дупла, волчьей норы. Мутно-молочный рассвет. Мы шли.

Скоро должна быть деревня Челка. После Челки наш путь лежал уже прямо в Реболы, где, по всей вероятности, находился штаб фронта. Пленные говорили, что там триста лахтарей.

-- Матти, ты пойдешь со мной вперед, в разведку. И возьми с собой одного курсанта! -- сказал Антикайнен.

Я выбрал Лейно.

-- Метрах в двухстах от деревни останови отряд и, если будут выстрелы, окружи деревню, чтобы никто не мог проскочить! -- отдал приказ Карьялайнену товарищ Антикайнен.

Мы вышли вперед и через пятнадцать минут хода были у самой деревни.

Деревня, как и большинство карельских деревень, расположена у воды и окружена приземистыми банями. Мы обошли деревню задами. Ни над одной избой не развеялся белый флаг. Из нескольких труб поднимался

Naer de saag vatten paa isen, satte de kurs mot stranden.

Bataljonen foeljde efter.

Naer vi hade kommit foerbi den farliga platsen, aakte vi paa nytt ned paa isen och fortsatte laengs floden. Men denna gaang laet taetmaennen lura sig och floeg med full fart ned i vattnet, som doldes av den nyfallna snoen.

Bataljonen stannade.

Vi aakte upp paa stranden.

-- Det blir ingen rast! kommenderade kamrat Antikainen
{63}
med sin klingande roest. De faar rengoera sina skidor och hinna upp oss sedan.

Saalunda blev min pluton aaterigen den fraemsta. Vi gick upp paa stranden och aktade oss i fortsaettningen foer den foerraediska flodisen. Marschen fortsatte.

Maanen foersvann.

Gryningen tittade fram mot bataljonen bakom varje traedstam, ur varje ekorrbo, varje varghaala. En mjoelkaktig, grumlig gryning. Vi aakte.

Snart maaste vi vara framme i byn Tsolka. Efter Tsolka gaar vaar vaeg direkt till Repola, daer fiendens stab troligen var belaeen. Faangarna hade ju sagt, att daer skulle finnas en trupp paa 300 vitfinnar.

-- Matti, kom med mig i foervaeg paa rekognoscering och ta en av kamraterna med dig, sade Heikkonen.

Jag valde Leino.

Vi loepte ivaeg.

-- Laat kompaniet stanna 200 steg fraan byn, och om ni hoer skottlossning, saa omringa byn, saa att inte en enda djaevul kan slippa undan! lydde kamrat Antikainens order aat foersta kompaniets kommendoer.

Efter femton minuters aakning var vi redan framme vid byn.

I likhet med de flesta karelska byar var den belaeen nere vid en liten insjoe och var omgiven av laaga, timrade bastur. Vi gick runt byn. Ingenstans syntes en blaa-vit flagga vaja oever naagon stuga. Ur

уютный дымок. Протяжно мычала корова.

naagra skorstenar steg en behaglig roek. En ko raamade utdraget.

Женщина вышла на крыльцо, постояла, сбежала с крыльца, перешла улицу и исчезла. Несколько ребятишек возилось с огромной кудлатой собакой.

En kvinna kom ut paa foerstukvisten, stannade, sprang nedfoer trappstegen, gick oever bygatan och foersvann. Naagra barn lekte med en vaeldig, luden hund paa gatan.

Никаких, даже отдаленных признаков лахтарей не было видно. Деревню война, казалось, обошла.

Inte det ringaste tecken av slaktarna kunde maerkas. Det saag ut som om kriget skulle ha gaatt foerbi denna by.

-- Да, здесь, конечно, тоже никто нас не ждет, -- промолвил Антикайнен. -- Но мы все-таки здесь!

-- Ja, haer aer det naturligtvis inte heller naagon som vaentar oss, log Heikkonen mot mig. Men vi aer i alla fall haer!

Для проверки мы выбрали самый крепкий, богатый на вид дом в деревне, где, конечно, остановились бы белые, и пошли к нему. Лыж снаружи не было видно.

Foer saekerhets skull valde vi ut det stoersta och till utseendet foermoegnaste huset i byn, daer de vita naturligtvis skulle ha stannat, och begav oss dit. Inga skidor syntes till framfoer huset.

{63}

Все было по-прежнему спокойно. Я постучал в дверь. Хриплый женский голос ответил мне по-фински:

Allt var fortfarande lugnt. Jag knackade paa doerren. En hes kvinnoroest svarade paa finska:

-- Войдите!

-- Stig paa!

-- Спасибо! -- отвечал я. -- нас трое.

-- Tack! svarade jag. Vi aer tre.

И мы вошли через сени в горницу.

Och saa traedde vi genom foerstugan in i rummet.

Горница была чисто прибрана, половики разостланы на сияющем чистотой полу. Покрытый сверкающей клеенкой стол, образ в углу.

Inne i stugan var det rent och snyggt, med hemvaevda trasmattor paa det nyskurade golvet. Paa bordet laag en skinande vaxduk. Helgonbilder i hoerret.

Мы предусмотрительно сняли шлемы: откинули капюшоны так, что шлемы остались в капюшонах. Рослый, полноватый, неповоротливый мужчина встал с кресла при нашем появлении.

Vi tog av oss moessorna paa saa saett att naer vi stroek av oss kapuschongerna, laet vi moessorna bli kvar i dem. En storvaext, vaelgoedd, otympelig karl reste sig upp ur en laenstol vid vaart intraede.

<54>

-- Здравствуйте! -- сказал Антикайнен.

-- God dag! sade Heikkonen.

Мужчина что-то промывчал в ответ.

Mannen mumlade naagonting till svar.

Из соседней комнаты, в которой топилась плита, раскрасневшись от жара, выскочила женщина лет тридцати пяти и затараторила:

Fraan sidorummet, daer en eld brann i spisen, kom en kvinna i trettiofemaarsaaldern, alldeles roed i ansiktet av hetta och boerjade att pladdra:

-- Здравствуйте! Это мой муж. Он глухонемой. Как хорошо, что вы пришли к нам! Вы давно из Финляндии?

-- God dag! Det aer min man. Han aer doev. Saa bra att ni kom till oss! Aer det laenge sedan ni kom fraan Finland?

-- Позавчера! -- глухо ответил

-- I foerrgaar! svarade Heikkonen dovt.

командир.

Я взглянул на него недоуменно. Он подмигнул и скривил угол рта мгновенной улыбкой:

-- Разве здесь никого из наших нет?

-- Нет, нет... -- И женщина быстро перед глазами мужа задвигала пальцами: так разговаривают с глухонемыми.

Он сделал к нам шага два навстречу, ухватил руку командира, потом радостно стал пожимать мне руку, и живейшее удовольствие было написано на его заросшем кустами волос лице.

-- Он принимает нас за финских офицеров, -- успел шепнуть мне Антикайнен, в то время как глухонемой тряс руку Лейно.

-- Дорогая хозяйшка, нам с дороги молочка бы выпить! -- обратился к хозяйке Лейно.

Через полминуты мы уже сидели за столом, покрытым сияющей клеенкой. Перед каждым из нас стоял кувшин с парным молоком. Приторный вкус молока и тепло горницы размаривали.

Хозяйка весело хлопотала у плиты в соседней комнате, что-то спешно для нас стряпая.

-- Пей в два горла, Лейно! Не скоро еще дождешься такого угощения, -- обтирая губы, сказал Антикайнен.

Лейно улыбался, хотел что-то ответить, но поперхнулся и закашлялся. Несколько капель молока упало на клеенку.

Хозяин, наблюдавший за нашей трапезой с почтительным восторгом, подскочил с полотенцем в руке и, предупредительно изогнувшись, быстро вытер с клеенки капли. Точно так же он вытер капли, оброненные мною и Антикайненом.

Финских офицеров в этом доме, очевидно, уважали.

Желая, наверно, еще раз подчеркнуть свою преданность им и ненависть к Советской власти, глухонемой подошел к комоду, покрытому кружевным ручником, выдвинул ящик, из ящика вытащил шкатулку, из шкатулки -- несколько советских знаков миллионного достоинства, выразительно плюнул на них, бросил

Jag tittade ofoerstaende paa honom. Han blinkade och log menande mot mig.

-- Finns det inga av de vaara haer daa?

-- Nej, nej ... och kvinnan boerjade snabbt att tala med mannen paa doevstumsspraaket.

Han gick oss tva steg till moetes, grep Heikkonens hand och skakade sedan glatt hand med mig. En livlig tillfredsstaellelse kunde laesas i hans av ett buskigt skaegg oevervuxna ansikte.

-- Han tar oss foer finska officerare, hann Heikkonen viska aat mig, medan den doevstumme hoell paa att skaka Leinos hand.

-- Baesta husmor, det skulle inte skada med litet mjoelk efter den laanga faerden, sade Leino till henne.

Efter en halv minut satt vi redan vid bordet, som var taectt av den skinande vaxduken. Framfoer var och en tronade en kanna med nysilad mjoelk. Den haerliga mjoelksmaken och vaermen i stugan gjorde mig soemnic. {65}

Kvinnan var ivrigt sysselsatt vid spisen i det angraensande rummet och hoell paa att laga i ordning naagonting extra fint.

-- Drick med tva strupar Leino, det droejer innan du blir saa haer bra trakterad, sade Heikkonen och torkade sig om munnen.

Leino log, taenkte svara naagonting, men fick mjoelken i vraangstrupen och hostade till. Naagra mjoelkdroppar staenkte paa vaxduken.

Vaerden, som hade betraktat vaar maaltid, med underdaanic foertjusning och glad haengivenhet, var inom en sekund framme vid bordet och torkade bugande bort mjoelken fraan vaxduken med en handduk. Likasaa torkade han bort de droppar, som jag och Heikkonen hade spillt.

Finska officerare aatnjoet synbarligen i detta hus all hoegaktning.

Den doevstumme, som tydliggen aennu en gaang ville visa sin tillgivenhet foer oss och sitt hat mot Sovjetregeringen, gick fram till skaapet, som var taectt med en virkad duk och drog ut en laada, ur vilken han tog fram ett skrin. Ur skrinet tog han naagra sovjetsedlar av miljonvaloer, spottade eftertryckligt

на пол и стал изо всех сил топтать.

-- Погоди, я разделаюсь с ним! --
прошептал мне на ухо
<55>

Лейно и стал медленно вытаскивать
из кармана ватных штанов бумажник.

На громкое шарканье мужа вышла из
соседней горницы хозяйка, подобрала
деньги и, взяв из рук мужа шкатулку,
бережно сложила их туда и вышла из
комнаты.

Лейно тем временем вытащил бумажник
из кармана и, разложив его на столе,
вынул хранимую им с 1918 года
финскую марку -- марку, выпущенную
Советом народных уполномоченных
Финляндии, с лозунгом: "Пролетарии
всех стран, соединяйтесь!" -- и
подал ее кулаку.

Тот, увидев финские буквы, не
потрудился даже прочитать их
внимательно.

Он, как полоумный, запрыгал,
поднес марку к своим губам,
стал ее целовать. Было одновременно
и смешно и противно.

-- Матти, -- обратился ко мне
командир, -- пойдя приведи отряд.

Я вышел и, надев лыжи, отправился к
батальону, который, как условлено,
должен был ждать результатов
разведки вблизи от деревни.

Дозорный наш окликнул меня.

-- Можно идти вперед! -- ответил я
ему на ходу и остановился, увидев
картину, подобную которой я, надеюсь
до самой смерти своей не увижу
больше.

Почти весь отряд спал, стоя на
льжах, уткнув палки в грудь,
беспомощно опустив головы и руки. У
некоторых изо рта тянулась тонкая,
замерзавшая в воздухе слюна.

Мерное дыхание вырывалось из
утомленных грудей. Закрытые глаза,
беспомощно повисшие плетьюми руки
самых здоровых парней, каких только
мне пришлось встречать на моем
веку, показывали крайнюю степень
утомления. Это подтверждалось полным
отсутствием разговоров и шуток.

paa dem, kastade dem i golvet och
boerjade ursinnigt trampa paa dem.

-- Jaekla skurk! viskade Leino i mitt
oera. Vaenta, jag skall nog laera

honom! Och saa boerjade han laangsam
att dra upp planboken ur fickan i
sina vadderade byxor.

Mannens hoegljudda trampande lockade
in kvinnan fraan grannrummet. Hon
samlade ihop sedlarna och vek
varsamt ihop dem, tog skrinet ur
mannens haender, lade sedlarna i
detta och tog med skrinet ut ur
rummet.

Under tiden hade Leino halat fram
sin planbok ur fickan, lade upp den
paa bordet, tog fram en finsk mark,
som han sparat sedan 1918, utstaelld
av Finska Folkkommisariernas Raad
med parollen "Proletaerer i alla
laender, foerena eder!" och raeckte
denna mark aat kulaken.

Kulaken saag, att det var finska
bokstaeever och gav sig inte ens tid
att uppmaerksamt laesa igenom dem.
{66}

Han boerjade att hoppa som en
halvtokig, foerde sedeln till
laeparna och kysste den. Det var
baade loejligt och motbjudande paa en
gang.

-- Matti, sade Heikkonen till mig,
gaa och kalla hit kompaniet.

Jag gick ut, spaende paa mig skidorna
och aakte ivaeg till kompaniet, som
enligt oeverenskommelse skulle
avvakta rekognosceringens resultat i
naerheten av byn.

Vaktposten hejdade mig.

-- Ni kan gaa fram! svarade jag i
foerbifarten och stannade, ty jag saag
en syn, vars like jag hoppas att jag
aldrig i livet mera skall behoeva se.

Naestan hela bataljonen sov, staaende
paa skidorna med stavarna lutade mot
broestet och hjaelploest haengande med
huvudena.

En jaemn snarkning traengde fram ur
hundrade uttroettade broest. De slutna
oegonen, den jaemna andningen, de
hjaelploest haengande armarna vittnade
om, att dessa pojkar, de kraftigaste
jag naagonsin moett i mitt liv, var
uttroettade intill ofattbarhet. Den
omstaendigheten, att varken samtal
eller skaemt hoerdes, bevisade mer aen
det mest noggranna foerhoer.

Даже командир роты с трудом удерживал себя от сна.

-- Товарищ комрот, деревня свободна, Антикайнен приказал идти, -- отрапортовал я и пошел обратно.

Разбуженный отряд медленно последовал за мной.

Когда я вошел в избу, Антикайнен и Лейно с аппетитом уплетали яичницу-глазунью.

Я присоединился к ним, но едва успел отправить в рот блестящий от масла, янтарный поджаренный желток, в горницу вбежала девчонка лет двенадцати и бросилась прямо в кухню, к хозяйке. Несколько секунд за перегородкой был слышен приглушенный шепот.

Полногрудая хозяйка выпорхнула в нашу горницу, подбежала к окошку и, взглянув в него, замерла. Румянец быстро сошел с лица. Она подошла к глухонемому, дернула его за <56> рукав и подвела к окну. Глухонемой замычал, и в этом мычании было что-то жуткое.

Я встал и взглянул в окно. По улице продвигался наш отряд. У многих были откинuty капюшоны, и красные звезды сияли всей своей красоты.

Глухонемой обернулся к нам и залопотал что-то. Его лопотанье хозяйка перевела на финский язык:

-- Господа офицеры, в деревню вошли красные! Мой муж предлагает вам спрятаться у нас под полом, пока они не уйдут, или дождаться ночи.

-- Я очень тронут, хозяйюшка, вашим любезным предложением, -- спокойно отвечал Антикайнен, -- но мне нечего бояться этих красных, тем более что сам я их начальник.

И с этими словами он высвободил свой шлем из капюшона и нахлобучил его на свою круглую светловолосую голову.

Глухонемой, увидев красноармейский шлем на голове того, кого он считал финским егерским офицером, издал протяжный вопль, вопль отчаяния, и, весь изменившись в лице, сразу рухнул в стоявшее рядом с ним кресло.

Till och med Antikainen hade svaart att haalla sig vaken.

-- Kamrat kommandoer, byn aer fri, rapporterade jag och aakte tillbaka.

Det vaeckta kompaniet aakte langsamt in i byn.

Naer jag kom in i stugan, hoell Heikkonen och Leino paa att med god aptit sluka en massa nystekta aegg.

Jag gjorde dem saellskap, men knappt hade jag hunnit faa den foersta, smoerdrypande aeggulan i munnen foerraen en tolvaarig flicka kommer in i stugan och springer till husmor.

Naagra sekunder hoerdes daempade viskningar fraan koeket. Den fylliga husmodern rusade in i rummet och sprang fram till foenstret, tittade ut och stelnade till. Sedan gick hon langsamt och bleknande -- den av hettan i koeket framkallade rodnaden foersvann hastigt fraan hennes ansikte -- fram till den doevstumme, fattade honom i aermen och ledde honom fram till foenstret. Hans ansikte aaterspeglade en obeskrivlig fasa. {67}

Paa landsvaegen kom vaar bataljon aakande. Maanga hade kastat kapuschongerna bakaat och de roeda sovjetstjaernorna lyste med all sin femuddiga skaerpa. Den doeve vaende sig till oss och boerjade att mumla naagonting obegripligt. Vaerdinnan oeversatte hans mumlande till ren vitfinska:

-- Herrar officerare, de roeda har kommit in i byn. Min man foereslaar, att ni skall goemma er under golvet hos oss till dess de roeda gaar haerifraan, eller invaenta natten foer att daa lugnt raedda er fraan de roeda banditerna.

-- Jag aer mycket roerd av ert aelskvaerda erbjudande, min baesta vaerdinna, svarade kamrat Heikkonen lugnt, men jag har ingenting att frukta av dessa "roeda banditer", i all synnerhet som jag sjaelv aer deras chef.

Vid dessa ord tog han moessan ur kapuschongen och tryckte den paa sitt runda, ljushaariga huvud.

Naer den doevstumme fick se roedarmistmoessan paa huvudet paa den, som han tagit foer en finsk jaegarofficer, uppgav han ett langt foertvivlat stoenande. Hans ansikte foervandlades helt och haallet och han

В этом кресле, все в том же положении, безучастный ко всему, что творилось в комнате, не издавая ни одного звука, глядя прямо перед собой неподвижными глазами, он оставался все время, пока мы были в деревне.

Наши караулы уже оцепили деревню. Никто не мог из нее выйти без нашего ведома и раньше нас.

Суси, доедая яичницу, записывал что-то в походный дневник отряда.

Его мучила мысль, что он не мог до сих пор переслать в штаб ни одного донесения, а там могли подумать, что отряд уже погиб.

Он также думал о том, что отряд не получает никаких из внешнего мира, да и получить их совершенно невозможно.

Сейчас, может быть, снова объявила войну нам панская Польша или японцы пошли через буферную Дальневосточную республику на Страну Советов, а мы здесь ничего этого и не знаем...

-- Матти, -- обратился ко мне Суси, -- сколько километров пути ты отметил на карте за эти сутки?

-- Шестьдесят пять, товарищ адъютант, по линии полета птицы.

-- Ты забыл наши отступления по этой линии, извилистое русло реки, наши выходы на берег...

<57>

-- Тогда около ста, товарищ адъютант.

Солнце сияло вовсю, снежные искорки золотились на улице, переливались всеми цветами радуги и задорно хрустели.

Было великолепное зимнее утро.

В комнату быстро вошел Антикайнен. Он не взглянул на нас и не заметил даже нашего присутствия.

ramlade ploetsligt ned i laenstolen, som stod bredvid honom.

Och i denna stol blev han sittande, precis i den staellning som han fallit, oberoerd av allt som haende omkring honom, utan att ge ett ljud ifraan sig och stirrande framfoer sig med stela oegon.

Vaara vaktposter omringade byn och ingen kunde komma ut daerifraan utan vaar vetskap och tillaatelse.

Kamrat Susi avslutade sin maaltid paa de stekta aeggen och skrev ned naagonting i bataljonens faeltdagbok.

Susi besvaerades av medvetandet om, att han aennu inte kunnat saenda ett enda meddelande till stabledningen, kamraterna Rovio och Inno, och i staben kunde man tro att hela bataljonen gaatt foerlorad, blivit tillfaangatagen, skjutits ned eller att hela bataljonen blivit kvarhaallen naagonstans.

Susi taenkte ocksa paa att bataljonen ej fick det ringaste meddelande fraan yttervaerlden, och att det var fullkomligt omoejligt att faa saadana. {68}

Det kunde ju taenkas, att Polen paa nytt hade foerklarat krig eller att japanerna gaatt igenom buffertrepubliken i Fjaerran Oestern och anfallit sovjeternas land, och haer visste vi ingenting om allt detta.

-- Matti, sade Susi till mig, hur maanga kilometer har du prickat av paa kartan foer detta dygn?

-- Faagelvaegen, sextiofem kilometer, kamrat adjutant.

-- Du har gloemt vaara avvikelser fraan faagelvaegen, flodens ringlande och vaara ofta aaterkommande kringgaaende roerelser foer att undvika vattnet paa isen.

-- Daa blir det omkring hundra kilometer, kamrat Susi.

Solen sken och snoen gnistrade som guld paa landsvaegen.

Det var en haerlig vintermorgon.

Не раздеваясь, казалось в полном изнеможении, он рухнул на хозяйскую кровать. Рука его свесилась с постели.

Суси, также не заметив появления Антикайнена, продолжал делать записи в своем дневнике. Услышав скрипение пера, Антикайнен тихонько приоткрыл глаза и только теперь заметил нас. Тогда он стал шарить рукой по постели и, сделав вид, что он что-то искал здесь, медленно поднялся и как бы про себя произнес:

-- Нет, не то.

И уже стоял перед нами снова подтянутый, подобранный, боевой командир. Видимо, даже и перед друзьями стеснялся он показать свою усталость. Таким уж он был.

Был большой, пятичасовой привал.

Ночью мы должны были снова выйти в поход -- уже в район, где находился неприятельский штаб. Ребята спали вповалку на полу в избах. Лишь некоторые счастливицы имели силы добраться до полатей или сделать себе подстилку.

Блаженное выражение полного отдыха блуждало на лицах спящих.

Армас с одним курсантом забрался на мягкую постель и спал без памяти.

Перед тем как улечься на соломе на полу, я подошел и взглянул на лежавшего с краю постели Армаса.

Он тяжело дышал, руки и ноги стибались и распрямлялись, пружиня, подобно тому как это бывает при лыжном беге. Лицо его было сосредоточенно, прерывистое дыхание вырывалось из груди.

Было ясно, что Армас шел на лыжах и во сне.

Двигая руками и ногами, он задевал своего соседа по постели. Но тот спал так крепко, что, казалось, ничто не в состоянии было разбудить его.

В тот же день, в начале второго, мы снова вышли в путь -- вперед, на Реболы.

Vi tog en laang rast. Hela fem timmar.

Vid ett-tiden skulle vi marschera ivaeg igen -- nu till de omraaden, daer fiendens centrum var belaeget. Pojkarna sov huller om buller paa golven i stugorna. Det var endast naagra faa lyckliga, som hade krafter att kravla sig upp i saengarna eller ordna med madrasser aat sig. Ett lycksaligt uttryck av fullkomlig vila syntes i maangas ansikten. Andra sov absolut koncentrerat. Kalle laag och sov tillsammans med en kamrat i kulakvaerdinnans mjuka saeng.

Innan jag lade mig ned foer att sova paa halmen, som jag hade brett ut paa golvet, gick jag och tittade paa Kalle, som laag ytterst i saengen.

Han andades djupt och armarna och benen kroekte sig och raetade ut sig, alldeles som han aennu hoell paa att aaka skidor. Hans ansikte var spaent och hans broest haevdes av de djupa, jaemna andetagen. Armarnas och benens muskler spaendes och slappnade av i laangsam takt.

Det var tydligt att Kalle aakte skidor aeven i soemnen.

Naer han roerde armarna och benen knuffade han sin saengkamrat. Men denne sov saa haart, att ingenting i hela vaerlden tycktes kunna vaecka honom.

Samma dag, strax efter klockan ett, marscherade vi aater ivaeg -- framaat mot Repola!

<58>

Глава седьмая

Мы захватываем Реболы. Я снова иду в разведку.

Небо было черное, как и стволы мачтовых сосен, когда вокруг луны показались кольца северного сияния.

Они не походили сейчас на изображения северного сияния в хрестоматиях и учебниках географии -- они не были разноцветными. Тусклый желтовато-белый свет освещал их как будто изнутри.

Луну окружили два огромных концентрических светящихся кольца. Потом ночь их размыла, и остались опять холодная огромная небесная пустыня и наш маленький отряд, идущий через лес, перелески, рощи, опушки, долины, лесные речки, по твердому насту и по разрыхленному снегу -- все вперед и вперед...

И казалось, что мы идем так бесконечно, и начало похода, еще такое недавнее, совсем потерялось в таких уже далеких мирных и невозвратных днях, что даже и вспомнить трудно, были ли когда-нибудь такие дни. И трудно было подумать о том, что будет, когда поход окончится (черт подери, как натирает ремень!). И разве может он окончиться, а снега, растаяв, обнажить топкие болота Карелии?

Мы шли... Рядом со мной -- Лейно.

После Челки в снегах был сделан еще один привал. Отряд приближался к Реболам. Антикайнен распорядился обойти Реболы, чтобы приблизиться к деревне

со стороны финской границы, откуда нас меньше всего можно было ожидать.

Предстоял жаркий бой.

Отряд шел по склону к озеру.

Мы с Лейно остановились на минутку и пропустили лыжников. Я молча смотрел на товарищей. Перед тем как оттолкнуться палками и пойти вслед за другими, Лейно сказал мне:

{69}

SJAETTE KAPITLET

Himlen var moerk liksom masttallarnas stammar, naer norrskenet boerjade att spraka i en ring omkring maanen.

Det var inte alls likt det norrskenet, som aer beskrivet i laero- och laeseboeckerna i geografi. Det var inte olikfaergat. Ett matt gulvitt ljus liksom stroemmade ut inifraan norrskenet.

Maanen var omgaerdad av tvaa vaeldiga, koncentriska, lysande ringar. De foerbleknade laangsam i natten och kvar blev endast den kalla oedsliga nattrymden och vaar lilla bataljon, som gick genom skogen, oever slaentor, skogshyggen, dalsaenkor, skogsbaeckar, ibland oever haard skare och ibland genom loes snoe, men alltjaemt framaat, alltjaemt framaat ...

Det foerefoell som om vi redan hade gaatt en hel evighet och expeditionens boerjan hade redan sjunkit i gloemiska. De fredliga och oaaterkalleliga dagarna i kasernen foerefoell alldeles overkliga. Det var svaart att ens taenka sig att det naagonsin funnit saadana dagar, som inte dominerats av de oaendliga snoevidderna. Det var till och med svaart att taenka sig, hur det skulle bli, naer vaar expedition hade tagit slut (djaekla rem att skava!) -- och kan den oeverhuvud taget ta slut? -- det var svaart att taenka sig, att dessa snoemassor skulle smaelta och att Karelens aendloesa kaerr aater skulle traeda fram i dagen.

Vi aakte och bredvid mig gick Leino.

Vi aakte och efter Tsoelka hade vi aennu en rast ute i snoevidderna. Bataljonen naermade sig Repola. Antikainen gav order om att gaa runt Repola foer att vi skulle kunna naerma oss byn

{70}

fraan den finska graenssidan, varifraan man minst av allt kunde vaenta oss.

Vi beredde oss paa en het strid.

Leino gick bredvid mig.

Bataljonen aakte nedfoer en sluttning mot sjoen.

Leino och jag stannade en minut och laet de oevriga gaa foerbi. Vi stod i sluttningen. Jag tittade tigande paa mina kamrater, och just innan vi skulle staka ivaeg nedfoer sluttningen efter de oevriga sade Leino till mig:

-- Вот смотрю я на ребят и думаю: если бы я сам не был в отряде, а так, случайно очутился в эту секунду на склоне и увидел наших курсантов, идущих как сейчас, молча, в этих белых балахонах, в свете луны по льду озера, я бы испугался и, будь я человеком суеверным, подумал бы, что идут привидения, тени людей.

И действительно, отряд в лунном свете на озере напоминал процессию призраков.

<59>

-- Но только твои привидения, Лейно, слишком по-человечески, по-зверски даже дышат!

Сильные выдохи и вдохи, сопение нарушали ночную тишину зимнего озера.

Мы шли все вперед. Лейно мне говорил:

-- Я уже однажды сделал на лыжах глубокий рейд. Но тогда я был совершенно одинок и рядом со мной не было ни одной родной души... Я был захвачен под Выборгом в плен лахтарями и случайно приговорен не к расстрелу, а к десятилетней каторге. Меня вместе с другими тридцатью тысячами товарищей продавали в рабство в германские колонии, в Африку. Если бы я уважал их законы, то сидел бы и поныне в каменном мешке и не пошел бы в этот рейд. Но я уважаю только такие законы, которые помогают бить лахтарей, и поэтому, когда представился случай, я бежал из тюрьмы. Ты знаешь, что в каторжных централах ворота широко открываются

только внутрь и выйти нелегко. Но я вышел...

Нас, арестованных, переводили в другую тюрьму.

На двадцать человек было четыре конвоира. Я уже заранее стоворился с товарищами, и они сделали так, как было условлено.

По дороге через лес -- в пяти километрах от тюрьмы -- два товарища поссорились и начали драться.

В драку ввязались еще двое. Конвоиры бросились разнимать

-- Jag staar och tittar paa pojarna och taenker ... Om jag inte var med i bataljonen, utan av en tillfaellighet just nu hade raakat komma till denna sluttning och fick syn paa vaara pojkar, aakande som nu, tigande, i dessa vita skyddskaapor, i maanskenet aakande ut paa sjoens is, saa skulle jag bli raedd, och om jag var en vidskeplig maenniska, saa skulle jag kunna tro att det var spoeken eller maenniskoskuggor.

Och verkligen -- bataljonen, som i maanskenet aakte oever sjoen, paaminde om en medeltida spoekprocession.

-- Men dina spoeken, Leino andas alltfoer maenniskolikt, ja naestan som djur!

De djupa in- och utandningarna och flaasandet, ett slags rosslande andning var det enda, som stoerde den vinterklaedda sjoens nattliga tystnad.

Vi aakte vidare. Leino sade:

-- Jag har en gaang foerut gjort en laang skidfaerd. Men daa var jag fullkomligt ensam och hade inte en enda bekant sjael vid sidan. Jag blev tillfaangatagen av slaktarna alldeles vid Viborg och haendelsevis inte doemd till arkebusering -- en amerikansk journalist var naervarande vid raettsfoerhandlingarna -- utan till tio aars tukthus. Jag och 30.000 andra kamrater skulle saeljas som slavar till de tyska kolonierna i Afrika.[8] Om jag hade respekterat lagarna, saa hade jag aennu idag suttit i naagot av slaktarnas stenhelveten och inte kunnat vara med i denna expedition ... Men jag lyder bara saadana lagar, som hjaelper till att slaa

{71}

ned slaktarna, och naer det daerfoer yppade sig en moejlighet, rymde jag fraan tukthuset. Du vet att i tukthusen oepnas de breda portarna bara inaat, och att komma ut var inte laett. Men jag kom ut och till skogs ...

дерущихся. Воспользовавшись этой суматохой, я, перепрыгнув через обочину, пустился наутек в лес.

Вдгонку мне раздалось несколько выстрелов, но в сумерках за деревьями не так-то легко попасть. Бежать же за мной конвоиры не решились, боясь, что тогда разбегутся и все остальные арестанты.

Разумеется, я пошел сразу же в другую сторону, а не в ту, куда меня вели под конвоем. Потом я сошел с дороги в лес, изменил направление и снова вышел на дорогу. Я пошел по ней на восток. Шел ночью, спал днем в стороне от дороги. В обочинах было сыро. И однажды на рассвете ко мне подошел полицейский "Ваш документ!" -- "Сейчас..." Я стал делать вид, что вытаскиваю из кармана паспорт, вытащил давно просроченный членский билет союза строителей (я ведь каменщик) и сунул ему под нос.

Он наклонился, чтобы разглядеть, и в ту секунду, когда он читал, наверно, слова "Профессиональный союз рабочих...", я изловчился и сделал ему нокаут под нижнюю челюсть. Он не успел прийти в себя -- я ведь не стоял над ним, как арбитр, отсчитывая секунды, -- как я уже отнял у него

<60>
револьвер и, выстрелом ранив его в ногу, чтобы он не мог побежать за подмогой, оттащил его подальше от дороги.

На сутки, по крайней мере, он был для меня неопасен. С револьвером я чувствовал себя лучше; этот маузер у меня и по сей день...

-- Я предпочитаю наган, -- сказал я, ощупывая свой безотказный револьвер.

-- Вскоре я стал на лыжи, тоже добытые таким способом, который не поощрило бы благотворительное общество разведения канареек, а судья -- тем более, -- продолжал свой рассказ Лейно, -- и пошел на восток.

-- Tre veckor vistades jag i naerheten av faengelse, oevernattade i hoestackar. Kamraterna haemtade klaeder och en smula mat aat mig.

Hoesten var laangt liden och vintern boerjade att kaennas i kroppen, och saa foeljde jag vaegarna oesterut. Jag gick endast nattetid och foersoekte sova paa dagarna laangt fraan vaegen. Det var fuktigt i ladorna. En gang i dagningen kom en laensman fram till mig.

-- Faar jag se era papper!

-- Strax ... jag laatsades som om jag hoell paa att ta upp passet ur fickan, drog fram en foer laenge sedan ogiltig medlemsbok i Byggnadsarbetarfoerbundet -- jag aer murare -- och satte den under naesan paa honom ...

Han boejde sig ned foer att titta naermare paa boken och i samma sekund, som han antagligen laeste orden "Arbetarnas Landsorganisation" passade jag paa tillfaellet och slog honom knock-out med ett knytnaevsslag paa kaeken. Han hann inte kvickna till -- jag stod inte lutad oever honom som en ringdomare foer att raekna sekunderna -- foerraen jag redan hade tagit av honom

revolvern och sedan jag med ett skott hade gjort den ena av hans nedre extremiteter obrukbar, drog jag honom laengre upp i skogen.

Nu var han aatminstone ofarlig foer mig under det naermaste dygnet. Med revolvern i fickan kaende jag mig baettre till mods. Denna mauserpistol har jag i foervar aennu idag.

-- Jag foeredrar revolverar av Colt-modell, sade jag och lade handen paa min aldrig klickande revolver.

-- Snart aakte jag paa ett par skidor, vilka jag skaffat paa ett saett, som med saekerhet inte skulle godkaennas av naagot "Saellskap foer vaelgoerenhetens ordnande" och naturligtvis aennu mindre av en domare. Saa fortsatte jag min faerd,

Я шел семнадцать дней и перешел границу в Олонецком районе. Дальнейшие мои приключения тебе, Матти, отлично знакомы, но никогда до сих пор я не думал, что проклятые плечи могут так болеть от потертости.

...Было уже два часа.

Пришли разведчики, несколько разочарованные: по их словам, в деревне Реболы не наблюдалось не только неприятельских крупных сил, но даже постов.

Все это противоречило и нашим предположениям, и показаниям пленных, и желанию уничтожить неожиданным налетом центр.

Оторванные от всего мира мы не знали, что в те дни противником у Андроной горы был почти уничтожен красный батальон с трехдюймовками.

Мы находились в очень глубоком тылу.

Антикайнен решил послать вторую разведку.

Отряд остановился в лесу.

Чтобы не привлекать ничего внимания, костра не раскладывали.

Было очень холодно.

Начиналась карельская таежная вьюга. Снег набился за шиворот, ветром его швыряло в глаза. Плевок шлепался на снег уже ледышкой.

За хлопьями бурана в черноте январской ночи в двух шагах нельзя было отличить человека от сугроба, наметенного около ели.

Вьюга заносила лыжный след через несколько минут после того, как он был проложен.

Разведчики долго не возвращались.

В свисте резкого ветра мне слышалась отдаленная стрельба. Неужели наша разведка завязала и погибла?

men inte vaesterut som nu, utan mot oester.

{72}

Jag aakte i sjutton dagar och klarade mig oever graensen till Olonetz-omraadet. Mina senare aeentyr kaenner du ju mycket vael till, Matti, men aldrig foerut har jag trott att de foerbaskade axlarna kan goera saa ont av skavsaar ...

Klockan var redan tvaa.

Rekognosceringstruppen kom tillbaka -- en smula missbelaaten: enligt deras ord fanns det inga stoerre fientliga styrkor i byn, ja, inte ens vaktposter utstaellda.

Detta var ju fullkomligt tvaert emot vaara beraekningar och emot faangarnas beraettelser, tvaert emot vaar oenskan att med ett enda slag faa goera slut paa den sovjetfientliga roerelsens stab. Ja, fanns det oeverhuvudtaget en saadan roerelse?

Isolerade fraan hela vaerlden som vi var, visste vi inte, att fienden i dessa dagar i naerheten av Andronov-bergen naestan helt hade foerintat en roed bataljon.

Vi var laangt bakom fiendens front. Antikainen besloet att saenda ut ytterligare en rekognosceringspatrull.

Bataljonen stannade i skogen.

Foer att inte vaeckna naagon som helst uppmaerksamhet gjorde vi inte upp naagra eldar.

Det var ytterst kallt.

En snoestorm broet ut i den karelska skogen. Snoen kroep ned innanfoer halslinningen, taeppte igen oegonen och naer vi spottade, slog saliven som isbitar mot snoen.

I denna satans snoestorm, som rasade i den becksvarta januarinatten, kunde man inte paa tvaa stegs avstaand se skillnaden mellan en maenniska och snoedrivorna, vilka lade sig vid varje ojaemnhet och varje traed.

Snoestormen sopade igen skidspaaren ett par minuter efter det vi hade gjort spaaren.

Rekognosceringspatrullen laet vaenta paa sig.

Genom den skarpa vindens tjut tyckte jag mig hoera avlaegsna gevaersskott. Har verkligen vaar rekognosceringspatrull raakat i ett

Может быть, мы еще можем спасти ее, а стоим без движения здесь, в глухом лесу, и замерзаем без всякой пользы для дела!

Антикайнен обошел отряд;
за ним шел Хейконен.
Он сказал мне:

<61>

-- Если через двадцать минут разведка не придет, мы налетаем на деревню.

Я пытался пробуравить тьму метельной ночи, бросавшей в глаза острый, колючий снег. Мне даже казалось, что я вижу очертания деревенской колокольни.

-- Развертывайся! -- дал уже команду Хейконен, когда неожиданно, как бы вырастал из наметенных сугробов, появились разведчики.

Они отрапортовали, что никаких следов неприятеля ни в деревне, ни около нее не замечено.

Разведчики обошли почти все избы, прошли даже по главной улице и ничего подозрительного не обнаружили.

Весь отряд разбился на три колонны и, каждую секунду остерегаясь попасть в заранее устроенную засаду, пошел в деревню.

"Теперь бы теплую русскую печь или хоть полати в курной избе, но только в закрытом помещении!" -- мечтал я, с трудом передвигая ноги.

Сведения разведчиков о полном отсутствии в деревне врагов произвели на нас неожиданное действие. Я и еще многие ребята, которые последние километры шли на нервах, сразу размагнитились.

Почувствовалась непреодолимая, свинцовая усталость в ногах, мешок за плечами стал в десять раз тяжелее, и потертость плеч чувствовалась сильнее, чем ожоги.

Я задремал на ходу. Как это случилось?

Помню лишь сквозь дымку

bakhaall, och gaatt foerlorad? Vi skulle kanske kunna raedda dem, och vi staar haer oroerliga i den vilda skogen och fryser, utan att goera naagon nytta foer vaar sak!

{73}

Antikainen gick runt bataljonen.
Hack i hael efter honom kom
Heikkonen. Han sade till mig:

-- Om inte rekognosceringspatrullen aer tillbaka om tjugo minuter, saa stormar vi byn.

Jag foersoekte att se genom det snoestormsfyllda moerkret, men de sylvassa snoeflingorna stack i oegonen, saa att taararna rann. Jag tyckte mig se konturerna av byns klockstapel.

-- Skyttelinje! kommenderade Heikkonen, naer rekognosceringspatrullen ovaentat, som vuxen ur de stora snoedrivorna, stod framfoer oss.

Patrullen rapporterade, att de inte funnit det ringaste spaar av fienden, varken i byn eller i dess naerhet. De hade gaatt runt saa gott som alla stugor. De hade till och med aakt genom byns huvudgata, men de hade inte sett ens en skymt av naagra slaktare.

Hela bataljonen, uppdelad paa tre kolonner aakte in i byn och vi vaentade varje oegonblick att raaka in i ett bakhaall.

-- Det skulle allt vara bra att ha en varm, rysk ugn att krypa upp paa, eller aatminstone laven i ett roekpoerte, bara det vore tak oever huvudet -- fantiserade jag, medan jag med stoersta svaarighet roerde mina doedstroetta ben.

Rekognosceringspatrullens meddelande, att det inte fanns minsta tillstymmelse till fiender i byn, hade en ovaentad verkan. Jag och maanga andra av pojkarerna som under de sista kilometrarna haallit oss uppe med nervernas hjaelp, foerlorade med en gang all kraft.

Vi kaende ploetsligt en ooevertvinnelig troetthet i foetterna, ryggsaeckens tyngd paa axlarna blev med en gang tio ganger svaarare, och skavsaaaren paa skuldrorna kaendes vaerre aen om det skulle ha varit braennsaar.

Och jag slumrade till under aakningen -- jag minns inte, hur det gick till.

Jag kommer bara som i en droem ihaag,

обрывающегося полусна, как я лежу на снегу и хочу спать, помню наклоненное надо мной круглое, скуластое лицо Армаса, иссеченное мелкими, острыми снежинками.

-- Матти, вставай! Надо идти -- выпасться успеешь в Реболах. Так ты замерзнешь.

Я иду, помогая себе лыжными палками: подбородок мой то и дело ударяется о ремень винтовки. Никакие усилия не могут расклеить моих плотно слепившихся век. И я отчасти даже доволен этим. В уши мне рвется свист вьюги, и я шепчу себе:

-- Матти, самое главное -- пойти. Ийти -- самое главное в этом деле, Матти... Отстанешь -- замерзнешь наверняка или тебя загрызет волчица. Плохо бывает, Матти, когда грызет волчица: сначала один палец, потом другой, потом всю руку -- и доберется до сердца...

И так, в полусне, шел я на лыжах. Так всадники спят в своих седлах, на секунду раскрывая глаза, когда оступится конь.

<62>

Как мы вошли в деревню, не помню.

Разведчики были правы: лахтарей в деревне не оказалось.

Помню свои отрывочные мысли: "Почему почти не видно местных жителей?"

Помню свое удивление перед колокольной. Она была совсем не такой, какой я ее представлял издали, и совсем в другом конце деревни.

Как мы разместились по избам и как я заснул -- тоже не помню.

Один раз, очнувшись, как от бреда при тяжелой болезни, я увидел около ребят жирного человека в поповской рясе -- он что-то пел, стоя над спящим Лейно в мигании слепо горящей лучины. Он повернулся к командиру роты и стал его о чем-то умолять.

Потом я опять провалился в бездонный сон. И, проснувшись опять на секунду, -- должно быть, уже около рассвета, -- увидел человека с

hur jag ploetsligt lade mig i snoen och ville sova. Jag kommer ihaag Kalles runda, knotiga ansikte, naer han boejde sig ned oever mig. Hans ansikte var som soenderhackat av de smaa sylvassa snoeflingorna.

{74}

-- Matti! Stig upp! Du maaste fortsaetta! Du faar sova ut i Repola, om du ligger haer foerfryser du.

Jag aakte, stoedjande mig paa skidstavarna. Hakan stoette mot gevaersremmen. Ingen makt i vaerlden kunde ha oepnat mina slutna oegonlock. Delvis var jag tacksam daerfoer. Jag hoerde bara stormens tjut och jag viskade till mig sjaelv:

-- Matti, huvudsaken aer att komma framaat. Att komma fram -- det aer huvudsaken, Matti ... om du blir kvar -- saa kommer du med all saekerhet endera att foerfrysa eller att draepas av en varg. Det brukar vara mycket otrevligt, Matti, naer vargarna biter: foerst ett finger, sedan ett till, sedan hela handen och saa upp till hjaertat ...

Saa aakte jag halvsovande paa skidorna som en ryttare sover i sadeln, oepnande oegonen en sekund, naer haesten stiger fel.

Hur vi kom in i byn, minns jag inte.

Pojkarna i rekognosceringspatrullen hade raett. Det fanns inga vitfinnar i byn.

Jag kommer ihaag mina stroedda tankar: varfoer syns det knappast en enda invaanare i byn? Jag kommer ihaag, hur foervaanad jag var oever formen paa klockstapeln.

Den visade sig vara av en helt annan typ och placerad paa en helt annan plats i byn, aen jag hade taenkt mig.

Och sedan sov jag tydligen som en berusad.

En gaang vaknade jag och saag som i feberyrsel bredvid pojkarna en tjock figur i praestkaapa -- han stod lutad oever Leino och sjoeng naagonting vid skenet av ett blinkande och halvslocknat torrvedsbloss. Han vaende sig till plutonchefen Groen och boerjade att klagande tigga naagonting av honom.

Sedan sjoenk jag aater i dvallik soemn. Foer en sekund vaknade jag aater -- det var tydligen redan i daggryningen -- och saag en person

длинными волосами, в поповской рясе, храпевшего на полу в обнимку со спящим Армасом.

Проснулся я от резкой боли в плече. Передо мной стоял

товарищ Хейконен и похлопывал меня легко по плечу.

-- Что, и у тебя плечо стерто? -- Он покачал головой.

Было уже совсем светло.

Буран прошел, и свет холодного солнца, проникая сквозь замерзшее окно избы, ложился на пол ярко-желтыми квадратами.

Левое плечо мое было натерто до крови.

За ночь рубашка присохла, и отдирать ее было очень больно.

-- Я помогу тебе, дам хорошую мазь, -- обратился ко мне человек в рясе. -- Ты только дай мне рюмочку спирта.

Это был действительно местный поп, человек противный и неповоротливый, как черепаха, и такой же, казалось, безвредный. Он был уверен, что нет такой армии, которой он не мог бы продать свои молитвы. Но, впрочем, больше всего ему хотелось выпить. Как он узнал, что курсантам выдали по фляге спирту, -- это его тайна, но только явно было одно, что, как его ни гони, он не отойдет от нас, пока мы не дадим ему выпить.

Спирт почти весь уже вышел. Благодаря ему мы могли похвастаться малым числом обмороженных пальцев, носов, ушей. Растирать спиртом замерзающие руки и лицо было иногда необходимо, а тут канючил еще этот пьяный попик.

Я спирта ему не дал и чудодейственной мази не получил.

med laangt haar och praestkaapa, som laag paa golvet och snarkade med armarna om den lika ljuvligt sovande Kalle.

Utan att kaenna mig det ringaste foervaanaad fortsatte jag att sova.

Jag vaknade av en skarp smaerta i axeln. Framfoer mig stod {75}

kamrat Heikkonen och klappade mig laett paa axeln. Jag rusade upp och kunde inte haalla tillbaka en grimas av smaerta.

-- Har du ocksa skavsaa paa axeln? fraagade kommendoeren och skakade paa huvudet.

Det var nu alldeles ljust.

Snoestormen hade bedarrat och den kalla vintersolen lyste in genom det frostiga foenstret och formade en ljusgul kvadrat paa golvet.

Min vaenstra axel var saa soenderskavd att den bloedde.

Under natten hade blodet torkat och det gjorde mycket ont, naer jag avigt drog skjortan av skavsaaaren.

-- Jag skall hjaelpa dig och ge dig en bra salva, sade mannen i praestkaapan instaellsamt. Du behoever bara ge mig ett glas sprit, bara en enda klunk.

Det var verkligen praesten i byn. Det var en motbjudande maenniska, klumpig som en skoeldpadda och som det tycktes lika ofarlig som en saadan. Han var oevertygad om att det inte fanns en saadan armee, som han inte kunde saelja sina foerboener aat. Boenerna struntade han foerstaas ocksa i -- han ville framfoer allt ha braennvin. Foer en sup skulle han saelja baade Gud, far och mor, ja aeven sig sjaelv aat djaevulen. Hur han faatt reda paa att kamraterna faatt med sig var sin flaska sprit -- det aer hans hemlighet. Ett var saekert, hur vi aen skaellde paa honom, saa skulle han inte laemna oss foerraen vi gett honom naagra klunkar sprit.

Spriten var naestan slut. Tack vare spriten kunde vi skryta med att vi hade faa foerfrusna fingrar, naesor och oeron. Det var ibland noedvaendigt att med sprit gnida de kroppsdelar, som hoell paa att foerfrysa, och nu kom den daer fyllkajan till praest och tiggde och bad.

Ingen sprit fick han av mig, och inte heller fick jag naagonting av hans helbraegdagoerande saarsalva.

Синий шрам на плече и по сей день
очень интересует моего
<63>

семилетнего сына Лейно, названного
так в память погибшего товарища.

Но тогда шрам был багрово-красным и
сочился кровью. Кожи на стертом
месте плеча уже не было, открытое
мясо натирало суровое полотно
рубахи. Так было не у одного
меня. Мне было, пожалуй, еще легче,
чем другим: у меня были в целости
ноги -- ни одной кровавой мозоли и
ни одной дыры в валенках.

-- Ты хорошо спал всю ночь, Матти,
-- сказал мне командир. -- Теперь ты
пойдешь в большую круговую разведку.
Лахтари ушли из деревни часов за
пять, за шесть до нашего вступления;
их было триста человек.

Штаба здесь нет уже очень
давно. Некоторые говорят, что он
находится в Кимас-озере, другие --
что поблизости, в одном из окрестных
селений.

Жителей в селе тоже почти нет.

Часть мобилизована лахтарями в
бандитские отряды, часть угнана с
лошадьми в порядке гужевой
повинности, а другие -- среди них
много женщин -- попали на
лесоразработки.

Реки отсюда текут в Финляндию, и вот
лесопромышленники всю стараются,
чтобы к весне заполучить лес ценой
пяти пальцев. Это все, что удалось
узнать от оставшихся жителей,

В какую сторону ушли отсюда
лахтари, неизвестно: следы их
замела вчерашняя
буря.

Мы будем здесь сутки. Радиус твоей
разведки невелик -- пятнадцать
километров. Так что, когда ты
возвратишься, мы еще будем
здесь. Можешь идти.

И я пошел, оставив часть
поклажи в избе.

За мной увязался попик.

Он просил дать ему глотнуть хотя бы

Det blaaa, djupa aerret, som aennu idag
syns efter mina skavskaar, intresserar

ofta min sjuaariga son, Leino, som
faatt namn efter min foerlorade kamrat.

Men daa var skavsaaaren blodroeda, och
det rann blod ur dem. Det var inte
bara jag som hade saadana aerr.
{76}

Jag skulle naestan kunna saega, att
jag hade det laettare aen de oevriga:
jag hade mina foetter fullkomligt
oskadade -- inte ett enda blodigt
skavskaar och inte ett enda haal paa
filtstoevlarna.

Det avskavda staellet paa axeln var
alldeles hudloest, och skjortans
grova tyg gned mot koettet.

-- Du har sovit bra hela natten,
Matti. Nu skall du aaka ut paa en
laengre rekognoscering. Slaktarna
laemnade byn ungefaer fem eller sex
timmar innan vi intog den -- de var
trehundra stycken.

-- Det var laenge sedan staben fanns
haer. Somliga saeger att den befinner
sig i Kiimasjaervi, andra att den
finns naagonstans haer i naerheten, i
naagon av de naermaste byarna.

-- Det finns knappast naagra invaanare
haer i byn.

-- En del aer mobiliserade av
slaktarna till deras
banditavdelningar, en del har
mobiliserats tillsammans med sina
haestar foer att fullgoera tjaenst i
traengen, och andra -- bland dem
maanga kvinnor -- har satts till
skogsavverkningsarbete.

Floderna haer rinner till Finland.
Och nu foersoecker skogspatronerna att
faa sitt timmer avverkat till vaaren
saa gott som gratis. Det aer allt,
som vi lyckats faa veta av de faa
kvarvarande invaanarna.

-- Det aer obekant aat vilket haall
slaktarna gick haerifraan, deras spaar
har sopats igen av gaardagens
snoestorm.

-- Vi stannar haer ett dygn. Ditt
rekognosceringsomraade aer inte stort
-- radien aer 15 kilometer. Naer du
kommer tillbaka aer vi aennu kvar
haer. Nu kan du aaka.

Jag aakte, laemnande en del av
packningen kvar i stugan.

Praesten haengde efter som en kardborre.

Han bad mig ge honom aatminstone en

полрюмочки, обещал за глоток фунт хлеба.

Это было очень кстати: накануне вечером, в лесу, ожидая исхода разведки, я сжевал последнюю сухую корку, и из всего запаса оставалось несколько кусков пиленого, вернее -- спрессованного сахара, немного кофе и пять-шесть глотков спирта. У других ребят с пищей было не лучше. Приходилось на поясах прокалывать новые дырки.

У населения Ребол давно уже ничего не было.

"Карел кору ел" и без вмешательства лахтарей, теперь же почти ничего не осталось, чтобы подмешивать к коре. Лишь полные клюквой и брусничкой бочки в избах да дичина говорили о том, что до весны, может быть, как-нибудь удастся протянуть местным крестьянам.

Поэтому предложение попа было очень кстати. Он дал мне два фунта хлеба, но, как полагается, обжулил и отпил из фляги три глотка.

<64>

Я шел в разведку на северо-запад, вдоль по берегу.

Солнце освещало мой путь.

Белый маскировочный халат хорошо скрывал меня от непрошенных взглядов.

"Если бы я не знал, что иду по этой тропе, то сам бы себя не заметил", -- подумал я.

Но здесь концы моих лыж уткнулись во что-то твердое, черневшее из-под снега. Я пригляделся, палкой сбил снег.

halv sup och lovade att foer denna klunk ge mig ett skaalpund broed. Det var inget daaligt foerslag: kvaellen foerut i skogen, medan vi vaentade paa rekognosceringspatrullens aaterkomst, hade jag aetit upp min sista, torra broedkant och av hela matfoerraadet hade jag kvar bara ett par dammiga sockerbitar, en smula kaffe och ungefaer 5-6 klunkar sprit. De andra pojarna hade det inte heller baettre staellt med matvarorna. Man fick lov att goera nya haal i svaangremmen {77}

-- och detta under ett saa anstraengande arbete, som vi hade utfoert. Befolkningen i Repola hade paa laanga tider inte haft naagonting.

Karelarna var vana att aeta barkbroed, aeven innan slaktarna kom dit, men nu, sedan dessa hade plundrat befolkningen i paa bara benen, fanns det naestan ingenting kvar att blanda barken med. Endast de fyllda tunnorna med lingon och tranbaer i kaellarna och viltet i skogarna, vittnade om, att boenderna kanske paa naagot saett skulle kunna dra sig fram till vaaren.

Daerfoer var praestens foerslag mycket laempligt. Han gav mig tva skaalpund broed, men han lurade mig naturligtvis och tog tre klunkar ur flaskan.

Spriten gjorde honom aenu mera taltraengd, och han gick bredvid mig, aenda tills vaktposten stannade honom.

Vaegen ut ur byn var staengd foer alla, som inte kaende till loesenordet, och praesten hade naturligtvis inte faatt reda paa naagot loesenord.

Jag gick paa rekognoscering i nordvaestlig riktning laengs stranden. Floderna rinner haerifraan till Finland.

*

Solen lyste paa min vaeg.

Den vita skyddskaapan skyddade mig mot nyfikna blickar.

-- Om jag inte visste, att jag aaker denna vaeg, saa skulle jag inte kunna se mig sjaelv, foersoekte jag skaemta foer mig sjaelv.

Min skidspets stoette mot naagot haart, svart foeremaal, som laag under snoen.

Jag tittade naermare efter och

Передо мной, несомненно, лежал труп; вблизи от него распростерлись еще два изуродованных тела.

Это было в двух километрах от деревни. Черепа у всех были проломлены -- казалось, обухом топора. У убитых брюки были спущены, сапоги сняты.

Трупы застыли на морозе, и поэтому трудно было разобрать, давно ли они лежат.

Надо было идти дальше.

Я налег на палки.

Отдых одной ночи сказывался.

Так я шел полчаса спокойно, без всяких встреч, но вскоре услышал внизу по реке женский голос, напевавший заунывную финскую колыбельную песню, такую, какой ублаживали нас наши матери в раннем детстве. Я остановился на секунду.

По льду замерзшей реки навстречу мне шла женщина.

Она несла в руках сверток, который укачивала и пыталась согреть своим дыханием. За ней, цепляясь за подол, дыша на свои пальцы, всхлипывая, тащился мальчик лет десяти.

-- Стой! Куда?

-- В Реболы! -- закричала женщина. -- Неужели же мне до конца жизни моей не попасть в Реболы? Дитя совсем замерзнет!

-- И она ткнула мне под нос сверток.

Это действительно был укутанный младенец. Меня поразило, что пар дыхания не поднимался из его рта. Было никак не меньше тридцати градусов. Солнце отражалось в каждой снежинке.

Плакавший мальчик, увидев меня, притих на минуту.

-- Лахтари вы, вот кто! -- сказала мне женщина.

skrapade bort snoen med skidstaven.

Otvivelaktigt hade jag framfoer mig ett lik. I naerheten av detta lik laag aennu tvaa maenniskoliknande foeremaal.

Det var endast tvaa kilometer fraan byn. Alla hade inslagna huvudskaalar -- troligen var de draepta med en yxhammare. De moerdade hade byxorna neddragna och stoevlarna var foersvunna.

{78}

Liken var stel frusna och det var daerfoer svaart att avgoera, om de hade legat haer en laengre tid. Men allt tydde paa, att de hade legat haer minst naagra dygn.

Jag maaste fortsaetta min faerd.

Jag boerjade att ta kraftigare stavtag foer att faa baettre fart. En natts vila visade sina verkningar. Men det var tydligt, att jag inte skulle faa fullgoera mitt uppdrag utan ovaentade moeten.

Jag hoerde en kvinnoroest nere vid floden. Hon sjoeng en melankolisk finsk vaggvisa -- samma som vaara moedrar soevt oss med i vaar tidiga barndom.

Jag stannade en sekund.

Paa isen kom en kvinna gaaende mot mig.

Paa armarna bar hon ett bylte, som hon vaggade och foersoekte vaerma med sin andedraekt. Efter henne slaepade sig en tioaars pojke, som hoell sig fast i kjolfaallen och blaaste i sina blaafrusna fingrar och snyftade.

-- Stanna! Varthaen?

-- Till Repola! svarade kvinnan. Skall jag inte faa komma fram till Repola, innan jag doer? Barnet kommer att frysa ihjael foer er skull - och hon stack byltet under naesan paa mig.

Byltet visade sig verkligen innehaalla ett litet lindebarn. Det slog mig, att det inte kom naagon andedraekt ur hans mun, och att det likvael var minst trettio graders kyla. Solen gnistrade i varje snoekorn.

Naer pojken fick syn paa mig tystnade hans graat.

-- Slaktare aer ni! Det aer just vad ni aer! sade kvinnan. Och jag aer inte raedd. Du kan faa skaera ihjael mig ocksaa.

-- Что произошло?

В ответ она начала всхлипывать. Она, казалось, была не в своем уме.

-- Выехали из Кимаса в Реболы, в гости к сестре, и вот на рассвете встретился мне отряд лахтарей. Отняли лошадь, сбросили меня с детьми с саней, повернули их в другую сторону и сами на них уехали. А у меня мальчишка уже совсем замерз, -- и ткнула пальцем в мальчишка, который снова при-
<65>
нялся всхлипывать.

-- Слава богу, этот успокоился!
-- Она кивнула на сверток.

Я наклонился над ним. Ребенок был, по-моему, мертв.

-- Сколько до Ребол?

-- Не меньше восьми километров...
Иди сюда, -- поманил я мальчишку,
-- дай руки!

Он протянул мне ручонки. Пальцы его начинали уже коченеть. Я вылил последние капли спирта из фляги и стал растирать руки мальчугана.

Сначала он даже заревел от боли.

Мне надо было продолжать свой путь, и женщина, вымаливая у господы тысячи благословений на голову доброго лахтаря, побрела, с трудом вытаскивая ноги из снега, к оставленной мной деревне.

Я шел дальше, и с каждой секундой мне становилось яснее, что младенец, которого убавкивала эта женщина, был мертв.

Уже наступали сумерки, когда я услышал в глубоком отдалении человеческие голоса и удары топоров, подобные стуку дятла.

Я стал осторожно пробираться на звук.

Вскоре за деревьями я заметил людей и, спрятавшись за широкий ствол вековой сосны, стал наблюдать.

Люди (по их полушубкам, финским ножам, валенкам можно было сразу определить, что это местные крестьяне) подрубали сосны, валили лес, очищали стволы от веток.

-- Vad har haent?

Istaellet foer att svara boerjade hon snyfta.

-- Jag gav mig ivaeg fraan Kiimasjaervi till Repola. Skulle dit foer att haelsa paa min syster, som skulle faa ett barn. Och i daggryningen moette jag ett kompani slaktare. De tog haesten och slaeden, kastade mig och barnen i snoen, vaende aakdonet och aakte ivaeg aat motsatta haallet med min alldeles foerfrusen. Hon visade paa pojken, som aaterigen boerjade snyfta.
{79}

-- Men Gud vare tack, nu har den haer lugnat sig. Hon nickade mot byltet.

Jag boejde mig ned oever byltet. Efter vad jag kunde se, var barnet redan doett.

-- Hur langt aer det till Repola?

-- Det aer minst aatta kilometer. Kom hit, sade jag aat pojken, Raeck mig dina haender!

Han raecte mig haenderna. Hans smaa fingrar hade redan boerjat stelna av kylan. Jag haellde de sista spritdropparna ur faeltflaskan och boerjade att gnida pojkens haender.

I boerjan skrek han av smaerta.

Jag maaste fullfoelja mitt uppdrag och kvinnan, som nedkallade vaelsignelser oever den vaenlige "slaktaren", stapplade ivaeg, med moeda slaepande sig fram i den djupa snoen till byn, som jag hade laemnat.

Jag gick vidare, och det blev mig foer varje sekund allt klarare, att spaedbarnet, som kvinnan hade vaggat i sin famn, redan var doett.

Det boerjade redan att skymma, naer jag mitt i den djupa skogen hoerde avlaegsna maenniskoroester och ljudet av yxhugg, som liknade hackspettens dova hackande i traedstammen.

Foersiktigt boerjade jag att gaa i riktning mot ljuden.

Snart saag jag i fjaerran enstaka personer och goemmande mig bakom en bred tallstam, boerjade jag att studera dem. Maenniskorna (paa grund av deras paelsar, finnmoessor och filtstoevlar, kunde jag genast faststaella, att de tillhoerde traktens boender) maerkte tallar, faellde skog, kvistade traeden och

Делали они это нехотя, не торопясь.

Несколько поодаль, у костра, стояли два человека с винтовками.

Они резко выделялись среди работающих по одежде и выправке. Серое сукно шинелей и фуражки, похожие на шапки егерей, выдавали их.

Я был так близко, что великолепно слышал, как один из них насвистывал неизвестный мне мотив.

Я запомнил этот веселый мотив, и, перенятый мною со свиста, он после отлично высвистывался и Армасом, и Лейно, и Антилой, и другими курсантами.

Здесь же были и землянки для работающих.

"Ах так! Хотите сплавить в Финляндию и дальше, в Англию, наш трудовой карельский лес? Не пройдет номер, не пропустим! Тоже хозяева нашлись!" -- думал я, глядя на раскрывшуюся передо мной картину.

В мою голову даже и такая мысль заползла: не подстрелить ли мне из моего прикрытия двух охраняющих егерей и не выскочить ли после этого к работающим крестьянам, объявив, что я вестник красных, передовик, и приказываю им мобилизоваться против лахтарей.

Но я вспомнил параграфы устава о разведке, своем задании, о том, что, если
<66>

хоть кто-нибудь из врагов узнает о движении нашего отряда, все дело может погибнуть. Это удержало меня от ложного шага.

Запомнив все, что видел, я повернул обратно.

Я не хотел прокладывать особый, свой лыжный след, по которому меня могли бы догнать, если бы заметили, и неожиданно пустить в спину пулю.

Нашел чужой след и пошел по нему.

staplade upp dem.

De arbetade mycket langsamt, som det tycktes mig, motvilligt och utan braadska.

Lite laengre bort vid en laegereld stod tvaa personer med gevaer i haenderna.

De skiljde sig skarpt fraan de arbetande baade till klaededraekt och saett. De graa kapporna och moessorna av jaegarmodell foerraadde dem.

{80}

Jag var saa naera dem, att jag mycket vael hoerde hur den ene av dem visslade en foer mig obekant melodi.

Jag lade denna muntra melodi paa minnet och visslade den sedan, saa att aeven Kalle, Groen och de oevriga kamraterna laerde sig den riktigt bra.

Haer fanns aeven jordkulor foer de arbetande.

-- Banditer, ni vill transportera de karelska arbetarnas skog till Finland och sedan laengre bort! Det skall inte ske, det kommer vi inte att tillaata. Det aer vael trevliga besokare ni faatt! taenkte jag naer jag saag denna foega uppbyggande syn.

Aeven en annan tanke doek upp i mitt huvud: Om jag skulle skjuta ned de baegge jaegarna fraan min undangoemda plats och sedan jag skjutit dem stiga fram till de arbetande boenderna och foerklara att jag aer en budbaerare fraan de roeda -- en av foertruppen -- och uppmana dem att gaa med oss mot slaktarna. Men jag erinrade mig instruktionens paragraf om spaningstjaensten, min bestaemda uppgift, att det kanske fanns maanga fiender i naagon av jordkulorna och att om

bara en enda av fienderna faar reda paa vaar bataljons roerelser, kan hela faelttaaget och vaar truppstyrka gaa foerlorat. Allt detta avhoell mig fraan att goera ett fel.

I det att jag i huvudet inpraentade allt det jag sett, aakte jag tillbaka.

Jag ville inte aaka upp ett eget skidspaar, paa vilket de vita skulle kunna hinna upp mig, ifall jag blev upptaect, och sedan ovaentat skicka en kula i min rygg.

Jag traeffade paa ett gammalt skidspaar och fortsatte i detta.

Это была счастливая мысль, потому что след был проложен, по всей вероятности, десятником на работах.

Det var en lycklig ingivelse, ty spaaret var troligen lagt av skogsavverkningsfoermannen.

Сделав тридцать -- сорок шагов, я увидел лежащую в снегу книжку в синей обложке. Она могла сослужить службу в разведке. Я поднял ее. Это были незаполненные бланки расписок в получении заработной платы лесорубами акционерной финской компании "Гутцейт". Незаполненные бланки говорили гораздо больше, чем хотелось бы этой солидной фирме.

Naer jag aakt 30-40 steg tillbaka fraan avverkningsplatsen, fick jag syn paa en i snoen liggande bok med blaa paermar. Den kunde kanske vara till nytta foer rekognosceringen. Jag tog upp den. Boken innehoell oanvaenda kvitton paa loen foer skogsarbete, utfoert aat finska skogsbolaget Gutzeit.[9] De inte ifyllda kvittona be-
{81}
raettade betydligt mer, aen vad den hoega firman hade oenskat.

"Эта штука мало поможет в оперативной разведке, -- подумалось мне. -- На уроках политграмоты она пригодится больше".

-- Denna sak betyder inte saa mycket foer den operativa spaningen, taenkte jag, den passas baettre foer vaara lektioner i politisk grundkunskap.

Других приключений на обратном пути со мной не случилось, и я шел спокойно и даже не особенно торопился, как будто на дальней прогулке.

Naagra vidare aeventyr upplevde jag inte paa aatervaegen. Jag gick lugnt och ledigt och gjorde mig till och med ingen braadska. Jag laatsades som om jag var ute paa en vanlig skidtur.

*

Я шел по снегу и, глядя на кончики лыж, вспомнил, как в юности попались мне три томика Джека Лондона. С каким нетерпением ждал я конца рабочего дня, чтобы бежать к себе в каморку и погрузиться в чтение.

Medan jag aakte mina jaemna glid och tog kraftiga stavtag, kom jag osoekt att erinra mig, hur jag i min ungdom fick tag i tre boecker av Jack London och med vilken spaenning jag invaentade arbetstidens slut foer att kunna springa upp i min vindskupa och foerdjupa mig i laesningen av dessa aeventyrsboecker.

Какими необычайными и невозможными казались подвиги и герои этих книг и как хотелось хоть на минуту походить на них!

Saa ovanliga och overkliga syntes mig hjaeltarna och deras daad i dessa aeventyrsboecker och hur gaerna ville man inte likna dem aatminstone foer en kort minut.

А сейчас я иду один, почти у Полярного круга, через далекий лес.

Och nu gaar jag ensam naestan uppe vid polcirkeln genom en fjaerran skog ...

И такие же трудные морозы, и такие же ночевки в лесу на снегу, и куда более быстрое движение без помощи собачьих упряжек -- все те же самые трудности, только вдобавок за каждым стволом сосны, может быть, спрятаны и поджидают меня вражеские снайперы.

Och lika svaar koeld hade jag, likadana nattlaeger paa snoen i skogen, och mycket snabbare roerde jag mig utan hjaelp av hundspann -- det var likadana svaarigheter, men daertill kom, att bakom varje tallstam, var kanske naagra av fiendens baesta skyttar goemda och vaentade paa mig.

Их заветная мечта -- уничтожить все, что мне дорого, за что дрался я на многих фронтах, уничтожить и меня самого; а я вот иду как ни в чем не бывало, и все это необыкновенно просто.

Deras hoegsta oenskan aer att foerstoera allt, som aer mig kaert, som jag har slagits foer paa maanga fronter, och att foerinta aeven mig sjaelv -- och jag gaar haer, som om ingenting skulle ha haent och allt ser saa ovanligt enkelt ut. Ovanligt enkelt. Och om inte
{82}
den foerbaskade smaertan i axeln hade varit, saa hade allting varit i

Вот я даже и засвистеть бы мог, если бы не опасность: было уже темно, и пуля найти меня могла только по этому свисту.

<67>

Джеклондоновские парни богатели, как черты, от таких своих приключений и подвигов, а мы? Те, кто из нас вернутся, -- вернутся такими же парнями, какими вышли из школы в этот рейд. Но им будет принадлежать Карельская республика, и Украинская, и все Советское отечество!

Ясная январская полночь стояла над Реболами, когда меня окликнул стоящий в дозоре Армас.

-- После рапорта пойди и выпись. Утром уходим, -- сказал он мне.

-- Брусники с клюквой и мяса на твою долю я уже взял.

Что и говорить, Армас любил поесть! Ел он, когда было что, очень аппетитно.

Жаль, ему не досталась крынка с молоком у немого кулака.

Я доложил обо всем, что разведаль, товарищу Антикайнену.

Сразу за мной пришли в избу командира разведчики со стороны Колвас-озера и Емельяновки.

-- Штаб неприятеля, очевидно, в Кимас-озере. Туда мы выходим на рассвете. Все му местному населению сообщите, что нас полтысячи и что мы -- только передовой отряд, за которым движется еще несколько полков. Про трупы у реки я уже знаю. Это члены волостного исполкома, убитые лахтарями, и товарищ Юстунен, школьный учитель, финн, коммунист, -- его взяли из школы во время занятий в классе и застрелили в лесу. Но с нами так легко не справиться. -- Антикайнен выпрямился во весь рост, и тень, колеблемая тусклым пламенем,

закачалась на потолке и стенах избы.

sin ordning.

Jag kunde ju till och med vissla en liten stump, om inte den faran hade funnits att en kula kunde traeffa mig paa grund av visslingen. Och foer oevrigt kunde endast en vissling avsloeja mig, foer nu var det alldeles moerkt.

Jack Londons pojkar blev rika som fan av saadana haer strapatser, men vi? De som kommer levande tillbaka fraan detta faelttaag, kommer tillbaka precis likadana, som naer de drog ut, men daa kommer hela den Karelska republiken, Ukrainiska republiken och hela Sovjet-fosterlandet att tillhoera dem!

*

Det var nu alldeles moerkt. Den klara midvinternatten laag oever Repola, naer Kalle, som stod paa vakt, anropade mig.

-- Efter rapporteringen skall du gaa in och laegga dig. Tidigt i morgon bitti bryter vi upp, sade han aat mig. Jag har tagit undan lingon, tranbaer och koett foer din raekning!

Det var ju ingen hemlighet att Kalle var en stor aelskare av mat. Kalle aat med god aptit, i synnerhet naer det fanns laeckerheter paa bordet.

Det var synd att han inte fick en kruka mjoelk hos den doeve kulaken.

Jag rapporterade allt vad jag hade sett till kamrat Antikainen.

Omedelbart efter mig kom de spanare, som varit i riktning mot Kolvasjaervi och Emeljanovka, in i stugan till bataljonschefen, som aennu inte faatt en blund i oegonen.

-- Fiendens stab befinner sig tydligt i Kiimasjaervi, dit vi aaker ivaeg i dagningen. Meddela hela ortsbefolkningen, att vi aer 500 roedarmister och att vi endast aer foertruppen. Efter oss kommer flera regementen. Om liken vid floden har man redan meddelat mig. Det aer medlemmarna i socknens bonderaad, som moerdats av slaktarna, och kamrat Juntunen, skollaeraren, finsk kommunist. De tog honom direkt fraan en paagaaende lektion i skolan och doedade honom utan vidare. Men oss blir de inte av med saa laett -- och Antikainen reste sig upp i sin fulla laengd. Paa

{83}

grund av det fladdrande ljuaset tycktes hans skugga dansa runt paa

-- С нами так легко не
разделаешься!.. Иди, Матти, спать,
-- обратился он ко мне.

-- Можешь идти, Матти.

На крыльце стояли два мальчика. Она
вопросительно посмотрели на меня.

-- Идите, идите, ребята! -- стал
прогонять их старик сторож.

Но один из мальчиков решился и
подшел ко мне:

-- Мы хотим тебе, товарищ начальник,
рассказать про нашего учителя. --
Ребята очень волновались. --
Двадцать первого ноября мы
занимались в школе. Был урок
арифметики. Мы дошли уже до самых
дробей. Учитель наш, Юстунен, только
начал объяснять нам про дроби, как
вдруг в класс вошли пять мужиков с
ружьями. Там был Осип Сергеев из
Лув-озера...

<68>

-- И Алексей Васильевич из
Березовского-наволока, -- вставил
второй мальчик. -- И еще главный их
-- Александр Никитич из Челмужи. Все
кулаки. Они сказали учителю: "Ты
коммунист", взял его с собой и
увели, и уроков с тех пор у нас уже
два месяца нет. На чем остановились,
на том и стоим...

-- Да погоди же! -- продолжал
рассказ первый мальчик. -- Вечером
мы пошли вдвоем снова в школу. В
школе арестованных держали. Мы
попросил, чтобы нас пропустили к
учителю, потому что мы ему табаку
покурить принесли. Он очень
обрадовался, когда увидел нас, и
сказал, что его теперь, наверно,
заберут лахтари, и просил не
забывать его, навещать и передавать
привет другим ребятам.

На другое утро мы пришли навестить
его, но сторож сказал, что
арестованных увели в другую
деревню. Мы пошли сзади по следам.
Скоро мы услышали, как стреляют в
лесу. Мы перепугались и побежали
домой. На третий день мы снова пошли
по следу и увидели, что учителя
нашего убили. Он лежал за бревном, и
там было еще двое убитых. Я целый
месяц один боялся в темноте
оставаться, а другие ребята не
верили, что убили учителя, но в ту
сторону леса боялись идти. Мы тебя,
начальник, проведем туда
завтра. Теперь у нас занятий ведь
нет.

stugans vaeggar och uppe i taket.
-- Oss blir det inte saa laett
att goera upp med! Gaa och laegg dig,
Matti, sade han till mig. Kvinnan,
som du moette, blev tokig, naer hon
oeventygades om att hennes barn
frusit ihjael. Du kan gaa, Matti.

-- Не надо, я уже видел сам, --
ответил я ребятам и вышел из школы.

На крыльцо поднимался другой
разведчик-курсант. Он шепнул мне
радостно:

-- С юга подходят к Реболам части
южной оперативной колонны наших
войск!
Они скоро займут село.

Я пошел в избу, где расположился мой
взвод.

Почистив лыжи и
приготовив снаряжение к
утреннему походу, я улегся
на солому.

Укладываясь, я увидел на полу
большое пятно -- доски пола
обуглились в середине избы и были
совсем черны.

Лейно проснулся и подвинулся, чтобы
уступить мне местечко рядом с собой.

-- Почему пол горел,
Лейно, не знаешь?

-- Как не знать! Хозяйка говорила.
Лахтари хлеба требовали, и один из
них разложил костер на полу и
угрожал сжечь избу, если не выдадут
пуд муки.

Хозяйке пришлось последний пуд
отдать. Вот какие дела...

И мы заснули.

Если бы не ныли натертые плечи при
повертывании с
<69>
боку на бок, то всем
моим друзьям я пожелал бы всегда так
крепко и глубоко спать, как я спал
тогда.

Очнулся неожиданно -- как бы
вынырнул из глубокого сна. Почти
весь отряд был готов к выходу.

Лейно рядом с нами не было.

-- Где Лейно?

-- В соседней избе -- повивальной
бабкой!

-- Как?

Naer jag kom ut ur stugan, daer staben
var inkvarterad, kom en annan
spanare uppfoer trappan. Han viskade
glatt till mig:

-- Soeder om Repola kommer den
sydliga flanken av vaar
armeefoerdelning marscherande. Den
kommer snart att inta byn.

Jag gick in i den stuga, daer min
pluton var inkvarterad.

Naagon av pojarna hade troligen gett
efter foer praestens entraegna boener
och praesten laag nu med lycklig
uppsyn paa laven och snarkade med
vidoeppen mun. Doedfull ...

Efter att ha torkat av skidorna och
sett om min utrustning foer
morgondagens avmarsch, lade jag mig
ned paa min av halm tillredda baedd.

Naer jag lade mig, fick jag syn paa en
stor flaeck paa golvet, daer
golvbraederna var foerkolnade i mitten
av stuggolvet.

Leino vaknade och makade paa sig foer
att ge mig plats bredvid honom.

-- Varfoer har det brunnit i golvet?
Har du reda paa det Leino?

-- Jo, naturligtvis! Bondgumman har
beraettat att slaktarna kraevde broed
och en av dem gjorde upp eld paa
golvet och hotade med att braenna ned
stugan om de inte oegonblickligen
fick ett halvt kilo broed. Och hon
var tvungen att ge banditerna sitt
sista mjoel. Saa har det gaatt till.

Och vi somnade.

Droemmar hade jag inte under dessa
dagar. Om det inte hade gjort saa ont
i den soenderskavda axeln varje gaang

jag vaende paa mig, saa skulle jag
oenska alla mina vaenner att alltid ha
en saa djup soemn.

Jag vaknade ploetsligt, liksom doek
upp ur den djupa soemnen. Naestan
hela bataljonen var redan faerdig foer
avmarsch.

Leinos plats i ledet var tom.

-- Var aer Leino?
{84}

-- Han aer barnmorska i grannstugan!

-- Vad?

Выстроив взвод и отдав команду об отходе вслед за вторым и третьим взводами, я забежал в соседнюю избу.

В первой, совершенно разоренной горнице сидела женщина, та самая, которую я встретил вчера на пути. Волосы ее были распущены. Она сидела в тулупе, но босиком, и не отвечала ни на одно мое слово.

Из соседней комнаты раздался вдруг раздирающий душу вопль, но женщина будто и не слыхала его.

Она продолжала напевать колыбельную. И сразу вслед за воплем я услышал в соседней комнате голос Лейно:

-- Ну, милая, крепись, крепись! Скоро, должно быть, все пройдет... Крепись, дорогая!

Я вошел в соседнюю комнату. На пороге меня встретил и не узнал мальчишка, которому я вчера оттирал спиртом руки. У него был испуганный вид, глаза его блестели в полутьме.

На кровати металась мучимая предродовыми схватками молодая женщина. Крупные капли пота выступили на ее лице.

Лейно держал в руке кружку с водой:

-- Выпей глоток, милая! Хлебни глоток, может, лучше станет...

У него вид был растерянный.

Первый раз приходилось выступать ему в роли повивальной бабки.

Мальчик со страхом и любопытством следил за всем, что происходило.

-- Лейно, мы уходим, -- сказал я.

-- Матти, я не могу оставить так бедную женщину. Разреши мне задержаться на полчаса, на час. Я догоню отряд. Ведь на лыжах я хожу не хуже Армаса, -- попытался он шутить.

Но громкий вопль страдающей женщины прервал его слова.

-- Ладно, догоняй! -- крикнул я товарищу, быстро выскочил на улицу и пошел за отрядом.

Sedan plutonen staellt upp sig och jag gett order om avmarsch efter foersta och andra plutonerna, sprang jag in i grannstugan.

I det foersta, fullstaendigt utplundrade rummet satt en kvinna, densamma som jag igaar hade moett paa vaegen. Haaret var utslaget, hon var klaedd i faarskinnspeals men var barfota och svarade inte ett enda ord.

Fraan det intilliggande rummet hoerdes ploetsligt ett hjaertslitande skrik, men kvinnan satt, som om hon inte hade hoert det.

Hon fortsatte att mumla sin vaggvisa. Och strax efter skriket hoerde jag Leinos staemma i andra rummet:

-- Naa snaella ni, foersoeek att vara stark. Snart aer allt oever ... Haall er lugn!

Jag gick in i rummet. Paa troeskeln moette mig pojken, som jag igaar hade vaermt fingrarna aat, men han kaende inte igen mig. Han saag uppskraemd och uppskakad ut och oegonen glaenste i vintergryningens svaga ljus.

I saengen laag en ung kvinna, vridande sig i foedslovaandor. Stora svettdroppar syntes i hennes ansikte.

Leino hoell en mugg med vatten i handen.

-- Drick lite. Ta en klunk, kanske det lindrar ...

Han saag ocksaa bortkommen ut.

Det var foersta gaangen han var tvungen att agera barnmorska.

Pojken foeljde med nyfikenhet allt vad som foersiggick.

-- Leino, vi bryter upp nu, sade jag.

-- Matti, jag kan inte laemna den arma kvinnan paa det haer saettet. Laat mig stanna en halvtimme, eller hoegst en timme. Jag hinner nog upp bataljonen. Jag aer ju inte saemre aen Kalle att aaka skidor, foersoeekte han att skaemta.

Men ett hoegt skrik fraan den plaagade kvinnan avbroet hans skaemt.

-- Gott. Du faar hinna upp oss sedan, ropade jag aat min kamrat, sprang fort ut och aakte ivaeg efter bataljonen.

{85}

"Нервы, что ли, испортились у меня,
что не могу
выно-
<70>
силь криков роженицы?

Ведь это -- обычное дело".

И чтобы немного успокоить себя, я
стал насвистывать мотив,
подхваченный мной вчера у лахтаря.
Так я поравнялся с Армасом.

И мы пошли рядом.

Глава восьмая

Без дороги в лесах. В тылу
неприятеля. Идем вперед.

Мы снова шли без дорог по глубокому
снегу, через труднопроходимый лес.

Опять шуршание поднимаемого лыжами
снега, опять обильный пот,
прошибающий даже полусубки,
опять мелькание сосен и
снежная пыль.

Что нового было в этом переходе?

Разношенные валенки, теряющие свою
форму, пища, сводящая животы. Ведь
мы шли уже без хлеба. Брусника,
несколько картофелин и кусок
вареного мяса -- вот наша еда. В
Реболах зарезали несколько
коров. Некоторые ребята брусничкой
пренебрегали -- у них животы сводило
от резкой боли. Но такая пища
сказывалась на всех.

Потом появились нарывы.

Нарывы на ногах, бедрах,
спине. Они лопались, и белье
прилипало к телу.

Каждый раз, когда после остановки
надо было идти вперед, приходилось
осторожно отдирать материю от тела.

Но мы все-таки шли вперед!

Шли быстро и на растертых своих

-- Aer det mina nerver som har blivit
daaliga, eftersom jag inte kan
uthaer-

da en foedande kvinnas skrik?

Det aer ju en alldaglig sak.

Foer att lugna mig boerjade jag vissla
den melodi, som jag hade laert mig av
slaktarna igaar. Saa hann jag upp
Kalle.

-- Kalle, sade jag till honom, jag
skulle hellre goera tvaa saadana haer
faelttaag aen att foeda ett barn en enda
gaang.

-- Om det aer noedvaendigt foer
revolutionen, saa skulle du foeda till
och med tvaa gaanger, svarade Kalle.

Och vi fortsatte sida vid sida.

{87}

SJUNDE KAPITLET

Vi aakte paa nytt genom djup snoe i den
vaegloesa, svaarframkomliga skogen.

Aaterigen skidornas gnisslande mot
snoen, aaterigen ymnig svett som till
och med traengde igenom paelarna,
aaterigen foerbiilande tallstammar och
virvlande snoe.

Vad fanns det foer nytt i denna marsch?

Uttrampade filtstoevlar, som boerjade
att foerlora sin form. Maten, som
snoerde ihop magsaecten. Vi aakte ju
nu fullkomligt utan broed. Lingon,
naagra potatisar och en liten bit
kokt koett -- det var vaar kost. I
Repola hade vi slaktat naagra kor.
En del pojkar hade aetit foer mycket
av lingonen -- de hade svaara
magplaagor. Men den magra kosten
maerktes ocksaa paa de oevriga.

Det boerjade slaa ut boelder.

Det slog ut boelder paa foetterna, paa
hoefterna, paa ryggen. De sprack och
underklaederna klibbade fullstaendigt
fast vid kroppen.

Leino paastod att varet fraan boelderna
gjorde hans underklaeder saa styva,
som om de hade blivit staerkta. Mina
kalsonger hade klibbat fast vid
hoeften, och varje gaang vi efter en
rast skulle fortsaetta, maaste jag
foersiktigt dra det fastklibbade
tyget fraan kroppen. Men framaat gick
det, trots allt, av bara tusan.

Vi aakte fort, och paa vaara

плечах несли все, что нужно было, чтобы прописать лахтарям "лечение", от которого им никак уже не оправиться.

Так мы дошли до деревни Конец-остров, вблизи которой наши разведчики обнаружили небольшие неприятельские заставы.

Наша разведка пошла в атаку. Лохтари стали отступать по направлению к Ровкулам. Отступали быстро. Антикайнен выслал подкрепление нашей разведке. Мы пока расположились в Конец-острове и ждали результатов.

Когда мой взвод вошел в деревню Конец-остров, я приказал занять крайнюю избу, чтобы расположиться в ней на краткий отдых.

В избе мы нашли только одного дряхлого, совсем седого старика. Он бросился нам радостно навстречу и, видя, что я командир, спросил:

-- Вы кто: белые или красные?
<71>

Соблюдая конспирацию, я сурово ответил:

-- Разве ты ослеп от старости и не видишь, что мы белые и боремся за то, чтобы Карелия была только для карелов?

Старик карел сразу как-то осунулся, помрачнел, сел в угол и стал вздыхать.

Наконец на что-то решилась, он быстро перекрестился и снова подошел ко мне:

-- Зачем ты обманываешь старого человека? Вы от меня не скроете, что вы красные: это я по вашим штывкам сразу отличил. У белых совсем другие штывки, и они их не так носят.

Старик был прав и неправ. Белогвардейские активисты, шюцкоры и кулаки были вооружены винтовками самых разнообразных образцов: и русскими, и немецкими и даже японскими.

Я промолчал в ответ, а старик, видя в молчании моем подтверждение своих догадок, радушно захопотал, стараясь, чтобы мы поудобнее устроились на отдых.

soenderskavda axlar bar vi allt, som behoevdes foer att skriva ut ett saadant laekemedel aat slaktarna, att de aldrig mer skulle tillfriskna.

Saa aakte vi tills vi kom fram till byn Saarenpaeae. I naerheten av denna by hade vaara spanare upptaectt smaa, fientliga patruller.
{88}

Vaar rekognosceringspatrull gick till anfall mot fienden. Slaktarna boerjade retirera i riktning mot Roukkula. De retirerade snabbt. Antikainen saende foerstaerkning aat vaar spanarpatrull. Under tiden inkvarterade vi oss i Saarenpaeae och vaentade paa resultatet.

Naer min pluton kom in i byn gav jag order om att den skulle inkvartera sig i den foersta stugan foer att daer vila ut en stund.

I stugan fann vi endast en gammal, graahaarig gubbe. Han gick oss glatt till moetes, och daa han saag att jag foerde befaelet, fraagade han:

-- Aer ni vita eller roeda?

Foeljande konspirationens regler svarade jag barskt:

-- Har du blivit blind av aalder, saa att du inte kan se att vi aer vita och kaempar foer "Karelen aat karelarna"?

Den gamle karelaren blev nedslagen, satte sig nedstaemd i ett hoern och suckade.

Slutligen tycktes han fatta naagot beslut, ty han korsade sig hastigt och kom paa nytt fram till mig.

-- Varfoer skall du lura en gammal man? Ni kan inte doelja foer mig att ni aer roeda -- det saag jag med detsamma paa era bajonetter. De vita har helt andra bajonetter och baer dem paa ett annat saett.

Gubben hade raett, fast inte fullstaendigt. Medan den finska reguljaera armeen verkligen hade gevaer och bajonetter av tysk modell saa hade de finska aktivisterna -- skyddskaaristerna och kulakerna -- gevaer av alla moejliga modeller -- ryska, tyska och t o m japanska.

Min tystnad fick utgoera svaret paa hans fraaga, och gubben, som uppfattade min tystnad som en bekraeftelse av hans gissningar, boerjade glatt att ordna i stugan foer att goera vaar korta vilopaus saa bekvaem foer oss som moejligt.

*

...Разведка вернулась поздно ночью.

Rekognosceringspatrullen kom tillbaka sent paa natten.

Неприятельский отряд, очевидно не ожидавший нападения, после небольшой перестрелки отошел в Финляндию.

Den fientliga truppen, som tydligen inte vaentat sig vaart ploetsliga anfall, hade efter en kortare eldgivning dragit sig tillbaka oever finska graensen. Vaar rekognosceringspatrull foerfoeljde {89}

Наша разведка дальше преследовать не стала и, не доходя двух-трех километров до границы, повернула обратно: легко было попасть в засаду.

inte de flyende laengre aen ungefaer tvaa-tre kilometer fraan graensen, och vaende sedan om: man kunde laett raaka i ett bakhaall.

Отряд утром снова вышел вперед -- вперед, на Кимас-озеро.

I daggryningen broet bataljonen upp och gick aater framaat, framaat mot Kiimasjaervi.

Нам оставалось до цели по линии полета птицы около шестидесяти километров, но птицам, как известно, не приходится пробираться сквозь густой лес, где каждое дерево, каждый хвойный куст цепляется за тебя и хочет задержать; птицам не приходится тащить на себе легкие пулеметы.

Till denna by var det ungefaer sextio kilometer faagelvaegen, men faaglarna behoever ju inte som vi ta sig fram genom taet urskog, daer varje traed, varje buske vill haka sig fast och haalla dig kvar; faaglarna behoever inte heller slaepa med sig laetta kulsprutor.

Тяжесть легких пулемотов, когда идешь по снегу больше недели и питаешься печеной картошкой и брусникой, тоже достаточно велика.

Aeven de laetta kulsprutorna aer tillraeckligt tunga, naer man aaker paa snoen under en vecka och lever av stekt potatis och lingon.

Озер в лесах Карелии очень много. Высокий вековой бор вдруг расступается и уступает место озеру.

Vi slog oss igenom den taeta skogen. Sjoear och skogar finns det gott om i Karelen.

Лесные озера, окруженные мачтовым лесом, как и у меня на родине, в Суоми, изобилуют рыбой и очень тихи. И когда идешь по лесу, иногда не ждешь, что через несколько шагов появится озерная гладь. На берегу таких озер строятся рыбацьи бани, низенькие курные хибарки.

Den hoegvuxna, sekelgamla tallskogen oepnar sig ploetsligt foer att laemna plats aat en sjoe. Skogssjoearna, vilka liksom i min hembygd i Suomi aer omgaerdade av masthoega tallar och granar, aer fiskrika och mycket stilla. Naer du gaar genom skogen finns det inga tecken paa att du efter naagra steg skall staa vid en skogstjaern. Vid sjoestranden bygger fiskarna sina bastur och sina laaga ryggaasstugor.

Почти весь этот день мы двигались совсем без дорог, против сильного, острого, до костей пронизывающего ветра. Он пробирался даже и через густой лес.

Naestan hela denna dag maaste vi kaempa mot en stark, bitande, genom maerg och ben traengande vind i den fullstaendigt vaegloesa, djupa skogen.

Под вечер начался буран.

Mot kvaellen boerjade det blaasa upp till storm.

<72>

Идти дальше было очень трудно не только для Армаса.

Att fortsaetta var mycket svaart, inte bara foer Kalle.

Мы прошли уже около двадцати километров, когда вдруг лес расступился перед нами, чтобы дать место заколдованному озеру. И здесь

Vi hade gaatt ungefaer 20 kilometer, naer skogen ploetsligt glesnade foer att ge plats aat en foertjusande sjoe.

я увидел рыбацью баню. Лейно шепотом, похожим более на крик -- так как шептать приходилось ему против бури -- обратил мое внимание на легкий дымок, восходящий к морозному небу.

Луна уже сияла на темном небе.

Мы втроем -- Лейно, Армас и я -- подошли к бане. Армас занял пост у крошечного оконца, покрытого ледяной росписью,

Лейно во весь рост встал у дверей, а я, с силой распахнув дверь, вошел в избу.

В горнице было очень жарко натоплено и совсем темно. Из одного угла долетал мерный, спокойный храп. Я зажег спичку. От чирканья спичкой по ребру коробки человек проснулся и забеспокоился:

-- Кто это?

-- Свои! Выходи, тебя ждут ведь!

Человек, кряхтя, стал собираться.

-- Да быстрее же, тебя ждут ведь!

Человек подошел к двери, но на пороге, преграждая ему путь и направив дуло винтовки прямо в грудь, стоял Лейно. Мой наган был уже у виска незнакомца.

-- Руки вверх!

Так мы захватили в этой лесной бане этап белой эстафеты и одного эстафетчика.

Испуг и изумление -- в особенности изумление -- так ярко были написаны на его лице, что меня разбирал смех.

Лахтарь этот оказался разговорчивым.

Антикайнен и Хейконен выведали у него много очень интересных для отряда сведений.

...Буря все разыгрывался.

Мороз достигал тридцать семи градусов.

Дороги не было, а тут, как назло, отказались служить компасы.

Haer fick jag syn paa en fiskarbastu. I en viskning, som mera liknade ett skrik -- foer han maaste viska mot stormen -- faeste Leino min uppmaerksamhet paa en laett roek, som steg upp mot den frusna himlen.

Maanen seglade majestaetiskt fram oever de svarta, oaendliga vidderna. Vi tre -- Leino, Kalle och jag -- gick fram till kojans. Kalle fattade post vid det lilla gluggliknande igenisade foenstret.

{90}

Leino tog plats vid doerren, och jag stoette med kraft upp doerren och traedde in i stugan.

I den varma, uppeldade bastun var det alldeles moerkt. Ur ett hoern hoerdes jaemna, lugna snarkningar. Jag taende eld paa en taendsticka. Stickans rasp mot plaanet vaecte den sovande som fraagade oroligt:

-- Vem daer?

-- De vaara! Kom ut. Man vaentar paa dig!

Mannen gick fram till doerren, men paa troeskeln hejdade Leino honom genom att rikta gevaeret mot hans broest. Min revolver var redan i den obekantes nacke.

-- Upp med haenderna!

Paa saa saett fick vi i fiskarbastun en av de vitas etapper och en kurir.

Att de vita paa grund av vaart ovaentade anfall varit tvungna att retirera fraan Saarenpaeae och Roukkula hade han naturligtvis inte en aning om. Skraeck och foervaaning -- i synnerhet foervaaning -- speglade sig saa tydligt i hans ansikte, att jag hade svaart att haalla mig foer skratt.

Denne slaktare visade sig vara spraaksam.

Heikkonen och Antikainen fick av honom reda paa maanga foer hela bataljonen ytterst intressanta saker.

Snoestormen blev allt svaarare och svaarare.

Termometern var nere i 37 grader.

Naagra vaegar fanns det inte och till raaga paa elaendet boerjade kompasserna att kraangla. Kompassernas

Все они показывали по-разному. До сих пор я не могу себе объяснить это явление.

Совершенно ясно, что продвигаться в таких условиях сейчас же вперед было рискованно. Антикайнен отдал распоряжение сделать большой привал.

Я нанес пройденный путь на карту и вышел из бани помогать ребятам строить шалаши из ельника -- свежего, пахучего колкого ельника.

Другие ребята складывали ракатулет.

На теплой еще постели эстафетчика улегся поспать на несколько часов Антикайнен; затем его место должны были

<73>

занять командиры Хейконен и Карьялайнен. Они спали по-очередно.

Я уже устроил себе матрац из можжевельника и собрался заснуть, как увидел быстро идущего со стороны озера человека.

Это был совсем незнакомый мне человек, и одежда его не походила на нашу.

"Надо будет проверить, как это дозорный прозевал постороннего", -- подумал я и встал навстречу идущего.

Хейконен был уже рядом со мной.

Человек с винтовкой германской образца за спиной подошел к командиру, отдал честь и, вытащив из своей походной сумки небольшой пакет, передал ему в руки.

Хейконен взял пакет и, выразительно смотря на пришедшего, подмигнул мне. Я сразу понял немой приказ и, став позади этого типа, вытащил свой наган.

-- Довольно шутить! -- вдруг сурово произнес командир. И обращаясь ко мне:

-- Товарищ комвзвода, арестуйте этого человека!

missvisning gjorde att det var naestan omoejligt foer oss att orientera oss. Jag kan aennu idag inte goera klart foer mig vad detta kunde bero paa.

Naturligtvis var det riskabelt att fortsaetta framaat under saadana foerhaallanden. Bataljonschefen gav order om att goera ett laengre uppehaall.

Jag prickade in den tillryggalagda vaegen paa kartan och gick ut ur stugan foer att hjaelpa pojarna att bygga riskojor -- kojor av faerskt, doftande, skoert granris.

De andra pojarna hoell paa att faella traed till laegereldar.

{91}

(Bildtext: Den hoegvuxna, sekelgamla tallskogen oepnar sig ploetsligt foer att laemna plats aat en sjoe.)

{92}

Kamrat Antikainen lade sig ned paa den vita kurirens aennu varma baedd foer att vila ut naagra timmar och sedan intogs platsen av

Heikkonen och Karjalainen eftersom vaara chefer sov i tur och ordning.

Jag hade gjort i ordning en madrass av ris aat mig och skulle just laegga mig, naer jag fick syn paa en maenniska, som snabbt kom aakande oever sjoen mot oss.

Det var en fullkomligt obekant person, och hans klaeder liknade inte alls vaara.

Jag maaste se efter, hur det kom sig, att vaktposten slaeppt igenom en oberoerig, jag svor till foer mig sjaelv och gick ut foer att moeta den kommande.

Kamrat Heikkonen var redan bredvid mig.

Mannen, som hade ett gevaer av tysk modell oever axeln, gick fram till Heikkonen, gjorde honnoer, drog upp ett litet paket ur sin vaeska och raekte det aat kommandoeren.

Heikkonen tog paketet, tittade skarpt paa den fraemmande och blinkade aat mig. Jag foerstod genast hans ljudloesa befallning och staellde mig bakom mannen samt drog paa nytt fram min revolver.

-- Nog med skaemt! sade Heikkonen ploetsligt skarpt. Vaendande sig till mig sade han:

-- Kamrat plutonchef, arrestera den haer personen!

Забавно было смотреть на растерянное лицо лахтаря. Он сначала подумал, что товарищ Хейконен ошибся, потом -- что сам он сошел с ума. Однако, увидев у своего виска дуло нагана, эстафетчик, очевидно, убедился в реальности происходящего.

-- Товарищ командир, куда его прикажете отвести? -- спросил я, обезоружив пленного.

Слово "товарищ" в обращении к командиру, очевидно, окончательно убедило захваченного, что он попал к красным; он сразу замолк, и ни одного слова я от него больше не услышал.

-- Отведите его к первому пленному.

Письмо, врученное эстафетчиком товарищу Хейконену, заключало в себе очередное распоряжение командующего фронтом Илмаринена начальнику заставы Конец-острове, фельдфебелю Риута.

В распоряжении, между прочим, говорилось о том, что до штаба доходят смутные слухи о появлении около Ребол какой-то красной банды -- вероятно, местной партизанской; требовалось немедленное донесение, соответствуют ли эти слухи действительности, и сообщалось, что на всякий случай для усиления отряда Риута к нему из Кимас-озера выходит подкрепление, которое прибудет в Конец-остров не позже чем через двадцать четыре часа после письма.

Значит, отряд Риута отошел через Ровкулы в Финляндию. Значит, через несколько часов нам предстоит встреча с под-

<74>
креплением, идущим из Кимас-озера. Значит, в Кимас-озере ничего не знали по-настоящему о нас.

Пока все было благополучно, если не считать нескольких случаев рвоты у ребят. Если бы не мы сами зарезали коровы, мясом которой питались, никто не усомнился бы, что мы питались какой-то падалью.

Антикайнен усилил караулы.

Det var skrattretande att se vitfinnens foervaanade uppsyn. Han trodde foerst att kamrat Heikkonen hade tagit fel, och daerefter att han sjaelv hade blivit tokig. Men naer han kaende min revolver i nacken, blev den fientlige kuriren tydliggen oevertygad om att han inte hade droemt alltsammans.

-- Kamrat kommandoer. Vart befaller ni att jag skall foera honom? fraagade jag, sedan jag avvaepnat faangen.

Ordet "kamrat" som jag uttalade daa jag vaende mig till kommandoeren, hade tydliggen slutgiltigt oevertygat den faangne om att han kommit till de roeda och eftersom han var en medveten vitgardist, fick vi aldrig ur honom naagonting annat aen "ja" och "nej" som svar paa vaara direkta fraagor.

-- Foer honom till den andra faangen!
{93}

Brevet, som den vite kuriren hade laemnat kamrat Heikkonen, innehoell en order fraan frontbefaelhavaren Ilmarinen till befaelhavaren foer faeltposten i Saarenpaeae, faeltvaebeln Riuta.

I ordern sades bl a att staden hade hoert rykten om att det ploetsligt hade dykt upp naagra band roedgardister i naerheten av Repola -- troligen en partisanavdelning av ortsbefolkningen -- och det kraevdes omedelbart rapport om dessa rykten hade naagon grund. Det meddelades vidare, att foerstaerkning avsaents fraan Kiimasjaervi till Riutas faeltpost. Den skulle komma till Saarenpaeae senast tjugofyra timmar efter budbaerarens ankomst.

Det var alltsaa Riutas avdelning, som oever Roukkola hade gaatt till Finland. Efter naagra timmar skulle vi saaledes moeta den foer-

staerkning, som avsaents fraan Kiimasjaervi, och i den fientliga staben hade man inga upplysningar om oss.

Allt var fortfarande bra, om man undantar att naagra av pojarna boerjade kraekas. Om vi inte sjaelva hade slaktat den ko, vars koett vi aat, saa skulle ingen av oss en enda minut ha tvivlat paa att kon var sjaelvdoed.

Heikkonen foerstaerkte vaktposterna. Foerstaerkningen fraan Kiimasjaervi till Riuta var aennu inte naera.

Медленно проходила зимняя метельная ночь в лесу у ракатулетов.

Natten gick langsamt i skogen, daer vi laag bredvid laegereldarna, plaagade av den tjutande snoestormen.

Решительный бой был близок.

Den avgoerande striden var foerestaaende.

По рассказу эстафетчика, в Кимас-озере было больше трехсот вооруженных лахтарей да и в ближайших деревнях не меньше того.

Enligt den tillfaangatagne vitgardistens beraettelse skulle inte mindre aen 300 vaelbevaepnade slaktare befinna sig i Kiimasjaervi och i de omkringliggande byarna ungefaer lika maanga. Vi befann oss nu i de fientliga stridskrafternas centrum och paa ett avstaand av trehundra kilometer fraan vaara egna.

Мы были, в самом центре вражеских боевых сил и на расстоянии трехсот километров от своих.

Paa morgonen broet vi aater upp och fortsatte vaar avbrutna marsch, slaepande paa vaar krigsutrustning, utsvultna som haestar paa grund av foderbrist, men beredda att varje sekund gaa till strid.

Утром мы снова пошли вперед, таша на себе боевой груз, отошав, как кони от бескормицы, готовые каждую секунду принять бой.

Снова мелькание палок, сосновых стволов, снова хрустящий снег под скользящими лыжами, снова перелески, овраги, снова лес, замерзшие речки и лесные озера...

Aaterigen skymtade skidstavavar och tallstammar; aaterigen snoe, som gnistrade under de glidande skidorna; aaterigen ungskog och skogsglaentor; aaterigen skog, tillfrusna baeckar och skogssjoear. {94}

Мы идем вперед. Метель улеглась спать в пуховые сугробы.

Vi aaker framaat. Snoestormen hade lagt sig till vila i de duniga snoedrivorna.

-- Кстати, Лейно, кто родился: мальчик или девочка?

-- Apropaa Leino, var det en pojke eller flicka som foeddes?

-- Гражданин Советской Карелии, -- улыбнулся Лейно.

-- En medborgare i Sovjet-Karelen, skrattade Leino.

-- Нажимай, нажимай, ребята! -- подгоняет Антикайнен.

-- Kraftigare tag, kraftigare tag pojkar! skyndade Antikainen paa pojkarne, naer han aakte foerbi oss.

-- Товарищи, кто из вас говорит с карельским акцентом? -- спрашивает он.

-- Kamrater! Vem av er talar med karelsk dialekt eller kaenner till den? fraagade kommendoeren.

Вызвались Рахияки и Яскелайнен. Им еще до революции приходилось бывать в Карелии на лесоразработках.

Kamraterna Rahimaeki och Jaeaeskelaeinen anmaelde sig. De hade foere revolutionen varit i Karelen paa skogsavverkning.

Никогда не думали их родители, что они будут учиться на красных командиров, -- судьба готовила им профессию лесорубов.

Aldrig hade deras foeraeldrar taenkt sig att de skulle utbildas till kommendoerer i Roeda armeen. Oedet hade ju bestaemt dem foer skogshuggarens yrke.

Мой взвод был головным, Рахияки и Яскелайнен пошли с моим взводом.

Min pluton gick nu i taeten. Rahimaeki och Jaeaeskelaeinen foeljde med min pluton.

-- Крепкий мальчик, говоришь? -- обращаюсь я к Лейно на ходу.

-- Var det en stoeddig grabb? fraagade jag Leino.

-- Спрашиваешь! -- торжествующе отвечает он. -- У такой акушерки да

-- Och det fraagar du? svarade han stolt. Med en saa fin barnmorska

чтобы плохой был!

Мы идем впереди своего отряда в белых балахонах без всякой дороги. Груз давит мне на плечи, но, черт побери, не все ли равно теперь уже! Завтра, может быть, из всего отряда ни одного парня не останется в живых. А какие парни, какие молодцы!

-- Иди, иди живее! -- покрикиваю я на пленного эстафетчика, который ведет нас по им же самим проложенному следу.

<75>

И вдруг замечаю: метров за пятьдесят идет навстречу группа людей -- вооруженных, одетых не по форме, но не совсем штатских. Они увидели нас и остановились.

-- Начинай! -- дал я знак Рахияки.

Рахияки протяжным напевом, напоминающим русский, запел песню по-карельский.

Пел он спокойно и медленно, и шли мы тоже медленно, внешне не принимая никаких мер предосторожности. На самом же деле я, взяв одну из па-

лок под мышку, освободившейся рукой поворачивал под балахоном барабан нагана, ощупывая, все ли патроны на своих местах в гнездах.

-- Тоже господин фельдфебель дает приказания! -- деланно недовольным тоном перебил песню Яскелайнен. -- Пошел бы в такую дорогу сам Риута!

Эти слова, несомненно услышанные лахтарями, окончательно убедили их в том, что мы свои.

-- Кто вы?

-- Из отряда Риута. Нет ли у вас, ребята, покурить? -- приостановил свой запев Рахияки.

Мы въехали в середину отряда противника. На двух лахтарях были форменные егерские шапки. Нас было девять, их -- десять.

-- А мы на помощь отряду Риута. Действительно красные бандиты у вас там зашевелились?

maaste det ju gaa bra.

Vi aaker foere hela bataljonen i vaara vita skyddskaapor genom den elandiga terraengen. Packningen trycker paa axlarna, men, foer tusan, nu goer det i alla fall detsamma! I morgon kan det haenda, att inte en enda pojke av hela bataljonen aer i livet. Och taenk, vilka pojkar, vilka kraftiga pojkar! Vilka praektiga pojkar! Och alla aer kommunister!

-- Gaa paa fortare! skriker jag aat den faangne vitgardisten, som visar oss vaegen efter det skidspaar, som han sjaelv gjort.

Ploetsligt faar jag se en grupp maenniskor komma emot oss paa ungefaer femtio meters avstaand. Bevaepnade maenniskor, inte uniformsklaedda, men inte heller fullstaendigt civila. De fick syn paa oss och stannade.

-- Boerja! sade jag och gav ett tecken aat Rahimaeki.

Rahimaeki tog upp en laangdragen saang paa karelsk dialekt, som mycket liknade ryska. Han sjoeng laangsam och lugnt och vi gick ocksaa laangsam, till synes utan att foereta naagra som helst foersiktighetsaatgaerder. Men i sjaelva verket tog jag en av sta-
{95}

varna under armen och med den lediga armen osaekrade jag min revolver och kaende samtidigt efter att alla patronerna satt paa sina platser.

-- Det var ena djaekla order, faeltvaebelner! avbroet Jaeaeskelaeinen saangen med en missnoejd ton. Den haer djaekla vaegen kunde Riuta ha aakt sjaelv!

Dessa ord, som otvivelaktigt hoerdes av fienden, oevertygade dem fullstaendigt om, att det var deras egna, som kom.

-- Vad aer ni foer ena?

-- Vi aer fraan Riutas kompani! Har ni ingenting att roeka, pojkar? sade Rahimaeki och avslutade sin saang.

Vi aakte mitt in bland fienderna. Tvaa av dem hade jaegarkompaniets moessor paa sig. Vi var nio och de var tio man.

-- Vi aer paa vaeg foer att foerstaerka Riutas faeltpost.

-- Aer det sant att de roeda banditerna boerjat att roera paa sig daer borta hos er?

-- Сказки одни! -- ответил Лейно. --
Откуда им здесь взяться?

-- Det aer bara sagor ... svarade
Leino. Hur tusan skulle de kunna
komma hit?

-- А если бы и взялись, так смерти
своей не порадовались бы, -- вступил
в мирную беседу лахтарь в егерской
шапке, парень лет двадцати.

-- Om de skulle komma och vi fick
tag i dem, skulle de inte faa naagon
laett doed, blandade sig en 20-aarig
slaktare med jaegarmoessa in i det
fredliga samtalet.

Во время разговора, который мы вели
нарочно в замедленном темпе,
передовая часть отряда незаметно
подошла к месту действия и почти
вплотную окружила нашу группу. Куст
можжевельника качнулся; подошедший
Армас дышал прямо в затылок. Я живо
обернулся, увидел поднимающийся пар
его дыхания и громко крикнул:

Under samtalet, som vi med flit
foerde mycket laangsam, hade de
fraemsta av vaar bataljon obemaerkt
kommit fram till skaadeplatsen och
naestan fullstaendigt omringat vaar
grupp. Den bakom en enbuske
uppsykande Kalle andades raett i
nacken paa mig. Jag vaende mig om, saag
att alla mina pojkar var beredda och
kommenderade hoegt:

-- Смирно, слушай мою команду! Руки
вверх!

-- Giv akt! Lyd order! Upp med
haenderna!

Лохтари не успели даже толком
сообразить, что и почему, как были
захвачены и разоружены.
Впрочем, они
и не думали сопротивляться.

Slaktarna hann inte ens riktigt faa
klart foer sig varfoer och hur de
blivit tillfaangatagna och avvaepnade.

De taenkte inte paa att goera motstaand.

Самый старший из них -- человек с
окладистой русой бородой -- ответил
Антикайнену на вопрос, как он попал
в отряд.

Den aeldste av dem -- en man med
stort, roett helskaegg -- svarade paa
Antikainens fraaga, hur han hade
kommit med bland vitfinnarnas
styrkor.

-- Как не попасть, когда мобилизация
поголовная, от восемнадцати до
сорока лет! -- И он злобно плюнул на
снег. --

-- Hur skulle man slippa undan, naer
de mobiliserade alla maen fraan 14
till 40 aar! Och han spottade argt i
snoen.

<76>
Когда они

Naer de
{96}

пришли сюда из Финляндии, говорили,
что им семь держав помощь посылают,
и хлеба семь миллионов килограммов
уже в пути находятся, и продналог и
продразверстку совсем, навсегда
отменяют. Многие тогда сдуру и
записались сами.

kom fraan Finland beraettade de, att
sju laender skulle saenda dem hjalp,
att sju miljoner kilo spannmaal var
paa vaeg och att tvaangsrekvisitionen
en gaang foer alla skulle avskaffas.
Maanga gick daa av dumhet och anmaelde
sig, och sedan aer det inte saa laett
att dra sig tillbaka, naer man har med
saadana haer djaeklar att goera -- och han
tittade argt paa finnen i jaegarmoessa.
-- Sjaelv blev jag mobiliserad,
tvaangsmobiliserad.

Ну, а я сам-то мобилизованный,
силой мобилизованный.

Av de tio visade det sig, att sju
var tvaangsmobiliserade.

Из десяти человек семь оказались
мобилизованными.

Двое, в егерских шапках, прибыли из
Финляндии в момент восстания.

De tva i jaegarmoessorna hade kommit
fraan Finland, naer upproret utbroet.

Один из них, по-видимому начальник
группы, был студентом Хельсинкского
университета, другой -- сыном
деревенского торговца.

En av dem -- foermodligen patrullens
befaelhavare -- var student vid
Helsingfors universitet. Den andre
var son till en rik lanthandlare
naagonstans i Finland.

Это были "освободители"

Detta var Karelens "befriare". De

Карелии. Они "освободили" ее от всего того немногого, чем она до того владела: они и подобные им "освободили" от жизни тысячи финских рабочих, и, если бы могли, они, не задумываясь, перерезали бы сотни тысяч русских рабочих...

Студент замкнулся в себе и все время молчал.

Второй же сначала, видимо, очень боялся, что мы прикончим пленных таким же манером, каким в подобных случаях действовал он сам; но, видя, что мы, кроме жесткого вопроса, ничего с ним не собираемся делать, разошелся, начал болтать и говорить даже то, о чем его никто и не спрашивал. Через полчаса он даже обнаглел и развеселился.

От пленных мы узнали, что следующий этап связи находился в рыбацких хижинах, верстах в четырнадцати от Кимас-озера, что туда должен скоро прийти, а может быть, уже и пришел второй отряд, идущий на помощь фельдфебелю Риута.

Мы пошли вперед.

У нескольких пленных сняли верхнюю одежду -- их полушубки, валенки, варежки, шапки, -- и, по приказанию нашего изобретательнейшего командира товарища Антикайна, Рахияки, Яскелайнен и Лейно нацепили на себя всю эту сбрую и отправились минут на восемь-десять ходьбы впереди отряда.

Они должны были явиться в лесную избу и сказать, что фельдфебель Риута сам со своим отрядом идет из Конец-острова в Кимас-озеро, что никакой опасности нет и что лучше всего лишних сил на ходьбу.

Во время этих разговоров отряд должен окружить избу со всеми, кто в ней на-

<77>

ходился, потому что ни один человек не должен проскочить в Кимас-озеро раньше нашего отряда.

Это было условие, не выполнив которое мы сразу проиграли бы все.

Один человек, видевший нас и не захваченный нами, означал бы полную

hade "befriat" Karelen fraan det lilla, som landet foerut aegt: de och deras gelikar "befriade" tusentals finska arbetare fraan deras liv och om de kunnat, saa skulle de med glaedje ha skurit strupen av hundratusentals ryska arbetare.

Studenten visade sig vara inbunden och teg hela tiden.

Den andre var troligen i boerjan raedd foer att vi skulle goera slut paa faangarna paa samma saett som han sjaelv gjorde i liknande fall, men daa han saag att vi, med undantag foer straengt foerhoer, inte taenkte kroeka ett haar paa hans huvud, blev han mera spraaksam och pratade t o m om saadant, som ingen hade fraagat honom om. Efter en halvtimme blev han t o m fraeck och boerjade att skaemta. Han var ett aekta kraek.

Av faangarna fick vi reda paa att naesta etapp i foerbindelsetjaensten var inkvarterad i fiskarkojorna ungefaer 14 kilometer fraan Kiimasjaervi och att den andra gruppen, som var skickad till faeltvaebeln Riutas hjaelp snart skulle komma dit -- ja kanske redan hade anlaent.

Vi fortsatte framaat.

Vi tog av naagra faangar deras ytterklaeder, paelsar, filtstoevlar och vantar och moessor och paa vaar uppfinningsrike kommandoers, kamrat Antikainens, order klaedde sig Rahimaeki, Jaaeskelaeinen och Leino i hela "haerligheten" och aakte ivaeg aatta, tio minuter foere bataljonens uppbrott.

{97}

De skulle aaka fram till fiskarkojan och beraetta, att faeltvaebel Riuta sjaelv med hela sin avdelning var paa vaeg fraan Saarenpaeae till Kiimasjaervi, att ingen fara var paa faerde och att det var baest att invaenta faeltvaebeln i fiskarkojan, saa behoevde vi inte spilla energi paa att aaka honom till moetes och sedan aatervaenda samma vaeg. Under detta samtal skulle hela vaar bataljon omringa fiskarkojan och alla

daerinne, saa att inte en sjael undkom och kunde komma till Kiimasjaervi foere vaar skidloeparbataljon.

Detta maaste absolut fullfoeljas, i annat fall skulle hela vaar strapatsrika expedition vara foergaeves.

Om en enda maenniska skulle faa syn paa oss och vi inte skulle faa tag i

гибель нашего отряда.

Мы шли вперед, осторожно следя за каждым деревом, за каждым кустом.

Лишних выстрелов не могло быть. Каждый выстрел был бы здесь лишним.

Уже кончился короткий зимний день, и ночь полностью охватывала леса со всей пернатой, и млекопитающей, и плохо питающейся -- как мы, например, -- живностью, когда мы увидели яркий костер у рыбацких изб.

Около избы стояли сани. Несколько человек беседовали у костра с нашими посланцами; беседа протекала, по-видимому, мирно.

Развязываются кисеты, и запах табака-кепстена тревожит наши привыкшие к махорке ноздри.

Мы окружили избы. Подходим к ним всё ближе, почти вплотную.

И вот резкая команда:

-- Смирно, руки вверх! Кто побежит -- будет мертв!

Все застыли в изумлении от неожиданности, но один из них сделал резкий скачок в сторону от костра, к лесу. Я, не успев прицелиться, выстрелил в него из верного моего нагана. Однако он исчез в темноте.

Я побежал за ним. У него было преимущество; он был в темноте -- я шел от костра на

него. Но я тогда об этом не думал. Главное -- не упустить. Главное -- не дать ему уйти.

-- Сдайся, и ты будешь жить! -- крикнул я.

Но в ответ получил дикую ругань, и выстрел едва не ожег меня.

На вспышку выстрела я выпустил один за другим три патрона.

Ответа не последовало. Я прошел вперед.

В пяти шагах от меня лежало еще теплое тело. Человек был мертв.

honom, saa skulle det betyda hela bataljonens undergaang.

Vi aakte framaat och undersoekte foersiktigt varje traed och varje buske.

Inget oeverfloedigt skott fick avlossas. Och haer skulle varje skott vara oeverfloedigt.

Den korta vinterdagen var redan till aenda, och natten hoeljde in hela skogen med alla dess innevaanare, baade faaglar och daeggdjur och uthungrade djur, som vi t ex, naer vi fick syn paa en flammande laegereld vid fiskarkojorna.

Vid en av kojorna staar en slaede. Naagra personer sitter vid laegerelden och spraakar med vaara utskickade. Samtalet tycks vara mycket fredligt.

Tobakspaasarna kom fram och lukten fraan den goda "Capstan"-tobaken retade vaara vid daalig tobak vanda naesborrar.

Vi omringade stugorna. Vi kom allt naermare, naestan inpaa dem.

Och saa ploetsligt ett skarpt kommando:

-- Giv akt! Upp med haenderna! Den som flyr blir skjuten!

Alla stelnade till i foervaaning och fruktan, men en av dem gjorde ett snabbt hopp fraan elden i riktning mot skogen. Jag skoet efter honom utan noggrant sikte med min troгна revolver. Han naestan foersvann i moerkret.

Jag sprang efter honom, men han hade en foerdel: han befann sig i moerkret -- och jag i ljuset fraan laegerelden mot

{98} honom. Jag taenkte inte paa detta. Huvudsaken var att han inte slapp undan. Huvudsaken var att inte laata honom fly.

-- Ge dig! Saa faar du leva! skrek jag.

Som svar fick jag endast naagra grova svordomar och ett skott, som var saa naera, att det naestan svedde mig. Jag skoet tre skott efter varandra i riktning mot revolverflamman.

Det kom inget svar. Jag gick framaat.

Fem steg fraan mig laag en aennu varm maenniskokropp. Han var doed.

Десять пленных были живы. А всего мы захватили за сутки двадцать человек. Их надо было отправить в тыл, в Реболы, куда уже должна была прибыть часть южной колонны.

-- Ночевать будем здесь, -- объявил нам Антикайнен с веселой усмешкой.

-- Можете заваривать в котелке весь ваш чай. В Кимас-озере получим новый, а до него всего четырнадцать верст.

И мы расположились на последнюю нашу ночевку перед

<78>

решительным боем. Может быть, последнюю ночевку для большинства из нас...

Костры горели ярко -- я никогда не видал таких ярких костров, как в ту ночь. Я у костра очерчивал сегодняшний путь на карте, когда Суси встал и пошел от рыбацких хижин.

-- Куда он? -- спросил я у сидевшего рядом со мной командира роты Хейконена.

-- Завтра утром -- решающая операция. Суси сам пошел в разведку.

Пленный, сынок торговца из Финляндии, тем временем совсем разошелся:

-- Зачем я пошел в армию и сюда, в Карелию? А потому, что с детства еще очень люблю командовать. Я хочу офицером стать.

Другой пленный, студент, смотрел на краснобая с нескрываемым презрением.

-- На нашу голову офицером стать захотел! -- хмуро вставил пленный, мобилизованный лахтарями уроженец Конец-острова.

-- Тоже человек! -- сказал бородач, обращаясь к Армасу.

-- Недельку назад, когда некоторые ребята наши сказали, что не хотят драться с красными, как собака перед строем забегал, маузер выташил и вопил "Всех расстреляю!"

Сын торговца, слушая эти слова, даже съезжился.

Tio av faangarna var i livet. Allt som allt hade vi under ett dygn tagit tjugo faangar. De maaste foeras tillbaka till Repola, dit vaar soedra kolonn snart maaste komma.

-- Vi oevernattar haer, sade Antikainen aat oss i glad ton.

-- Ni kan koka te paa de baesta teblad ni har kvar. Vi faar nytt i Kiimasjaervi, och dit har vi bara 14 kilometer.

Vi gjorde oss i ordning foer vaar sista natt foere den

avgoerande striden. Kanske den sista natten i livet foer de flesta av oss.

*

Eldarna brann klart -- jag har aldrig sett saa klara laegereldar som denna natt. Jag satt vid en av eldarna och prickade in dagens faerd, naer Susi reste sig och foersvann in i skogen.

-- Vart skall han ta vaegen? fraagade jag Heikkonen som satt bredvid mig.

-- I morgon bitti foerestaar den avgoerande striden. Kamrat Susi gaar daerfoer sjaelv ut paa rekognoscering.

Den faangne finske grosshandlarsonen hade under tiden slagit sig fullkomligt loes.

-- Varfoer jag gick in i armeen och kom hit till Karelen? Det var daerfoer att jag sedan barndomen har tyckt om att kommendera, och jag vill bli officer.

Den andre faangen -- studenten -- tittade med oepet foerakt paa skraevlaren.

-- Du ville bli officer foer att kunna kommendera oss! tillfogade bittert den faange, som blivit mobiliserad av slaktarna, och som sjaelv bodde i Saarenpaeae.
{99}

-- Det aer en fin typ! sade den skaeggige och vaende sig mot Kalle. -- Foer en vecka sedan, naer naagra av pojarna foerklarade, att de inte ville slaass emot de roeda, sprang han som en rasande framfoer ledet och skrek att han skulle skjuta ned oss allihop!

Grosshandlarsonen hoerde repliken och liksom hajade till.

-- Макарьев из Кимас-озера вышел вперед и сказал ему, -- продолжал мобилизованный: -- "Стреляй, коли рука не дрогнет! Много ль перестреляешь? Слышали мы выстрелы и сами готовы стрелять, когда потребуется!"

Так тот тип, которого он убил, -- пленный кивнул головой в мою сторону, -- на месте Макарьева пристрелил. Вот как!..

-- Ты, может быть, к нам в Петроград на командные курсы поступишь? -- спокойно спросил Армас. -- У нас на командиров обучают.

Сынок торговца принял слова Армаса за чистую монету и обрадованно забеспокоился:

-- А что, меня примут? Если примут, так что же, я не против... Я даже очень хорошо красным офицером выйти могу: ведь я очень люблю командовать, а сам я всегда левым был... Вы мне дадите рекомендацию в вашу школу? -- залезил он перед Армасом.

Но здесь добродушие покинуло Армаса, и он крикнул:

-- Я дам тебе лучшую рекомендацию -- на тот свет! Приготовь там помещение для твоего папаша: его тоже скоро пошлют вслед за тобой.

<79>

-- Лейно, у меня осталось еще полфунта хлеба. Дай нож, я разделю на троих.

Я разломал остаток краюхи. Вероятно, для многих из нас это последний ужин.

Мы засыпали.

Так проходила морозная ночь, последняя перед Кимас-озером.

Опять нажигало с одного боку и подмораживало другой; опять трещали сосны и сидели у костров сторожевые; опять казалось в полусне, что не

было начала походу нашему, не будет ему и конца...

-- Makariev fraan Kiimasjaervi gick fram och sade till honom, fortsatte den mobiliserade. "Skjut om inte handen darrar! Laat oss se hur maanga du hinner skjuta! Vi har hoert skott foerut och kan sjaelva skjuta, naer det behoevs!"

-- Det var den daer djaevulen som du nyss skoet ned -- och den faangne nickade aat mitt haall -- som skoet kamrat Makariev. Saa var det ...

-- Vill du kanske komma till oss i Petrograd paa vaar skola och utbilda dig till kommandoer, fraagade Kalle lugnt.

Grosshandlarsonen tog Kalles skjortor foer allvar och boerjade glatt att pladdra:

-- Tror du de tar emot mig daa? Om de tar emot mig, saa har jag ingenting emot saken. Tvaertom, jag kan t o m bli en bra roed officer, ty jag tycker om att kommendera och har alltid varit radikal. Ger ni mig en rekommendation till er skola? sade han instaellsamt aat Kalle.

Men haer foersvann Kalles skaemtlynne och han skrek till:

-- Jag skall ge dig mina baesta rekommendationer foer intraede i en annan vaerld. Du kan bestaella plats foer farsan din ocksaa daer. Han kommer snart att skickas samma vaeg som du.

-- Leino. Jag har aennu ett halvt skaalpund kvar av praestbroedet. Ta hit kniven, saa skall jag dela det i tre delar.

-- Bryt broedet med haenderna, svarade Leino. Kniven faar du inte. Vid foerlossningen inne i stugan skar jag av navelstraengen med den och sedan boerjade den nyfoedda grabben att skrika. Han hade kraftiga lungor.

Jag broet soender det sista broedstycket.

Sedan somnade vi.

Saa gick den kalla natten, den sista foere Kiimasjaervi.

Aaterigen stektes den ena sidan av kroppen och den andra froes, aaterigen sprakade elden, aaterigen satt vaktposterna vid
{100}
laegereldarna, aaterigen tycktes det som om vaart faelttaag var utan boerjan och slut ...

Если завтра мы не уничтожим
неприятельский штаб (цель нашего
рейда), война может затянуться до
весны.

Летом воевать здесь невозможно:
болота, озера, полное
бездорожье.

Глава девятая
Падение Кимас-озера

Мы вышли в четыре часа утра 20
января.

Было совсем темно.

Пленных отправили в тыл.

Их конвоировали только два человека.
Это был, пожалуй, немалый риск: ведь
каждую минуту можно встретить белых.

Не знаю, знакомо ли тебе подобное
ощущение: ты очень устал, только что
стал засыпать, как вдруг тебя
выбивают из этого сна.

Ты только что стал отогреваться у
огня лесного костра, и тебя отрывают
от него, чтобы послать в холодную,
черную зимнюю ночь.

И мы шли...

Никаких разговоров, никаких
перекуров.

Шли в сосредоточенном молчании.
Даже Антикайнен и Хейконен, любившие
пошутить, молчали. И лишь по их
напряженным лицам да по тому еще,
как Антикайнен рывками отталкивался
на ходу палками, а не плавно, как он
делал всегда, можно было догадаться
о серьезности положения, о трудности
нашего предприятия. Так мы шли, в
напряженнейшем молчании, почти
бегом, больше часа, когда перед нами
на условленном месте вырос Суси, с
вечера уходивший в разведку.
<80>

Наш батальон остановился. Товарищ
Антикайнен, командиры рот и Суси
стали в кружок.

Om vi inte i morgon foerintar
fiendens stab (vilket var aendamaalet
med expeditionen), saa kommer kriget
att dra ut aenda till vaaren.

Paa sommaren aer det omoejligt att foera
krig haer. Kaerr, sjoear, fullkomlig
avsaknad av vaegar.

Under denna tid hinner Nationernas
Foerbund naturligtvis att foerena
Karelen med Finland, utan att fraaga
efter de "befriades" oenskan. Den 30
januari aer det visst faststaellt att
Folkfoerbundet skall ha sammantraede.
Sovjet-Karelen kommer kanske att faa
samma oede som Bessarabien.

{101}
AaTTONDE KAPITLET

Den 20 januari klockan 4 paa morgonen
broet vi upp.

Det var alldeles moerkt.

Faangarna skickade vi tillbaka till
Repola.

De vaktades av endast tvaa man. Det
var givetvis en raett stor risk:
varje minut kunde man ju vaenta sig
att moeta naagra av de vita
banditerna.

Jag vet inte om du naagonsin har kaent
foeljande: du aer mycket troett, har
nyss somnat in ordentligt -- och saa
blir du ploetsligt vaeckt ur soemnen.

Du har just hunnit att bli en smula
varm av laegerelden -- saa sliter man
dig daerifraan foer att skicka ut dig i
kalla, moerka vinternatten.

Och vi gick.

Inga samtal, ingen roekning!

Vi gick fullkomligt tysta. Till och
med Antikainen och Heikkonen, som
tyckte om att skaemta, var tysta. Paa
deras sammanbitna ansikten och
Antikainens saett att foera stavarna
-- stoetvis istaellet foer det
sedvanliga, mjuka glidet -- kunde
man avlaesa situationens allvar och
svaarigheterna i vaart uppdrag. Saa
gick vi alldeles tysta i rasande
takt naestan en timme, naer kamrat
Susi ploetsligt uppenbarade sig paa
ett foerut avtalat staelle.

Vaar bataljon stannade. Kamraterna
Antikainen, Heikkonen, Karjalainen
och Susi samlades i en krets.

Лицо Суси казалось серым даже в полутьме наступающих сумерек. Он не спал уже больше суток: прошел за это

время около пятидесяти километров и произвел труднейшую ночную разведку.

Позади товарища Суси сидел на своих дровнях крестьянин из Кимас-озера.

Командиры, посоветовавшись, решили действовать как обычно: захватить все дороги и в условленное время одновременным ударом захватить село. По сведениям, добытым от крестьянина, лахтарей в селе не больше трехсот: штаб фронта, 1-й Лесной полк, белый отряд Иссатала Анти -- того зверя, который в 1919 году неистовствовал в Олонце.

Мы сейчас стоим на дороге из Челм-озера в Кимас, отрезая штаб от фронта. Надо закрыть дорогу в Финляндию и ударить с запада. Это поручается второй роте. В наступающих сумерках рассвета крупная фигура Карьялайнена кажется еще больше.

Дорогу на Барыш-наволоку, проложенную сейчас по льду озера, должна перехватить первая рота. Первой же роте под командованием Хейконена поручался лобовой удар.

Было очень тихо. Можно было расслышать пение петухов в селе, можно было расслышать биение наших сердец. Во всяком случае, дыхание наше большинству из нас казалось слишком резким и шумным.

Вторая рота пошла влево. Второй и третий взводы нашей роты стали удаляться вправо.

Мы подошли почти к самому краю склона, ведущего вниз, к озеру. Внизу, на расстоянии полукилометра от нас, на мысу дымились трубы изб, мычали коровы, блеяли овцы, кукарекали петухи; от нас же в деревню шла тишина.

Все, что мы прошли, все, что мы перенесли, -- все это сделано для сегодняшнего боя.

Susis ansikte saag graatt ut till och med i gryningens svaga ljus. Han hade nu inte sovit paa oever ett dygn -- hade under

{102} detta dygn tillryggalagt ungefaer femtio kilometer och genomfoert en svaar, nattlig rekognoscering.

Bakom Susi sitter i en slaede en bonde fraan Kiimasjaervi som Susi tagit tillfaanga.

Kommandoererna besloet att gaa tillvaega som vanligt: besaetta alla vaegar och sedan paa ett bestaemt klockslog gemensamt gaa till anfall mot byn. Enligt de uppgifter, som vi faatt av bonden, var det omkring tre hundra slaktare i byn: frontstaben, de vitas foersta skidloeparregemente, samt Isotalon Anttis partisanavdelning -- det var detta odjur som 1919 utfoerde alla grymheter i Olonets.

Vi staar nu paa vaegen fraan Kemijaervi till Kiimasjaervi, och har redan avskurit stabens foerbindelse med fronten. Vi maaste avskaera vaegen till Finland och slaa till vaesterifraan. Detta oppdrag fick andra kompaniet under Karjalainens befael. I den intraedande gryningen syntes hans figur aennu stoerre och vaeldigare aen vanligt.

Foersta kompaniet skulle besaetta vaegen som gick oever sjoen. Detta kompani, som stod under kamrat Heikkonens befael, skulle utfoera huvudangreppet.

Det var alldeles lugnt. Man kunde hoera tupparna gala i byn, och vi hoerde hur vaara egna hjaertan klappade. I varje fall tyckte de flesta av oss att vaara egna andetag var saa djupa, att de skulle faesta fiendens oppmaerksamhet paa oss.

Karjalainens kompani svaengde upp till vaenster. Foersta och andra plutonerna av vaart kompani boerjade att svaenga aat hoeger.

Vi aakte naestan aenda fram till branten, som sluttade ned mot sjoen. Daer nere, ungefaer en halv kilometer fraan oss paa en udde, syntes roeken fraan stugorna, raamade korna, braekte faaren och gol tupparna. Men i byn kunde man inte hoera ett ljud fraan oss.

Hela den vaeg vi tillryggalagt, alla vaara strapatser -- allt detta var blott foerberedelse till dagens strid. Gott!

Товарищ Хейконен подходит ко мне на скрипящих лыжах. Его валенки потеряли свою обычную форму, как бы расплющились. Его обычно начисто выбритое лицо поросло щетиной, но голос его по-прежнему уверен.

Kamrat Heikkonen kom fram till mig paa sina gnisslande skidor. Hans filtstoevlar hade foerlorat sin vanliga form, de hade liksom tillplattats. Hans i vanliga fall renrakade ansikte taecktes nu av veckogammal skaeggvaext, men hans roest aer som vanligt saeker {103} och hans oegon aaterspeglar en inre entusiasm infoer den stundande striden.

"Кто из нас переживет этот день? -- думаю я. -- Как бы там ни было, каждый наш убитый заберет с собой в царство небесное не меньше двух лахтарей".

-- Vem av oss kommer att oeverleva denna dag? taenkte jag. Hur det aen gaar, saa kommer var och en av oss, som blir doedad, att ta med sig minst tvaa vitfinnar till himmelriket.

Хейконен обращается ко мне:
<81>

Kamrat Heikkonen vaender sig till mig:

-- Матти, возьми отделение и отправляйся вперед! Надо прощупать положение до конца.

-- Matti, ta patrullen och aak framaat. Vi maaste kaenna oss foer ordentligt.

-- Есть, товарищ командир!

-- Skall ske, kamrat kommendoer!

В первом отделении со мной -- Лейно, Армас, Яскелайнен и еще четыре человека.

I den foersta patrullen aer det foerutom jag, Leino, Kalle, Jaeaeskelaeinen och ytterligare fyra kamrater.

Я беру под козырек, скрытый под балахоном, и, собрав свое отделение, отправляюсь вперед.

-- Skall ske, kamrat kommendoer, sade jag och foerde handen till moessaermen, som sitter dold under den vita kaapan, varefter jag samlade ihop min patrull och aakte framaat.

-- Осторожно, товарищи! -- говорю я ребятам и даю последние указания.

-- Foersiktigt, kamrater, saeger jag aat pojarna och ger dem de sista instruktionerna.

Так мы подходим к скату, к самому краю.

Saa kom vi fram till backens kroen.

Уже почти рассвело, и снег от рассвета серый.

Det var nu naestan alldeles ljust och snoen lyste graa i gryningen.

*

Все, что потом произошло, каждую секунду следующего получаса я запомнил до самых незначительных мелочей на всю жизнь: и неловкие шаги Армаса, вспоминающего, наверно, свой последний спуск с горы, и сверкающие глаза Лейно, и его продранную варежку, из которой нелепо вылезал большой палец, и ноющую боль от глубокой царапины на ладони, полученной во время перехода через Массельгское ущелье.

Allt vad som sedan skedde, varje sekund under den foeljande halvtimmen skall jag minnas i minsta detalj under hela mitt liv: Kalles osaekra glid -- han erinrade sig saekert hur det gick sist han skulle aaka nedfoer en backe -- Leinos lysande oegon och hans soenderrivna vante, ur vilken tummen envist tittade ut, den stingande smaertan i handen efter saaret, som jag fick daa vi gick oever Latvavaara ...

-- Вперед! -- сказал я и нагнулся немного, приготовившись к крутому спуску. -- Вперед, товарищи! -- повторил я и оттолкнулся двумя палками.

-- Framaat! sade jag och boejde mig ner lite, foerberedande mig foer den branta backen. -- Framaat, kamrater! sade jag och tog fart med baegge stavarna.

И сразу рывок этот вынес меня вперед и понес вниз -- вниз по прекрасному снегу, с быстротой, захватывающей дыхание, с плавностью легкого планера.

Что может быть лучше быстрого спуска по снежному склону на крепких лыжах!

Я летел вниз. С такого разбега можно было спокойно пролететь по ровному месту шагов триста. Так я и сделал.

Льжи несли меня прямо на деревню по гладкому снегу, по ровному озеру.

Я стоял, уже выпрямившись во весь рост, и тут увидел в ста-полтораста шагах от себя трех вооруженных людей, стоявших у крайних изб (может быть, бань).

Люди эти заметили наш спуск.

Я оглянулся -- в десяти шагах позади меня шел Лейно. Остальная шестерка барахталась шагах в двухстах, у самой подошвы склона.

Один собирал разъехавшиеся в стороны лыжи, другой поднимался на ноги, стряхивая снег, набившийся за шиворот и в валенки. Все, к счастью, были, в балахонах.

У Армаса свалился штык, он его сейчас насаживал на место. Опять, наверно, из-за Армаса эта свалка произошла. И я разозлился на Армаса за дурацкую настойчивость, с какой он
<82>

вынес весь этот путь, чтобы, может быть, подвести в самую горячую минуту, и на себя -- за то, что потворствовал его упрямству.

-- Лейно, идем вперед! -- шепнул я своему верному другу.

Он кивнул мне, показывая всем своим видом, что понимает и серьезность нашего положения, и задуманный мною план.

Мы медленно, сдерживая себя, пошли вперед, навстречу лахтарям. Я вытащил незаметным движением наган и, взяв обе палки в левую руку (в другой -- револьвер) и держа их за спиной, медленно продолжал идти вперед.

Det haerliga glidet gjorde att detta enda stavtag var tillraeckligt foer att jag skulle aaka nedfoer hela backen i hisnande fart och med en kaensla, som om jag floeg.

Vad kan vara haerligare aen en saadan svindlande fart nedfoer en snoebetaeckt sluttning paa goda skidor?

Jag floeg nedaat. Med en saadan fart kunde man gott ha fortsatt trehundra meter paa den glatta, jaemna isen. Det gjorde jag
{104}
ocksaa. Skidorna foerde mig paa den glatta snoen, oever den slaeta isen direkt till byn.

Jag stod nu uppraett i hela min laengd, och ungefaer 100-150 meter framfoer mig stod tre bevaepnade maen paa post vid en av byns foersta stugor.

Maennen hade sett vaar nedfart.

Jag saag mig om -- tio steg bakom mig kom Leino. De andra sex kamraterna laag och kravlade i snoen ungefaer tvaahundra steg bakom oss vid backens slut.

Den ena hoell paa att leta raett paa sina skidor, den andre reste sig upp, skakade av snoen, som hade traengt in innanfoer halslinningen och i filtstoevlarna. Lyckligtvis var alla iklaedda skyddskaapor.

Kalles bajonett hade lossnat, och han hoell paa att skruva fast den vid gevaeret. Aaterigen var det Kalles fel att det hade blivit en saadan oreda. Jag blev foerbannad paa Kalle foer hans envishets skull. Denna

envishet hade gjort att han uthaerdat hela denna vaeg, men nu skulle han svika i det kritiska oegonblicket. Jag blev foerbannad paa mig sjaelv foer att jag understoett denna dumma envishet.

-- Leino, kom saa gaar vi framaat, viskade jag till min trogne vaen.

Han nickade aat mig och hans ansikte vittnade om att han foerstod baade situationens allvar och den av mig uttaenkta planen.

Vi gick langsamt fram mot slaktarna, ungefaer som paa en ultrarapid-film paa bio. Obemaerkt tog jag fram revolvern, tog baegge stavarna i vaenstra handen (i den andra revolvern) och fortsatte langsamt framaat mot slaktarna.

Сухо щелкнул затвори винтовок
неприятельского дозора.

-- Кто идет?

-- Бросьте ваши штучки, ребята! --
сказал я возмущенно. -- Мы из отряда
Риута -- в своих не стреляем!

Лахтари держались еще настороженно,
недоверчиво и не опускали ружей,
взятых наперевес.

Я оглянулся.

Отделение все встало на лыжи, и
Яскелайнен шел уже по следу Лейно.

Я подумал: "Может быть, этим
ребятам известна каждая морда в
отряде Риута", -- и, подхода еще
ближе, сказал:

-- Нам бы в баню нужно. Нет ли у
тебя закурить?

Неужели они не узнают нас по
штыками, как старик в Конец-острове?

Мой вопрос о табаке, однако,
разогнал остатки настороженности
дозора. И в самом деле: откуда
здесь, в центре белого движения,
могли появиться красные? Даже
предположение такое казалось
нелепым.

Лахтарь опустил винтовку, вытащил из
кармана кисет и стал его
развязывать. Лейно вплотную подошел
к другому лахтарю.

Остальные ребята были уже шагах в
семидесяти.

[Se laengre ner]

Я бросил на снег палки и рукояткой
нагана ударил по голове лахтаря. Он
зашатался и рухнул наземь.

Лейно приставил острые штыка к груди
другого.

Около третьего уже стоял я со

Fiendens vaktpost osaekrade gevaeren
och vi hoerde knaebben, daa mekanismen
drogs tillbaka.

-- Vem daer?

-- Laat bli att skaemta, pojkar, sade
jag med foerebraaende roest, vi tillhoer
Riutas avdelning och skjuter inte paa
vaara egna!

{105}

(Bildtext: Obemaerkt tog jag fram
revolvern, tog baegge stavarna
i vaenstra handen (i den andra
revolvern) och fortsatte laangsam
framaat mot slaktarna.)

{106}

Slaktarna hoell sig aennu avvaktande,
saag misstaenksamma ut och saenkte
gevaeren, som de hoell redo.

Jag saag mig om.

Hela patrullen stod nu aater paa
skidorna och Jaeaeskelaeinen kom redan
i Leinos spaar.

Jag taenkte: Kanhaenda att de haer
grabbarna kaenner till varenda kotte
i Riutas avdelning? jag gick
naermare och sade:

-- Vi skulle behoeva faa tag i en
bastu. Har du naagonting att roeka?

Naer jag talade, saa taenkte jag att om
gubben fraan Saarenpaeae saag paa
bajonetterna, att vi var roeda, daa
maaste ju aeven dessa absolut kaenna
igen oss.

Men min fraaga om tobak skingrade
fullkomligt vaktposternas
sista misstaenksamhet. I sjaelva
verket: hur skulle de roeda kunna
komma hit, mitt i de vita truppernas
centrum? Till och med ett saadant
antagande verkade loejligt.

Slaktaren saenkte gevaeret, tog upp
sin tobakspung ur fickan och boerjade
knyta upp den. Leino gick taett inpaa
den andre slaktaren.

De andra grabbarna var cirka
sjuttio meter efter.

Allt detta hade gaatt fortare
aen att svaelja ned en kopp
kallt kaffe.

Jag kastade stavarna i snoen och slog
med revolverkolven till slaktaren i
huvudet. Han vacklade till och sjoenk
ihop utan att ge ett ljud ifraan sig.

Leino satte bajonettspetsen mot
broestet paa den andre.

Bredvid den tredje stod jag redo med

взведенным наганом.

На все это потребовалось гораздо меньше времени, чем для того, чтобы отхлебнуть глоток кофе.

Ребята были шагах в тридцати. Лахтарям ничего не оставалось сделать, как бросить на снег винтовки.

Ошеломленный ударом лахтарь стал шевелиться, приходя в сознание. Он, очевидно, был начальником: в его кармане я нашел хорошенький полированный заряженный браунинг. Я опустил его себе в валенок.

Валенки до того разносились, <83> что браунинг легко соскользнул вниз, едва ли не до самой щиколотки.

Ребята уже подошли и были немного сконфужены своим падением при спуске.

-- Армас, стереги этих пленных и смотри не падай! -- приказал я.

И мы бросились вперед.

Надо было произвести панику во что бы то ни стало к моменту комбинированного удара со всех сторон.

И вдруг загрохотал, зазвонил во всю мочь колокол кимас-озерской церкви. Он бил, казалось, в каком-то неистовстве. Неужели набат? Неужели нас открыли и собираются к отпору?

А как же иначе? С чего бы стал пономарь в такую рань, в мороз тревожить себя? Мы открыты.

-- Посты у них тут, во всяком случае, лучше, чем в Реболах, -- криво усмехнулся Лейно.

Яскелайнен поставил пулемет на снег у плетня. Шагах в пятидесяти-шестидесяти от нас шагал отряд примерно человек в двадцать.

Нас было семь.

Я оглянулся и посмотрел на склон, по которому минут пять назад скатывалось наше отделение.

Сейчас развернутой шеренгой, словно на спортивном параде, шестьдесят человек в белых балахонах съезжали

revolvern.

[Se laengre opp]

Grabbarna var nu endast trettio meter fraan oss. Slaktarena hade ingenting annat att goera, aen att kasta gevaeren i snoen.

Den av slaget bedoevade slaktaren boerjade att roera paa sig. Han var tydliggen befaelhavaren. I hans ficka hittade jag en polerad, fin-fin, laddad browning, som jag slaeppepte ned i min filtstoevel.

Filtstoevlarna var nu saa uttrampade att browningen laett gled ned, naestan aenda till fotknoelen.

-- Kalle! befallde jag.

Pojkarna hade nu hunnit fram och skaemdes en smula foer att de fallit vid nedfarten.

-- Kalle, bevaka de haer faangarna och se till att du inte ramlar.

Vi andra hastade framaat.
{107}

Vi maaste foersoeka att paa alla vis staella till panik, vid den tidpunkt, daa det samlade anfallet skulle komma fraan alla sidor. Ploetsligt boerjade Kiimasjaervis kyrkklocka att klaemta foer fullt. Det tycktes som om den klaemtade fullkomligt besatt.

Kan det verkligen vara alarm? Aer vi verkligen upptaekta och haaller de paa att samlas till motangrepp?

Vad skulle det annars vara? Varfoer skulle klockaren boerja ringa saa tidigt paa morgonen och i en saadan kyla? Vi aer upptaekta.

-- Vaktposterna haer aer i alla fall baettre aen i Repola, skrattade Leino foerargat.

Jaeaeskelaeinen staelldde upp kulsprutan vid staketet. Ungefaer 50-60 steg fraan oss kom en avdelning paa ungefaer 20 man marscherande.

Vi var sju.

Jag vaende mig om och tittade efter, om det syntes naagot i den nedfoersbacke, daer vaar lilla patrull foer fem minuter sedan hade aakt ned.

Nu kom de nedfoer backen i skyttelinje, precis som om det skulle ha varit en idrottsparad,

вниз по горе, держа
ровные интервалы.

Было приятно смотреть на такой
спуск: никто из них не только не
свалился, но даже не накренился.

Впереди летели Антикайнен и Хейконен.

И опять послышалось в тишине
морозного утра сухое шелканье
затворов.

Ребят уже не было видно на
склоне. Они, наверно, катились по
озеру.

Отряд лахтарей по-прежнему шел на
нас по улице.

И сразу мы услышали несколько
выстрелов у пройденного нами
берега. Из домов повыскакивали
какие-то черные фигуры, и снова --
казалось, над всем озером, над
окрестными лесами -- раздался
громкий голос товарища Антикайнен.

Он ругался теперь последней бранью:

-- Сволочи! Мы идем к вам на
поддержку, пробрались из Финляндии,
а вы нас так встречаете!

И опять молчание. И опять мерные
шаги лахтарского отряда, идущего
прямо на нас.
И опять тревожное
гудение набата. И вдруг новый взрыв
отборной ругани и беспорядочные
выстрелы позади.
<84>

-- Огонь! -- скомандовал я
Яскелайнену.

И морозный воздух январского утра
был разодран сухим треском
пулемета.

Два человека из неприятельского
отряда рухнули. Остальные
рассыпались в недоумении, не зная,
что делать. Пулемет смолк.

Огромный фельдфебель с рыжей
бородой скомандовал:

-- Обойму в магазин! Прицельная
рамка...

-- Вперед, товарищи, ура! Бей
лахтарей! -- скомандовал я и,
размахивая наганом, выскочил из-за
плетня.

Ребята все выскочили за мной.

Я выстрелил из своего нагана два

sextio man i vita skyddskaapor med
jaemna mellanrum.

Det var roligt att se en saadan
nedfart och inte nog med att ingen
av dem foell, det var inte ens naagon
som vacklade.

Fraemst floeg Heikkonen och Antikainen.

Aaterigen hoerdes i den kalla
vintermorgonens tystnad ljudet
fraan gevaersmekanismer, som drogs
tillbaka.

Pojkarna syntes inte laengre i
sluttningen. De aakte troligen just
nu oever sjoen.

Slaktarnas avdelning kom fortfarande
marscherande mot oss paa vaegen.

Ploetsligt hoerde vi flera skott vid
den av oss strax foerut passerade
stranden. Fraan husen hoppade det ut
naagra svarta figurer, och aaterigen
hoerdes oever hela sjoen och hela den
omkringliggande trakten den kraftiga
roesten fraan vaar talare, vaar kaere
kommendoer, kamrat Toivo Antikainen.
Han skaellde med de groevsta skaellsord:
{108}

-- Djaevla dumbommar! Vi kommer fraan
Finland som foerstaerkning och saa
moeter ni oss paa det haer saettet!

Aaterigen tystnad. Aaterigen de jaemna
stegen fraan slaktarnas avdelning,
som marscherade raett emot oss.
Aaterigen kyrkklockornas
nervretande alarmsignaler. Saa
ploetsligt en massa utsoekta svordomar
och stroedda skott.

-- Eld! kommenderade jag aat
Jaeaeskelaeinen.

Januarimorgonens luft fylldes av det
skarpa smattrandet fraan Jaeaeskelaeinens
kulspruta.

Tvaa man ur fiendeavdelningen foell
ihop. Kulsprutan tystnade.
Foervaanade skingrade sig de oevriga
utan att veta, vad de skulle goera.

En storvaext faeltvaebel med roett
skaegg kommenderade:

-- Magasinen klara, osaekra och tag
sikte!

-- Framaat, kamrater. Hurra! Doed aat
slaktarna! kommenderade jag
svaengande revolvern i min ena hand
och hoppade fram bakom staketet.

Alla pojkarna sprang efter mig.

Jag siktade paa det roeda skaegget och

раза, взяв себе мишенью рыжую бороду, но промахнулся.

В пятнадцати шагах от дороги -- сарай с двумя большими щелями вместо окон.

-- За мной! -- кричит фельдфебель и бежит в сарай.

За ним поднимаются из снега другие.

Вбегая в сарай, рыжий оборачивается и, не целясь, бьет из маузера.

Колокол все еще продолжает бубнить, но в его звоне я начинаю улавливать обычную спокойную размеренность, а не панику набата.

Пуля, выпущенная из маузера рыжим фельдфебелем, попала в курсанта моего отделения. Он присел на снег.

-- Матти, не робей! Все в исправности! Ничего -- зацепило легко! кричит он мне, явно сдерживая стон.

Я разрядил вслед рыжему наган, но напрасно: дверь сарая захлопнулась.

Толщина его стен неизвестна, лишних патронов нет, и нет времени на осаду, а из оконной дыры они могут многих наших угробить.

Курсанты остановились, вскинули винтовки. В моем нагане нет больше патронов.

Но ничего, дело поправимое. Я на бегу опускаю руку в валенок, чтобы выудить из него мой трофейный браунинг.

Черта с два! Браунинг за что-то зацепился, и его невозможно вытащить.

Я уже вплотную у сарая.

У самой его стены лежат дрова. Я подбегаю к поленнице, хватаю небольшое, но суковатое полено. Кричу громко, чтобы слышали в сарае:

skoet tvaå skott ur min revolver.

Femton steg fraan vaegen laag ett stort uthus med tvaå laanga gluggar istaellet foer foenster.

-- Efter mig! skrek faeltvaebeln och sprang bort mot uthuset.

De andra, som legat i snoen, reste sig ocksaa upp och sprang efter honom till uthuset. Just som han sprang in i huset, vaende den roedskaeggige sig om och skjuter utan att sikta med sin mauserpistol.

Kyrkklockorna fortsatte att klaemta, men i dess klang boerjade jag nu hoera de vanliga, lugna slagen. Inte laengre en alarmringning.

En kula fraan den roedskaeggige faeltvaebelns mauser traeffade en av pojarna i min patrull. Han satte sig ned i snoen.

-- Matti, var inte aengslig! Det aer ingenting farligt, skriker han aat mig, men det hoers tydligt att han bara med yttersta anstraengning kan tala.

{109}

Jag toemde magasinet i min revolver efter den roedskaeggige, men till ingen nytta; doerren till uthuset smaellde igen.

Vaeggarnas tjocklek var obekant. Baettre patroner fanns inte och inte heller tid till belaegring. Fraan foenstergluggarna kunde de skjuta ner aatskilliga av vaara pojkar.

Pojarna stannade och kastade gevaeren till axeln. I min armeepistol fanns inga patroner; efter gaardagens skott hade jag gloemt att ladda om den. Men det goer ingenting, den saken kan raettas till. Under spraangmarschen sticker jag ned handen i filtstoeveln foer att dra upp min trofee -- browningen.

I helsicke heller! Browninge hade hakat sig fast i naagonting, saa att det var omoejligt att faa upp den.

Inte ens en svordom kunde jag faa ur min mun.

Jag aer alldeles intill uthuset.

Alldeles intill vaeggen ligger en vedtrave. Jag springer fram till den, tar ett litet, men kvistigt vedtrae. Jag skriker hoegt med mina lungors fulla kraft, saa att det skall hoeras inne i uthuset:

-- Товарищи курсанты, отойдите
подальше: я бросаю в
сарай гранату!

Изо всей силы мечу
в дыру сарая полено
и подскакиваю сразу к двери.

Занозы остаются в ладони.

Умный Лейно -- рядом со мной.

Дверь быстро распахивается, и с
маузером в руке выскакивает рыжий
детина. Но, почувствовав у своего
виска дуло
<85>

моего -- черт возьми, незаряженного!
-- нагана, быстро бросает
маузер на снег.

За фельдфебелем выскакивает второй
лахтарь. Его принимает Лейно. Я
передаю бородача подошедшему
курсанту и, стреляя из маузера в
темноту сарая, кричу:

-- Бросайте оружие, выходите на
свет -- жизнь будет сохранена!

И, лишённые своего командира, один
за другим выскочили испуганные
лахтари из своего убежища.

Так первая часть нашей работы
проведена была чисто.

Одиннадцать пленных, горячий маузер
в руке, три револьвера -- для одного
боя более чем достаточно.

Отсюда, от сарая, мне хорошо видна
была церковь с колокольней.

Звон прекратился.

Из церкви выскакивают белые.
Многие
вооружены. Некоторые из них
вскидывают винтовки к плечу и
стреляют в сторону берега.

-- Яскелайнен, -- говорю я товарищу,
-- пулеметный огонь! Направление --
храм божий!

Яскелайнен застрекотал на своей
"швейной машинке".

Лохтари, беспорядочно
отстреливаясь, рассеялись.

-- Вперед, ребята!

У сарая остался один из нас

-- Kamrater, haall er laengre aat
sidan. Jag kastar en handgranat in
i uthuset.

Jag siktar paa haalet i vaeggen och
kastar med all kraft ivaeg vedtraet.
Sjaelv hoppar jag fram till doerren.

Jag fick en massa stickor i handen.

Den kloke Leino aer vid min sida.

Doerren flyger blixtnabbt upp och
med mauserpistolen i handen kommer
den roedskaeggige jaetten uthoppande.
Men naer han kaende mynningen

av min -- jaevlar anamma! --
oladdade revolver vid tinningen
kastade han vid min tillsaegelse
genast mauserpistolen i snoen.

Efter faeltvaebeln kommer en annan
slaktare uthoppande. Honom tar
Leino emot. Jag oeverlaemnar den
skaeggige till en framstormande kamrat
och skjutande med mauserpistolen in i
det moerka uthuset, skriker jag:

-- Kasta ut vapnen och kom ut i
ljuset, saa klarar ni livhanken.

Utan befaelhavare och doedligt
uppskraemda steg slaktarna, en efter
en, ut ur sitt goemstaelle.
{110}

Saaledes var den foersta delen av vaar
uppgift ganska bra genomfoerd.

Elva faangar, en mauserpistol i
handen, tre revolverar, det aer
mer aen tillraeckligt foer en saa
liten skaermytsling.

*

Fraan vaart uthus syntes kyrkan med
klockstapeln.

Klaemtningen hade upphoert.

Ur kyrkan kommer de vita
utspringande. Maanga av dem aer
bevaepnade. Somliga kastar gevaeren
till axeln och skjuter ned mot
stranden.

-- Jaeaeskelaeinen, saeger jag till min
kamrat, kulspruteeld! Sikte: Guds
tempel!

Jaeaeskelaeinen smattrade paa med sin
symaskin.

Slaktarna skoet, men boerjade samtidigt
att oordnat skingra sig.

-- Framaat, pojkar!

En stannade kvar vid uthuset foer att

Г.С. Фиш: Падение Кимас-озера
караулить пленных.

Пять человек бежали за мной.

Площадь перед церковью была уже пуста. Но не успели мы добежать до нее, как из-за изб и изгородей справа выскочил Суси с группой курсантов.

Антикайнен шел впереди.

-- Вперед! -- крикнул он.

И мы бросились за ним.

Мы находились на краю мыса. Остальная часть деревни -- как раз та, где находился штаб, -- лежала перед нами на северном берегу озера, метрах в двухстах-двухстах пятидесяти от нас. Мы выбежали на лед. На другом берегу бегали, суетясь, лахтари. Два человека в офицерской форме распоряжались всем. Один налаживал пулемет.

-- Так-то вы встречаете помощь из Финляндии! -- закричал товарищ Хейконен.

И вдруг в тылу белых, с запада, раздались выстрелы, сначала разрозненные, а затем залпами. Это начала наступление, едва успев занять исходное положение, вторая рота.

Офицер остановился, прислушался:

он, казалось, понял, что мы его обошли. Затем он обернулся и стал быстро уходить на лыжах налево, к лесу.
<86>

За ним побежал второй офицер и еще несколько беляков.

Я не привык обращаться с маузером, и, кроме того, у этого револьвера была слишком резкая отдача. Вот почему все три пули пошли "за молоком". Но все же, размахивая разряженным револьвером, громко выкрикивая ругательства, я бежал вперед, к двухэтажному дому, над которым развевался белый флаг. Лейно был уже впереди меня. Я вскочил на крыльцо.

Слева приближались курсанты второй роты: их вел Карьялайнен.

Антикайнен быстро шел, отдавая приказания:

G.S. Fisch: Kiimasjaervis eroevring
bevaka faangarna.

Fem man sprang med mig.

Platsen framfoer kyrkan var nu alldeles tom. Men vi hann inte dit, foerraen kamrat Susi med en grupp kom framflygande bakom hus och gaerdesgaardar fraan hoeger sida.

Heikkonen gick fraemst.

-- Framaat! skrek han.

Och vi sprang framaat.

Vi var nu vid uddens spets. Den andra delen av byn -- just den daer staben var belaeget -- laag framfoer oss paa sjoens norra sida, ungefaer tvaahundrafemtio meter fraan oss. Vi sprang ut paa isen. Paa den andra stranden sprang slaktarna fram och tillbaka som yra hoens. Tvaa man i finska officersuniformer foerde befaelet. En hoell paa att staella upp en kulspruta.

-- Djaevlar, aer det paa det viset ni moeter hjaelpen fraan Finland! skrek kamrat Heikkonen aat dem.

Och ploetsligt boerjar skott hoeras fraan vaenster, i ryggen paa de vita. Foerst enstaka, sedan i salvor. Det var Karjalainen med det andra kompaniet, som gick till anfall omedelbart efter det han hade intagit den bestaemda positionen.

Officern stannade lyss-

{111}
nande; han hade troligen foerstaatt att vi hade omringat honom. Daerefter vaende han tvaert om och flydde paa skidor aat vaenster, mot skogen.

Efter honom foeljde den andre officeren och naagra vitgardister.

Jag var inte van att handskas med mauserpistol och dessutom aer de otrevligare aen andra pistoler daerfoer att de slaar tillbaka saa kraftigt, naer man skjuter. Det var daerfoer alla tre kulorna "gick och haemtade vatten". Men jag sprang, viftande med den oladdade pistolen och hoegt svaerande fram till det tvaavaaningshus, oever vilket den blaa-vita fanan vajade. Leino var redan foere mig. Jag hoppade upp paa foerstugan.

Fraan vaenster sida naermade sig kamraterna fraan andra kompaniet; det var Karjalainen, som gick i taeten.

Heikkonen sprang snabbt framaat och gav samtidigt befallningar:

-- Немедленно крой вперед, вправо!
Необходимо перехватить штабистов!

На дверях было написано: "Штаб". У
крыльца в нетерпении рыл снег
копытом породистый белый жеребец.

Выстрелы прекратились.

-- Мы взяли деревню, -- сказал мне
спокойно, как на вечерней поверке,
командир.

-- Матти, где твой шлем?

Только после этого внезапного
вопроса я почувствовал холодок на
голове. Проведя рукой по
смерзающимся от выступившего ранее
пота волосами, я убедился, что
действительно шлема не было.

-- Лахтарская пуля, должно быть,
сбила его ко всем чертям! --
почему-то очень громко прокричал я и
вскочил в помещение штаба белых.

Комната напоминала обычную полковую
канцелярию. Товарищ Суси
уже рылся в бумагах,
разбирая их.

Несколько папок с делами
валялось на полу.

Я взглянул на часы-ходики:
они шли спокойно, как будто
ничего не случилось.

Полчаса, всего полчаса назад я
отдавал приказание отделению идти за
мною вниз по склону.

И вдруг я вижу -- командир поднимает
со стола папку, а под папкой лежит
портфель, кожаный портфель со
знакомой монограммой. Ведь это была
точно такая же монограмма, как и на
портфеле штабс-капитана Верховского,
и портфель был вылитой копией
портфеля, захваченного мной в рейде
под Кронштадтом!

Я подскочил к столу,
рванул к себе портфель.
Он был открыт.

Из него посыпались на пол записки,
письма, бумаги. Я поднял конверт и
прочитал: "Штабс-капитан Петру
Ивановичу
<87>

-- Stick oegonblickligen ivaeg, framaat
aat hoeger! Vi maaste absolut faa tag i
stabsofficerarna!

Paa doerren stod skrivet "Stab". Vid
foerstugan stod en fullblodshingst,
otaaligt krafsande med framhoven i
snoen.

Skottlossningen tystnade.

-- Vi har intagit byn, sade
Heikkonen aat mig saa lugnt som om han
gaatt sin vanliga kvaellsrond i
kasernen och kontrollerat.

-- Matti, var aer din moessa?

Och foerst nu maerkte jag ploetsligt
att det var kallt om huvudet. Naer
jag foerde handen oever huvudet, kaende
jag att haaret var fullt av rimfrost
och att moessan verkligen var borta.

-- En slaktares kulor har vael
troligen tagit den, ropade jag hoegt,
utan att sjaelv veta varfoer, och
sprang in i vitgardisternas
huvudkvarter.

Rummet paaminde om ett vanligt
regementskansli. Kamrat Susi hoell
redan paa att graeva i papperen och
sortera dem.

Naagra portfoeljer med dokument laag
kringstroedda paa golvet.

Jag kastade en blick paa den tickande
klockan: den gick lugnt, som om
ingenting hade intraeffat.

*

{112}

Foer en halv timme sedan -- endast
foer en halv timme sedan -- gav jag
order aat patrullen att foelja mig
utfoer stupet.

Och ploetsligt ser jag, att kamrat
Susi fraan golvet tar upp en av
paermarna och under paermen ligger en
portfoelj med ett foer mig mycket
bekant monogram. Det var ju precis
ett likadant monogram, som hade
suttit paa kapten Werhovskijs
portfoelj och denna portfoelj var en
exakt kopia av den som jag eroevrade
vid min spanarfaerd till Kronstadt.

Jag sprang fram till bordet och
ryckte till mig portfoeljen.
Den var oeppen.

Paa golvet ramlade ut en massa
anteckningar, brev och papper. Jag
tog upp ett kuvert och laeste: "Till
kapten Pjotr Ivanovitj

Верховскому. Хельсинки..."
и так далее.

Werhovskij, Helsingfors
o s v".

Штемпель -- Париж.

Brevet var avstaemplat i Paris.

Я поднял листовку. Она была напечатана по-русски (в то время я говорил и понимал по-русски гораздо хуже, чем теперь).

Jag tog upp ett flygblad. Det var tryckt paa ryska. Paa den tiden talade jag och foerstod ryska mycket saemre aen nu.

Суси мне быстро перевел ее на финский язык.

Kamrat Susi oeversatte det snabbt till finska.

Листовка сохранилась у меня вместе с истрепанной картой до сих пор. Вот она:

Jag har aennu flygbladet i foervar tillsammans med det soendertrasade kartbladet.

"Красногвардейцы! Я, финский писатель Клайдо Ильинарк, обращаюсь к вам от имени Временного ухтинского правительства Карелии.

"Roedarmister! Jag, finske skriftstaellaren Ilmari Kianto, vaender mig till Eder i den provisoriska karelska regeringens i Uhtua namn.

Если вы не уйдете из свободной Карелии, то готовьте себе общую братскую могилу, ибо гнев наш будет ужасен.

Om ni ej vill laemna det fria Karelen, saa goer i ordning en gemensam brodergrav aat er, ty vaar haemnd kommer att bli fruktansvaerd

Красноармейцы! Арестовывайте своих коммунистов и комиссаров и переходите к нам. Только в этом ваше спасение!"

Roedarmister! Arrestera era kommunister och kommendoerer och kom oever till oss. Endast daerigenom kan ni raedda er!"

Несмотря на усталость, несмотря на возбужденность, какая бывает в бою, несмотря на серьезность минуты, я не мог удержаться от громкого смеха. И действительно, русский штабс-капитан дерется за освобождение Карелии от "русского красного ига" под лозунгом: "Карелия для карелов!" А я, финн Матти Грен, и финны Лейно, Хейконен, Карьялайнен, Армас, Яскелайнен, Антикайнен, Аханен, Суси, Антила, Кярне, Гренлунд и сотни других боремся за Российскую Советскую Федеративную Социалистическую Республику и ее автономную часть -- Карелию -- для трудящихся.

Trots troettheten, trots upphetsningen efter striden, trots minuternas allvar kunde jag inte laata bli att gapskratta. Och verkligen, den ryske kaptenen kaempade foer Karelens "befriande" fraan det "ryska, roeda oket", under parollen "Karelen aat karelarna", och jag, Matti Matikainen, finne, och finnarna Leino, Heikkonen, Karjalainen, Kalle, Jaeaeskelaeinen, Antikainen, Susi, Kaernae, Groenlund och hundra andra kaempar foer den Ryska Federativa Socialistiska Sovjet-Republiken och dess autonoma del: Karelen, foer de arbetande.

Да, мы прежде всего коммунисты, а

Ja, vi aer framfoer allt kommunister och sedan finnar, men {113}

эти белогвардейцы и гады -- прежде всего буржуи.

detta vitgardistsloedder aer framfoer allt borgare, och ryssar -- en paa hundra.

Было над чем посмеяться, второй раз в жизни захватив портфель неуловимого офицера!

Det var ocksaa vaert att skratta aat, naer man andra gaangen i livet kommit aat den flyende officerens portfoelj.

*

Антикайнен вошел в штаб.

Antikainen kom in i staben.

Вид у него был очень недовольный.

Han saag allt annat aen noejd ut.

-- Улизнули! Илмаринен и несколько штабистов удрали в лес, и в лесу же рассеялось около двух сотен лахтарей.

-- De har smitit undan. Ilmarinen och naagra andra stabsmedlemmar har rymt till skogs och i skogen finns

-- Мы победили! -- вставил вошедший за начальником Карьялайнен.

Но мы могли схватить и уничтожить головку, если бы успели перекрыть дорогу на Барыш-наволок и не нервничали так, что обыкновенный колокольный праздничный благовест показался нам тревожным набатом.

Я выглянул в окно: захваченные моим отделением пленные, пригнанные Армасом, уже стояли у дома штаба.

По улице наши конвоиры подгоняли еще пленных.

Антикайнен и Хейконен вышли на улицу. Суси разобрал

<88>

бумаги, поэтому вошедшая в комнату женщина -- по-видимому, хозяйка -- обратилась прямо ко мне:

-- Господин красный командир, майор Илмаринен очень любил гороховый суп, и мне на сегодняшнее утро был заказан хороший суп с ветчиной. Все готово. Прикажете подавать?

-- Подавай сюда через десять минут все, что приготовила, -- неожиданно для себя приказал я и почувствовал одуряющий приступ волчьего аппетита, и ноздри мои зашекетал чудеснейший аромат горячего горохового супа со свининой.

Я мог бы сам съесть за один присест десять обедов майора Илмаринена, с обедами штабс-капитана Верховского в придачу.

Но тут мое внимание привлекли какие-то странные шорохи под полом.

Я прервал свои гастрономические мечтания и стал прислушиваться. Под полом шептались и кто-то шевелился.

Я стал прислушиваться внимательнее и толкнул Суси, чтобы он оставил бумаги.

Трофейный маузер горел у меня в руке.

Это спрятались лахтари, не иначе! И я, приподняв крышку люка, выстрелил

omkring tvaa hundra slaktare spridda.

-- Men vi har segrat! inskoet den efter kommandoeren intraedande Karjalainen.

-- Ja, men vi hade kunnat foerinta hela ledningen, om vi hade hunnit besaetta vaegen till Paeaekoenniemi och inte varit saa nervoesa att vi uppfattat en vanlig otteringning i kyrkan som alarmsignal.

Jag tittade ut genom foenstret. Faangarna, som min pluton hade tagit, hade av Kalle redan foerts fram till stabens hus.

Paa gatan hoell vaara vaktposter paa med att foera fram andra tillfaangatagna vitgardister.

*

Antikainen och Heikkonen gick ut. Susi graevde i

papperen. Daerfoer vaende sig en i rummet intraedande kvinna -- troligen husmodern -- direkt till mig.

-- Herr roede kommandoer! Major Ilmarinen tyckte mycket om aertsoppa och till frukost idag var det bestaellt en utmaerkt aertsoppa med skinka. Soppan aer redan faerdig. Faar jag servera?

-- Saett inom tio minuter fram allt vad som aer i ordning, befalld jag och naer jag gav en saadan ovaentad order, kaende jag hur jag naestan maadde illa av hunger. Mina naesborrar kittlades av den haerliga doften fraan den starka aertsoppan med flaesk.

Jag kunde sjaelv paa en gaang ha aetit upp tio av major Ilmarinens middagar med stabskapten Werhovskijs middagar som till-
{114}
tugg. Nu lade jag ploetsligt maerke till naagra maerkvaerdiga skrapanden under golvet.

Jag avbroet mina gourmanddroemmar och lyssnade. Under golvet hoerdes viskningar och ljudet av naagon, som roerde sig.

Jag lyssnade med stoerre uppmaerksamhet och knuffade till Susi foer att han skulle ge fan i papperen.

Min trofee -- mauserpistol -- braende i min hand.

Det kunde inte vara annat aen slaktare, som hade goemt sig, och i

вниз, в темноту.

Оттуда в ответ послышался громкий вскрик и затем стоны, приглушенные стуком захлопнувшейся крышки.

Шепот на время смолк.

Может быть, сейчас они сжигают ценнейшие документы, готовясь взорвать нас, находящихся в этой комнате! Но тут, к моему удивлению, крышка люка чуть заметно зашевелилась и затем стала приподниматься.

Я приготовил маузер.

Я приготовил маузер. В валенке терся о кожу браунинг.

"Натереть ногу браунингом -- это было бы даже смешно", -- подумал я.

Крышка люка приподнималась снизу не руками, а какой-то странной деревяшкой, похожей на ножку стола.

Как только приоткрылся немного люк, из-под пола женский голос стал выкрикивать неимовернейшую брань:

--- Чтобы это было последнее утро для вас, лахтари! Чтобы корка хлеба стала у вас поперек горла, проклятые лахтари!..

Люк был почти совсем открыт.

-- Не бранись так, женщина! -- крикнул я вниз. -- Лохтари в Кимас-озере сегодня действительно последнее утро! Сейчас здесь красные!

Крышка сразу захлопнулась, и шепот под полом перешел в громкий разговор, выкрики:
<89>

-- Не стреляйте в нас, мы красные!

Мы были взяты в плен лахтарями!

-- Ладно! -- крикнул я. -- Сколько вас?

-- Тринадцать.

-- Вылезайте по очереди! Но если солгали, ни один не выйдет живым.

Крышка снова заколыхалась и

det jag lyfte upp golvluckan saende jag ett skott ned i moerkret. Som svar hoerdes ett hoegt utrop och daerefter jaemmer, daempat av luckan, som aater lades igen.

Viskningarna tystnade foer en stund.

Kanske haaller de nu paa att braenna upp dyrbara dokument, eller foerbereder sig paa att spraenga oss alla i rummet i luften? ... men nu boerjade till min foervaaning golvluckan roera sig och oepnade sig daerefter laangsam.

Jag gjorde mauserpistolen i ordning.

Browningen laag i filtstoeveln och skavde mot benet.

-- Att faa skavsaar paa benet av en browning, det aer vael originellt, taenkte jag.

Luckan oepnades nerifraan, men inte av en hand, utan med ett konstigt format traestycke, som liknade ett bordsben.

Saa fort luckan oepnats en smula hoerdes fraan kaellaren en gaell kvinnoroest, som skrek ut de mest otroliga foerbannelser:

-- Jag skulle oenska att det vore er sista morgon, slaktare, att en broedkant skulle saetta sig i halsen paa er, foerbannade slaktare! Kom ner och slaa ihjael mig, gamla kvinna, foer att jag saeger sanningen! Jag aer inte raedd foer er, foerbannade odjur.

Luckan var nu naestan helt och haallet oepnad.

-- Svaer inte saa kvinna! skrek jag ned. Slaktarna har verkligen idag haft sin sista morgon i Kiimasjaervi. Nu aer de roeda haer!

Luckan floeg upp med en gaang igen och viskningarna under golvet oevergick till hoegt tal och utrop.

-- Skjut inte paa oss. Vi aer roeda!

-- Vi har blivit tillfaangatagna av slaktarna!
{115}

-- Det aer bra, skrek jag. -- Hur maanga aer ni?

-- Tretton ...

-- Kom upp i tur och ordning! Men om ni har ljugit kommer inte en enda av er levande haerifraan!

Luckan boerjade paa nytt att roera sig

приподнялась.

och lyftes sakta upp.

Я отшвырнул ее в сторону с силой.

Jag kastade den med kraft aat sidan.

Первым вылез пожилой человек. Вместо левой ноги у него была деревяшка, та самая, которой он приподнял крышку люка и которая показывалась мне ножкой стола.

Den foerste, som kom upp var en aeldre man. Istaellet foer vaenstra benet hade han ett traeben. Det var med detta han hade lyft upp luckan och det var detta, som jag foer en halv minut sedan hade tagit foer att vara ett bordsben.

Этого человека мы всем отрядом прозвали Пуялко, что в переводе на русский означает "деревянная нога".

Han doepes sedan av hela bataljonen till "Traebenet".

Несмотря на то что у него не хватало одной ноги, Пуялко был еще крепким мужчиной и замечательным шутником: его прибаутки смешили и забавляли весь лыжный батальон.

Fast han bara hade ett ben, var Traebenet en stor och kraftig karl och en utmaerkt skaemtare, och hela bataljonen skrattade aat hans glad infall.

И даже в ту минуту, когда он вылез из люка, он не мог удержаться от прибауток.

T o m samma minut, som han kom upp genom luckan, kunde han inte laata bli att skaemta.

-- Из того, что я потерял ногу на постройке мурманской железной дороги в тысяча девятьсот шестнадцатом году от оброненного рельса, -- из этого еще не следует, что я должен погибнуть от руки своих же, красных, в самом начале тысяча девятьсот двадцать второго года, -- недовольно ворчал он.

-- Fast jag fick benet krossat av en nedfallande rael naer vi byggde Murmansk-banan aar 1916, saa behoever vael inte det betyda, att jag skall doe foer mina egnas haender i boerjan av 1922, brummade han missnoejd.

Затем из люка вылезла растрепанная седая старуха. Ей было не меньше шестидесяти лет, и уцелела она, если судить по ее речи, со времен "Калевалы". Ленрот мог бы записать много интересных песен с ее голоса.

Daerefter kom en tilltufsad, graahaarig gumba upp genom luckan. Hon var minst sextio aar och att doema av hennes spraak haerstammade hon fraan Kalevalas tid. Loennrot[10] skulle ha kunnat laera maanga intressanta saanger av henne.

Hennes svordomar nerifraan kaellarhaalan har jag i alla fall antecknat.

Она была приговорена к расстрелу, как и все освобожденные нами товарищи. Казнь должна была состояться завтра на рассвете, после праздника.

Hon var doemd att skjutas liksom de oevriga av oss befriade kamraterna. Domen skulle ha verkstaellts naesta dag i gryningen, efter helgen.

Наше появление пришлось поэтому как нельзя более кстати.

Daerfoer kom vaart ploetsliga framtraedande mycket laempligt.

Вина старухи заключалась в том, что она спрятала у себя тяжелораненого красноармейца из погранохраны. Она почти выходила его, когда местным кулаком был сделан на нее донос и ее вместе с

Gummans "brott" bestod i, att hon haallit en svaart saarad roedarmist fraan graensvakten goemd hos sig. Hon hade pysslat om honom, saa att han naestan var frisk, naer en av platsens kulaker, Petrov, angav henne. Hon blev daa tillsammans med

{116} den tillfrisknande roedarmisten nedkastad i denna moerka, kalla kaellarhaala.

выздоровливающим красноармейцем бросили в этот погреб, темный и холодный.

Пограничник заболел здесь и

находился при смерти...

-- Все мы здесь были при смерти. Кто-то вечером спустился к нам и сказал: "После праздника все до единого будет списаны в расход, а то еще нянчиться с вами! Лишние рты, да и часовых на вас изводить надо", рассказывал третий, вылезая из люка.

Освобожденные были голодны, как черти в великий пост.

Как мне описать радость их при освобождении, их счастье
<90>

увидеть свет солнечного зимнего приполярного утра в крепко натопленной комнате!

Комната штаба была уже полна курсантов.

Последним вылез до смерти перепуганный лахтарь-часовой, которому было поручено сторожить пленных.

Услышав выстрелы, он так перепугался, что пробрался в подвал к арестованным и спрятался среди них. Это был мобилизованный лахтарями местный крестьянин.

-- Вот твой шлем, Матти, -- сказал товарищ Яскелайнен. -- Я подобрал его на льду озера. Лохтари устроили в нем вентиляцию. Антикайнен требует тебя к себе.

Я вышел.

На крыльце начальник отдавал очередные приказания. Через два-три часа мы должны будем покинуть деревню.

-- Вблизи есть крупные неприятельские отряды, -- сказал он мне, -- но мы здесь уничтожим все их боевые припасы, центральную питательную базу их фронта. Мы захватили четырнадцать подвод с лошадьми. Все, что можно, погрузить на эти подводы, остальное должно быть уничтожено дотла. Поручаю это дело тебе, Матти, с твоим взводом.

Мы пошли по деревне. Почти все склады находились в сараях, выстроенных заново, и в старых, вокруг штаба. Под штаб было занято лучше здание деревни -- школа.

-- Foerresten var vi alla haer naera doeden. Isotalon Antti var i gaar kvaell nere hos oss och sade: Efter helgen skall ni alla skjutas, av er har man ju bara besvaer! Extra munnar att maetta och saa maaste man haalla vaktposter aat er ocksa, beraettade den tredje som kroep upp.

Allt som allt var det tretton kamrater, som vi befriade. De var hungriga som djaevlarna under den stora fastan foere paasken.

Hur skall jag kunna beskriva deras glaedje, naer de befriades, deras

lycka naer de aentligen fick se vintermorgonens straalande solupppgaang i ett varmt, uppeldat rum?

Rummet, daer staben var belaeget, var nu fullt av kamrater.

Den sista, som kom upp ur kaellaren, var en doedsskraemd slaktare -- det var vakten, som hade faatt i uppdrag att bevaka faangarna.

Naer han hoerde skottlossningen hade han blivit saa raedd, att han krupit ner i kaellaren till de arresterade och goemt sig bland dem. Det var en av ortens boender, som mobiliserats av slaktarna.

*

-- Haer aer din moessa, Matti, sade kamrat Jaeaeskelaeinen. Jag tog upp den nere paa isen. Slaktarna har ordnat ventilation i den. Antikainen vill att du skall komma ut till honom.

Jag gick ut.

Paa trappan stod befaelhavaren och gav order. Om tvaa eller tre timmar maaste vi laemna byn.

-- Fienden har stora truppstyrkor i naerheten, sade han till mig, men vi skall foerstoera alla deras krigsfoerraad, hela frontens centrala materialfoerdelningspunkt. Vi har tagit fjorton slaedar och haestar.

Allt, som kan lastas paa dessa slaedar skall vi lasta paa. Resten skall fullkomligt foerstoeras. Det uppdraget faar du och din pluton, Matti.

Vi gick ut i byn. Naestan alla upplag var inrymda i nybyggda magasin, belaeget runt om stabens hus. Staben var belaeget i det baesta huset i byn: skolan.

Я не буду долго описывать захваченные нами трофей: на складах больше полумиллиона боевых патронов; тридцать смазанных винтовок (кроме отнятых у пленных); несколько тяжелых пулеметов и автоматов; несколько полевых аптек с амбулаторными принадлежностями; триста снарядов мелкокалиберной пушки.

Большой сарай был полон обмундированием, валенками, полушубками, теплым бельем, меховыми шапками.

Огромные помещения набиты мешками с крупой, солониной, консервами.

Несколько ящиков с коньяков и залежи муки.

Кроме больших обычных мешков с крупчаткой, какие можно найти в любом лабазе, были еще маленькие мешочки-пудовики, и к каждому такому пудовичку привязана деревянная дощечка, на которой было обозначено полностью имя дарителя, благодетельствующего армию "восставшего карельского народа".

-- Здорово много еды! --
обрадовался Армас.

-- Не так много в сравнении с обещанными лахтарями семью миллионами килограммов, -- процедил Лейно.

Наши ребята укладывали, что было нужно и возможно уложить на трофейный полковой обоз.

<91>

"Обезьянки" за плечами и патронташи снова потяжелели, и вид у всех веселее.

То, что нельзя было захватить с собой, мы обливали керосином, заваливали сухой соломой и поджигали. Надо было уничтожить такое невероятное богатство.

Склад артзапасов можно было зажечь только при самом отходе, как и штаб.

Очень жалко было сжигать все это несметное добро, но иначе нельзя было поступить. Предполагать, что мы, усталые, можем удержать за собой деревню, не подготовленную к осаде (в течение минимум десяти дней, пока

{117}

Jag vill inte troetta ut er med att beskriva alla de trofeer, som vi hade eroevrat. Kort sagt fanns i magasinen lagrade: oever en halv miljon skarpa patroner; ett 30-tal nya gevaer av tysk modell (foerutom de, som vi tagit i fraan faangarna); naagra kulsprutor och maskingevaer; naagra faeltapotek med faeltlasarettsutrustning; 300 granater till kanoner av Macklin-typen.

Ett helt magasin var fullproppat med mundering: filtstoevlar, paelsar, varma underklaeder och skinnmoessor.

Ett stort magasin var fullt med saltat, amerikanskt flaesk, saeckar med gryn, salt koett, konserver.

Naagra laador med konjak och en massa mjoelsaeckar fanns daer ocksa.

Utom de vanliga saeckarna med vetemjoel, som man kan faa koepa i vilket magasin som helst, fanns det smaa 15-kilossaeckar och vid varje saadan liten saeck var en traeplatta fastbunden. Paa traeplattorna stod skrivna fullstaendiga namn och adresser paa dem som i egenskap av vaelgoerare hade skaenkt mjoelet till det "upproriska karelska folkets armee".

-- Det var mycket att smoerja kraaset med, gladde sig Kalle.

-- Aaja, det aer inte saa mycket i jaemfoerelse med de sju miljoner kilo, som slaktarna lovat, vaeste Leino fram.

Vaara pojkar packade ihop allt som var noedvaendigt och allt som fick rum paa de beslagtagna regementsslaedarna.

Ryggsaeckarna och patronbaeltena fylldes paa nytt och alla visade en gladare uppsyn.

Allt, som inte kunde medfoeras, indraenktes med fotogen, oevertaecktes med torr halm och antaendes. Vi tyckte det var synd att paa detta vis foerstoera saa mycket gott.

Upplaget av artilleripjaeser liksom staben kunde vi foerst taenda eld paa, daa vi drog bort.

Jag upprepar att det var synd att vi maaste braenna upp denna oerhoerda rikedom, men det var inget annat att goera. Saa troetta som vi var, var det otaenkbart att vi skulle kunna behaalla byn, vilken inte var befaest

подойдут наши отряды), против свежих сил во много раз превосходящего противника, нечего было и думать.

Если же, разгромив штаб, мы уйдем, -- выполним прямой приказ уничтожить тыловые базы неприятеля.

Все захваченные патроны были обернуты в синюю плотную бумагу, и на каждой обертке стояла -- это я тоже могу подтвердить документально (я захватил одну из них с собой) -- совершенно отчетливо марка патронной фабрики Рихимяки.

Пожар начался.

Легкие языки пламени заструились, как бы играя в пятнашки, один за другим.

Времени наблюдать это зрелище у нас не было.

Я вернулся в здание штаба. Папки были сложены одна на другую, бумаги складывались стопками и окружались сухой соломой.

Суси сидел за пустым столом в переполненном помещении и спокойно, как будто не было ни бессонных суток, ни отчаянного боя, выводил в дневнике отряда: "Захвачено 42 пленных, освобождено 13. Белых убито 5 человек, из них двое -- финские офицеры, что установлено по документам, найденным при них. У нас два товарища легко ранены. Запасов захвачено..."

Тут он обратился ко мне.

Я в точности отрапортовал о проделанном мной обследовании. И цифры, сообщенные мной, были вписаны в дневник отряда.

Дальше Суси продолжал: "К сожалению, сам майор Илмаринен с другими руководителями бандитского восстания избежали достойной кары, уйдя на лыжах в лес".

Он прервал свою запись.

-- А жеребца илмариненского мы все-таки захватили, Матти!

foer laangvarig belaegring (det skulle droeja minst tio dagar, innan vaara trupper anlaende), mot den maangdubbelt starkare fiendens utvilade krafter.

{118}

Och vi hade ju order att foerstoera alla fiendens reservupplag, ifall vi maaste retirera sedan vi foerintat fiendens stab.

Fastaen regeringen Ritavuori foersoekte foerneka detta faktum, var alla eroevrade patroner inlindade i tjoekt, blaatt papper och paa varje patronask stod -- det har jag ocksaa dokumentariska bevis paa, foer jag tog en av patronaskarna med mig -- fabriksmaerket fraan ammunitionsfabriken i Riihimaeki tydligt och klart tryckt.

Elden boerjade gripa omkring sig.

Flammornas laagor slog upp, liksom lekte de "rymmare och fasttagare" med varandra.

Vi hade inte tid att stanna och se paa detta skaadespel.

Jag gick tillbaka till stabens hus. Paermarna var upplagda i hoegar, papperen samlades ocksaa i hoegar och runt omkring lade vi torr halm.

Susi satt vid ett avroejt bord i den oeverfyllda lokalen. Lugnt, som om det varken funnits soemloesa naetter eller kamp paa liv och doed, satt han och skrev i bataljonens dagbok: "42 tillfaangatagna, 13 befriade. Av de vita har fem man stupat, av dessa var 2 finska officerare, vilket framgaar av de papper, vi funnit hos dem. Av de vaara blev tva kamrater laett saarade. Foerraaden beslagtogs".

Susi vaende sig till mig.

Jag rapporterade noggrant vad jag funnit vid mina undersoekningar, och de av mig meddelade siffrorna blev infoerda i bataljonens dagbok.

Sedan fortsatte Susi att skriva: "Beklagligtvis lyckades major Ilmarinen sjaelv, jaemte banditupprorets oevriga medlemmar, undgaa sitt vaelfoertjaenta straff genom att paa skidor fly till skogs".

Han avbroet sitt skrivande.

-- Men Ilmarinens hingst tog vi i alla fall, Matti!

*

-- И с какой это стати финский

офицерик, поручик Так-
<91>

кинен, присвоил прославленное имя чудесного кузнеца Илмаринена из "Калевалы"? -- спросил громко Лейно, поднося ложку ко рту.

-- Ко всем обманам прибавился еще один. Думал, наверно, хоть этим к народу подольститься. Ведь вот кулак ухтинский, глава их районного правительства, тот себя даже Вянямёйненом окрестил! -- отозвался кто-то.

-- Нет, Илмаринен-кузнец, -- продолжал Лейно, -- мельницу-самомолку для народа выковал. А этот лахтарь за буржуев старается. Попадись он мне, я покажу ему, как порочить честную профессию кузнеца.

Посреди комнаты ребята черпали из большого котла самым ароматный гороховый суп из всех, какие я только хлебал. Суп, приготовленный для Илмаринена и его штабистов.

Смешил своими прибаутками ребят, пристукивая деревяшкой, неутомимый Пуялко:

-- Илмаринен меня спрашивает: "Ага, и ты, калека, прибыл?" -- "Прибыл, коль привели", -- отвечаю я ему.

Я снял валенок, вытащил зацепившийся за штанину браунинг и деревянную ложку и принялся вместе со всеми хлебать суп. С каждой горячей ложкой входили в меня спокойствие и дремота.

Полный желудок заставлял мечтать о сне, о полном отдыхе.

Сторожиха школы -- та самая, что приготовила эту райскую похлебку, -- стоя около котла, бубнила:

-- Командир их еще вчера вечером показывал мне пузырек и говорил:

"Здесь у меня смертельный яд. Я в плен к красным попасть не могу. В случае чего -- глоток... Но, говорит, за двести верст отсюда ни одного красного нет". И вдруг...

-- Нас здесь, милая, пятьсот человек. Мы уходим дальше, а за нами идут несколько тысяч таких же, --

Mitt i rummet hoell pojarna paa att ur en stor gryta ta foer sig av den mest aptitliga aertsoppa jag naagonsin smakat. Det var den soppa,, som lagats aat Ilmarinen och hans stab! {119}

Haer hoell aeven det outtroettliga Traebenet paa att roa pojarna med sitt skaemt och stampade med traebenet:

-- Ilmarinen fraagade mig: "Aha, du din invalid aer ocksaa haer?" -- Ja, jag aer haer, daerfoer att jag blivit hitfoerd, svarade jag.

Jag tog av mig filtstoeveln, tog fram den i byxbenet intrasslade browningen och min traesked och laet mig soppan vael smaka. Med varje sked av den varma soppan, som jag oeste i mig, kaende jag mig mer och mer belaaen, lugn och soemnic.

Den fullproppade magen tvingade mig att taenka paa en haerlig saeng och laangvarig vila.

Den fylliga skolvaktmaestarinna -- hon som hade kokat denna paradisiska aertsoppa -- mumlade, daer hon stod bredvid grytan:

-- Chefen foer de vitas partisanavdelning visade mig saa sent som i gaar kvaell en liten flaska och sade: "Haer har jag ett starkt gift. Jag vill inte bli tillfaangatagen av de roeda. Skulle naagonting haenda saa: en klunk ... Men -- saeger han -- paa tvaahundra kilometers omkrets finns det inte en enda roed". Och saa ploetsligt aer ni haer ...

-- Vi aer oever 500 man haer. Vi marscherar vidare och efter oss kommer ett par tusen likadana, vaeste

как бы нечаянно процедил сквозь зубы
Лейно.

Leino liksom tillfaelligt.

-- И все такие же небритые? --
смеясь, переспросила женщина.

-- Och alla lika orakade? fraagade
kvinnan skrattande.

-- Нет, они сами любого отбреют!

В эту секунду в сенях раздался
громкий смех успевшего уже отобедать
Армас.

I samma sekund hoerdes ute i
foerstugan ett skallande skratt fraan
Kalle, som redan hade aetit faerdigt.

Дверь распахнулась, и в комнату,
сопровожаемые Армасом, вошли два
лахтаря. Лица их были синими от
холода, зубы отбивали барабанную
дробь тревоги, полуспущенные ватные
шаровары открывали тоже
посиневшие от мороза
зады.

Doerren gick upp och in i rummet
taagade tvaa slaktare, ledsagade av
Kalle. De var blaa i ansiktet
av koeld, taenderna skallrade av
raedsla, de halvt nedslaeppta
vadderade byxorna blottade
oanstaendigt den av kyla blaafrusna
baken.

-- Представьте себе, ребята, --
грохотал Армас, -- захотелось мне в
уборную сразу, как
мы захватили деревню, еще до
гороховой похлебки. Ну, сунулся я в
здешнюю скворечню
-- заперта! Думаю, переждать надо.
Через десять минут опять
<93>

-- Taenk er pojkar, skrattade Kalle,
jag fick ett traengande behov att gaa
paa ett visst staelle, omedelbart
efter det att vi intagit byn -- foere
aertsoppan. Saa stack jag in paa
avtraedet, men i helsicke heller --
det var staengt! Jag faar vael vaenta,
taenkte jag. Efter tio minuter gick

дернул --
закрыто изнутри. У кого,
думаю, такой запор может быть?
Ну вместе с ребятами гороху
отведал.

jag fram igen och tog i doerren --
men den var reglad inifraan. Vem
tusan kan det vara, som har en saadan
diarree? Saa gick jag in med pojkarna
och laet mig aertsoppan vael
{120}

И снова стучу.
Закрывается! Ах так!
Я как рванул дверь с
петель, а там, смотрю, эти
пара милейшая
заседает, и заседает уже не меньше
часа. Отсидеться
думали. Нет,
голубчики, номер не прошел!

smaka ... Saa ryckte jag paa nytt
i doerren -- staengt. Aha, staar det
saa till! Jag ryckte loss doerren fraan
gaangjaernen. Och daer inne ser jag de
haer baegge skoena figurerna, som
suttit och suttit i oever en
timme. Ni hade vael taenkt att sitta
daer, tills vi hade foersvunnit? Nej,
mina herrar, den gubben gick inte!
Foerst trodde dom att jag var
halvtokig och boerjade stamma! "Vi
... vi ... aer roeda och goemmer oss
haer foer de vita". Men nu har ni allt
suttit faerdigt, mina vaenner!

Адъютант перечеркнул в своем
дневнике цифру "42" и написал
"44".

Kamrat Susi tog fram dagboken och
raderade ut siffran 42. Istaellet
skrev han: 44.

Курсанты хохотали, слушая
рассказ Армаса.

Kamraterna som alldeles uppfyllde
rummet, fortsatte att skratta. Hade
det inte varit foer troettheten och
den doeende kamratens -- den
tillfaangatagne graensvaktens --
jaemmer (det skott, som jag skoet ner
i kaellaren skrapade blott skinnet paa
ena handen) hade glaedjen inte kaent
naagra graenser. Traebenet som nu hade
aetit sig maett, stroedde formligen
kvickheter omkring sig.

*

-- Мы доставим трофеи, пленных и

-- Vi skall oeverlaemna vaara

освобожденных в наши части. Они должны быть сейчас где-нибудь между Конец-островом и Реболами, -- сказал Антикайнен и отдал приказание об отходе.

Склады уже превратились в пылающие факелы, здание штаба охватывало огнем. Языки пламени играли на бревенчатых стенах, как детвора, играющая в горелки.

Отряд начал строиться. Передовые уже вышли.

Строили пеших пленных по четыре человека в шеренге.

Пуялко суетился больше других.

-- Товарищ начальник, -- подскочил он к Антикайнену, -- что прикажешь мне делать? Для моей деревяшки лыжи еще не приспособлены, а летать я не умею. Снова, что ли, мне в подвал садиться да лахтарей поджидать?

-- Не таракти, Пуялко, -- сурово ответил командир.

-- Седлай себе илмариненского жеребца и катись на нем на здоровье.

Так был решен вопрос о коне Илмаринена.

Окончу рассказ об этой великолепной лошади сейчас же. Ее потом доставили в Петрозаводск, оттуда -- в Ленинград. И еще в прошлом году, когда я во время служебной командировки проезжал Ленинград, меня затащили ребята на бега. Там -- правда, уже не в прежней сияющей красоте, но все еще отличный по всем статьям -- на ипподроме бегал этот конь.

Одноногий Пуялко верхом на этом белом жеребце -- гораздо более бегом, чем наши загрязнившиеся балахоны, -- представлял собой веселое зрелище.

Приказ отдан.
Мы выходим.

Но как только мы вышли, началась метель.

-- Отлично, отлично! -- говорил Антикайнен, растирая свои замерзшие щеки. -- Во-первых, раздует пожар, а

krigstrofeeer, foerraaden, faangarna och de befriade till huvudstyrkan, som nu befinner sig naagonstans mellan Saarenpaeae och Repola, sade Antikainen i det han gav order om uppbrott.

Magasinen hade redan foervandlats till flammande eldhav och stabens hus stod ocksaa i laagor. Flammorna sprang lekande upp efter timmervaeggarna, jagande varandra som lekande barn.

Bataljonen boerjade staella upp. Foertruppen hade redan gett sig ivaeg.

Faangarna staellades upp till fots, fyra och fyra i rad.

Traebenet var ivrigast av alla.

Han hoppade fram till Antikainen:

-- Kamrat befaelhavare, vad befaller du att jag skall goera? Foer mitt traebens skull har man aennu inte uppfunnit ett enda skidbindsle, och flyga kan jag inte. Skall jag gaa ner i kaellaren och saetta mig och vaenta paa slaktarna?

-- Sladdra inte, Traeben, svarade den straengt upptagne kommendoeren barskt. {121}

-- Sadla Ilmarinens hingst och slit den med haelsan!

Paa saa vis loestes fraagan om Ilmarinens haest.

Jag skall avsluta beraettelsen om denna utmaerkta haest med det samma. Den kvarlaemnedes sedan i Petrosavodsk. Daerifraan kom den till Leningrad och ifjol, daa jag aa tjaenstens vaegnar reste oever till Leningrad, tog naagra kamrater med mig till travbanan. Daer sprang Ilmarinens haest, naturligtvis inte saa elegant och snabbt laengre, men i alla fall med goda tider paa alla distanser.

Traebenet ridande paa den snoevita hingsten -- mycket vitare aen vaara nu nedsmutsade skyddskaapor -- var i sig sjaelv en skrattretande syn.

Alla befallningar var nu givna och vi broet upp.

Men vi hade knappt satt igaang, foerraen en snoestorm kom rykande mot oss.

-- Utmaerkt, utmaerkt, sade Heikkonen och gnuggade sina frusna kinder, foer det foersta kommer det att brinna

во-вторых, заметет наши следы. Вперед!

Снова входили передовые в густой обледенелый лес.

За нами шли военнопленные, за военнопленными -- основ- <94> ные силы отряда, за отрядом -- обоз и, предводительствуемые Пуялко-всадником, освобожденные нами из плена товарища.

-- Давай закурим, Илмаринен! -- шутя кричит, обращаясь к Пуялко, Хейконен.

Старуха шла со всеми -- она даже обиделась, когда ей предложили место в санях.

-- Слава богу, не раненая я еще, чтоб своим в тягость быть!

За освобожденными шли четырнадцать груженых подвод, за подводами -- мой (на этот раз арьергардный) взвод.

Шли мы в начинавшем бушевать буране несравненно медленнее, чем раньше.

Лошади не могли бы идти с такой скоростью, как мы, да и сами мы сейчас были нагружены больше, чем раньше, и устали тоже отчаянно. Нас качала усталость, убаюкивала, неожиданными кочками подкатывалась под лыжи, неожиданной остротой колола натруженные плечи и склеивала веки.

И ко всему этому встречный ветер швырял в лица курсантам мелкие, острые, частые снежинки. Впрочем, это, вероятно, было хорошо: иначе мы заснули бы.

С вершины склона я оглянулся: сквозь снег метели видно было яркое пламя горевших складов.

Я посмотрел на часы: было около двенадцати.

Не прошло еще четырех часов, как я отдавал приказ своему отделению скатываться вниз; не прошло еще полных четырех часов с той минуты, как мы услышали отдаленное пение

baettre, foer det andra kommer vaara spaar att snoea igen. Framaat!

Aaterigen gick foertruppen in i den taeta, rimfrostbetaeckta, nedisade skogen.

Efter dem foeljde faangarna och efter faangarna kom bataljonens

huvudstyrka och sedan de ur faangenskapen befriade kamraterna med Traebenet ridande i spetsen.

Gumman gick till fots med de oevriga -- hon blev t o m stoett, naer vi foereslog att hon skulle saetta sig i en slaede.

-- Tack och lov, aer jag inte saarad! Jag behoever inte vara en boerda foer mina egna!

Efter de befriade kom de fjorton tungt lastade slaedarna och efter dem -- min pluton, som denna gaang bildade eftertruppen.

I den rykande snoestormen taagade vi mycket laangsammare aen vi naagonsin gjort foerut.

Haestarna kunde inte gaa saa snabbt, som vi var vana vid, och sjaelva hade vi nu stoerre packning aen vanligt och var dessutom oerhoert utmattade. Vi raglade av troetthet och ojaemnheterna under snoen gjorde att vi ofta hoell paa att ramla omkull. De fyllda ryggsaekarnas remmar, skar aater in i axlarna och oegonen liksom klistrades igen av snoemodden.

Dessutom denna foerbaskade snoestorm, som slog sylvassa snoekorn i ansiktet.

Foerresten var det mycket bra: Annars hade vi nog somnat.

{122}

*

Paa kullens kroen tittade jag mig om: genom snoeyran syntes de lysande flammorna fraan de brinnande magasinerna.

Jag tittade paa klockan: den var naera tolv.

Fyra timmar hade aennu inte gaatt, sedan jag gav min pluton order att aaka nedfoer branten vid sjoen; foer inte fyra timmar sedan hade vi hoert tupparna gala i den daa avlaegsna

петухов в деревне. Это были самые наполненные часы в моей жизни, и я знаю, что никогда не смогу по-настоящему рассказать, что пережил тогда.

Штаба неприятельского фронта нет! Какое счастье: базы белого фронта нет!

Здесь мы отплатили за все наши поражения.

Так же мы уничтожим штабы всех армий, которые посмеют обрушиться на наше отечество -- Союз Советских Социалистических Республик!

Я шел в арьергарде. Мы снова вступили в лес. Здесь один человек догнал наш отряд. Он тоже бежал на лыжах и вспотел.

-- Разрешите мне уйти с вами! Меня выбрали по настоянию Илмаринена в Карельское учредительное собрание, но я теперь окончательно знаю, что не пойду с ними. Они пугали нас, что красные пришлют сюда китайские части, жестокие китайские части, чтобы растерзать карелов, а пришли пришли вы, <95>

самые чистокровные финны из всех, которых я видел. Я стою за Карелию, а не за то, чтобы Финляндия съела нас.

-- Ну и каша у тебя в голове, -- сказал я. -- Иди вперед, к командиру.

Я дал ему в провожатые Лейно.

-- Между прочим, -- уходя, сказал он, -- на чердаке штаба спорело четверо спрятавшихся белых.

Он ушел. Мы двигались с быстротой не больше пяти километров в час и против метели быстрее идти, пожалуй, никак не могли.

Часа через полтора после отхода, уже продираясь через чащу, мы услышали гул отдаленного грома, повторенный трехкратно. Это взрывались артиллерийские боеприпасы.

Пройдя километров пятнадцать, мы

byn. Det var de haendelserikaste timmarna i hela mitt liv, jag vet inte om jag nu har beraettat om det saa, som jag daa genomlevde det.

Den fientliga frontens stab finns inte mer! Vilken sabla tur: den vita frontens bas aer foerstoerd!

Nu hade vi gett betalt foer vaara nederlag vid Tammerfors och Viborg.

Saa kommer vi att foerinta staberna foer alla de armeer, som foersoeker att slaa ned vaart faedernesland -- De Socialistiska Sovjetrepublikernas Union!

Jag gick i eftertruppen. Vi hade paa nytt kommit in i skogen, naer en man hann upp vaar bataljon. Han aakte skidor och var svettig.

-- Laat mig foelja med er, bad han flaesande. Jag blev paa Ilmarinens foerslag vald till Karelens konstituerande kongress, men nu aer jag oeventygad om att jag inte kommer att gaa med slaktarna. De skraemde oss med att de roeda kommer att saenda hit kinesiska trupper, grymma kineser som skulle foerinta karelarna och saa kommer ni,

de renaste finnar, som jag naagonsin sett. Jag aer foer Karelen, men inte foer att Finland skall aeta upp oss.

-- Jag har inte tid att lyssna till dina politiska funderingar. Gaa fram till kommendoeren!

Jag gav honom Leino som foeljeslagare.

-- Foerresten, sade han till mig, daa han skulle aaka fram, paa stabens vind brann fyra vitgardister inne, som hade goemt sig daer.

Han aakte. Vi taagade med en hastighet, som inte oeversteg fem kilometer i timmen. I den haarda snoestormen tror jag knappast att vi hade kunnat aaka fortare.

{123}

Ungefaer en halv timme efter vaart uppbrott, naer vi hoell paa att bana oss vaeg genom den taeta buskskogen, hoerde vi ett buller liksom av en avlaegsen aaska. Bullret upprepades tre gaanger. Det var ammunitiondepaaerna, som floeg i luften.

*

Naer vi hade gaatt femton kilometer,

совершенно выбились из сил, и, несмотря на то что медленно продвигались против бури, пот снова стал пробиваться через одежду, чтобы затем оледенеть на ветру.

Поэтому команду об остановке на большой привал те из нас, которые еще были в состоянии как-то реагировать, приняли как известие об освобождении из плена.

Ветер усиливался. Если бы я был моряком, то я точно определил бы, скольких баллов он достигал, но тогда мы не думали об этом.

Многие из курсантов засыпали, стоя на лыжах, упершись грудью в палки.

Другие стали строить ракатулет, заставляя и пленных принимать участие в этой работе.

Пуялко суетился около своего коня, оберегая его, ухаживая за ним, как редкая нянька ухаживает за своим воспитанником.

Буран наметал сугробы у подвод, у пней.

Ракатулет на этот раз устраивать было труднее, чем когда-либо. Но все же не прошло и получаса, как весь отряд, заносимый снежным потоком, спал, поочередно подставляя огню ракатулетов то спину, то бок, то грудь.

Мне кажется, что даже бурану трудно было заглушить свист дыхания утомленного отряда.

Труднее всего, конечно, было сторожевым.

Сменялись на этом привале часовые каждым час, так как никто не мог за себя поручиться, что простоит больше и не заснет.

Это был наш самый большой привал за весь поход, и никто из нас в тот вечер и в ту ночь не подозревал, какой опасности мы подвергались.

Часа через три-четыре после того, как мы оставили Кимас-озеро, вернулись привлеченные заревом пожара и грохотом

<96>

взрывов недавно вышедшие на фронт две роты лахтарей -- до четырехсот человек лыжников.

Это были свежие, неутомленные бойцы, и они отлично знали, что наш отряд не успел далеко уйти; даже сильный

var vi fullkomligt uttroettade, och fastaen vi taagat laangsam i den starka motvinden, boerjade svetten paa nytt att lacka och drypa igenom klaederna, saa att dessa blev fullkomligt nedisade i den iskalla vinden. Naer daerfoer kommandanten gav order om ett laengre uppehaall, uppfattades detta som ett glaedjebudskap av de pojkar, som aennu hade krafter kvar att reagera.

Vinden tilltog i styrka. Om jag varit sjoeman, skulle jag kanske exakt kunnat saega, hur maanga sekundmeter vinden uppnaade, men daa taenkte vi inte paa detta. Maanga kamrater somnade daer de stod paa sina skidor med broestet lutat mot stavarna. Andra boerjade goera upp laegereldar. Aeven faangarna tvingades att delta i detta arbete.

Traebenet pysslade ivrigt om sin haest. Han aegnade den mer omsorg aen den baesta barnjungfru aagnar sin skyddsling.

Skymningen kom tidigare aen vanligt.

Vid slaedarna och stubbarna blaaste stormen upp vaeldiga snoedriver.

Att goera upp laegereldar i detta vaeder var svaarare aen naagonsin, men trots allt sov hela bataljonen redan foere nattens inbrott, taeckta av den virvlande snoen och i tur och ordning vaendande ryggen, sidorna och broestet mot laegereldarna.

Jag tyckte att till och med stormen inte kunde oeverroesta den doedstroetta bataljonens flaesningar.

Vaerst av alla hade naturligtvis vaktposterna det.

Vaktposterna fick avloesning varje timme, daerfoer att ingen av oss kunde garantera, att de skulle kunna staa laengre utan att somna.

Det var vaart laengsta uppehaall under hela expeditionen. Ingen av oss hade en aning om vilken fara som hotade oss denna kvaell och denna natt.

{124}

Ungefaer tre-fyra timmar efter att vi hade laemnat Kiimasjaervi, aatervaende tva kompanier slaktare till byn. De var paa vaeg till fronten, men hade

lockats tillbaka av eldskenet och explosionerna. Det var ungefaer fyrahundra soldater paa skidor.

De var friska, aennu inte uttroettade som vi och de visste mycket vael, att vaar bataljon inte hunnit avlaegsna sig

ветер не успел еще замести снегом след нашего отряда с громоздким обозом.

Увидев горящий штаб и не найдя даже следов Илмаринена, они в панике пошли к финской границе. Если бы они пошли по нашим следам, неизвестно, кто из нас вернулся бы из этого рейда живым!

Разумеется, все это мы узнали гораздо позже. А в ту ночь отдыхали, забыв обо всем, и последнее, что я помню в тот день, это густой пар -- дыхание обозной лошади, -- поднимающийся к вершинам сосен, и шипение тающего от жара ракетулета снега.

Глава десятя
Гибель товарища Лейно

Дальше мне почти нечего рассказывать.

У меня возобновилась гръжа, полученная мной еще в восемнадцатом году, когда я помогал вытаскивать завязшую в липкой грязи дороги трехдюмовку. Гръжа уже несколько дней мешала мне, но все же я мог идти и шел не отставая.

Все тело у меня покрылось нарывами, которые сами по себе не болели, но прилипали к белью и, отдираемые на каждой стоянке, все время глухо ныли.

Товарищ Антикайнен придумал отличную штуку. Из Конец-острова в Кимас-озеро никогда не было проезжей дороги. Идти по снегу без лыж было исключительно трудно.

А между тем южная колонна, на соединение с которой мы сейчас шли, укомплектована была из стрелковых частей, не умевших в большинстве ходить на лыжах.

И вот товарищ Антикайнен, выбирая для нашего пути в лесу наиболее широкие просветы, а по полю вводя нас напрямик, расставил пленных в шеренги по четыре человека впереди, за ними прямо в затылок шел отряд, за отрядом -- освобожденные, обоз, арьергард. И так, пробираясь сквозь снега, мы продвигались вперед.

<97>

Весь этот путь после прохождения

saa laangt fraan byn. Till och med den starkaste snoestorm hade inte hunnit sopa igen spaaren efter vaar bataljon och vaara slaedar. Av naagon anledning tog de inte upp foerfoeljandet, utan daa de saag de brinnande husen och inte kunde finna naagra spaar efter Ilmarinen, aatervaende de i stormtempo mot den finska graensen. Hade dessa vitfinska kompanier tagit upp foerfoeljelsen, saa hade med stoersta sannolikhet de flesta av vaara pojkar inte kommit undan med livet.

Allt detta fick vi reda paa foerst senare, och denna natt sov vi, gloemiska av vaerlden omkring oss. Det sista jag erinrar mig denna dag -- det var aangan som steg upp mot talltopparna och andedraekten fraan vaara traenghaestar och snoens fraesande, naer den smaelte av hettan fraan vaara laegereldar.

{125}
NIONDE KAPITLET

Sedan har jag inte mycket att beraetta.

Det braack, som jag aadrog mig redan 1918, naer jag hjaelpte till att dra upp en 3-tumskanon, som fastnat i lervaellingen, hade nu gaatt upp igen.

Braacket besvaerade mig sedan flera dagar, men jag kunde i alla fall aaka med utan att bli paa efterkaelken.

Dessutom var hela min kropp taect av boelder, som sjaelva inte vaerkte, men klibbade fast skjortan vid huden, och under rasterna, naer jag drog av mig skjortan, vaerkte det oerhoert.

Kamrat Antikainen hittade paa en utmaerkt sak. Fraan Saarenpaeae till Kiimasjaervi hade det aldrig funnits naagon farbar vaeg. Att traska i snoen utan skidor var naturligtvis oerhoert svaart.

Den soedra flanken av vaara stridskrafter, som vi nu gick till moetes och som var foerstaerkt med infanterikompanier, bestod till stoersta delen av kamrater som inte kunde aaka skidor.

Kamrat Antikainen valde hela tiden ut den glesaste skogen, naer han visade vaegen, och oever faelten gick vi direkt. Foerst gick faangarna, fyra och fyra. Daerefter kom bataljonen, efter bataljonen de befriade, traengen och till slut eftertruppen. Saa taagade vi hela vaegen. Paa detta saett lades en laett framkomlig vaeg av vaar bataljon. Vaar bataljon gjorde genom snoen en bred

отряда сделался прямой, накатанной, легкопроходимой дорогой. Так наш отряд проложил дорогу, которая вскоре приобрела большое стратегическое значение. Благодаря нашей работе южная колонна сумела быстро продвинуться вперед, не испытывая таких трудностей, какие испытала северная, наступавшая около Ухты.

Мы шли медленнее, чем раньше, но все же в срок, немногим большим чем сутки, проложили дорогу длиной пятьдесят километров.

Это была новая большая победа.

В Конец-острове мы были к концу дня двадцать первого января. Там уже были наши части, встретившие нас восторженно. Мы передали пленных и трофеи.

Оттуда же мы послали эстафетные депеши -- телеграфная связь еще не была налажена -- в штаб руководства батальоном и всего Каррайона.

Намечавшийся дальше рейд по тылам приказом был отменен. Мы впредь должны были продвигаться как передовая часть южной колонны.

В деревне мы получили полуторасуточный отдых и затем впереди южной колонны двинулись снова на север и во второй раз заняли Кимас-озеро.

В первый раз мы захватили это место двадцатого января.

Да, чуть не забыл рассказать! Когда мы вернулись в Конец-остров, куда Пуялко, уже приспособившийся к седлу, въезжал, едва ли не ощущая себя фельдмаршалом, нас встретил среди других и тот догадливый старик, который обижался, что мы скрывали от него то, что мы красные. Увидев среди пленных рыжебородого фельдфебеля, захваченного моим отделением, он схватился обеими руками за голову:

-- Да, что же вы делаете? Да разве можно было эту гадину в плен брать?

Он негодовал возмущался и, когда узнал, что в плен фельдфебеля взял я, подошел ко мне и сказал:

-- Ты, наверно, изменник, если таких в плен забираешь. Ведь это -- один из самых заядлых лахтарей. Он еще

vaeg, som snart fick stor strategisk betydelse. Hela den straecka, som bataljonen tillryggalade gjordes sedan till en jaemn, bred vaeg. Tack vare vaart arbete kunde de soedra trupperna snabbt rycka fram, utan att stoeta paa saadana svaarigheter, som de norra trupperna gjorde naer de gick till anfall i naerheten av Uhtua.

{126}

Vi taagade laangsammare aen foerut, men tillryggalade likvael paa ett dygn cirka femtio kilometer och lade samtidigt en utmaerkt vaeg.

Detta var en ny seger.

Vi kom till Saarenpaeae paa eftermiddagen den 21 januari. Daer var redan vaara trupper, vilka haelsade oss med entusiasm. Faangarna och trofeeerna oeverlaemnade vi. Daerifraan skickade vi stafettrapporter -- telegraffoerbindelsen var aennu inte ordnad -- till bataljonens stab och till ledningen foer stridskrafterna i Karelen. Den planerade fortsatta expeditionen bakom fiendens linjer blev inte genomfoerd, daa kontraorder hade anlaent. Vi skulle i fortsaettningen endast gaa som de soedra truppernas foertrupp.

I byn fick vi vila ett och ett halvt dygn och taagade daerefter i spetsen foer de soedra trupperna paa nytt mot norr och den 24 januari intog vi Kiimasjaervi foer andra gaangen.

Den foersta gaangen hade vi eroevrat byn den 20 januari.

Jag hoell naestan paa att gloemma att tala om att naer vi kom tillbaka till Saarenpaeae, daer Traebenet, som nu var van att rida och hade en haallning som en faeltmarskalk, red i spetsen, moette oss bland annat aeven den sluge gubbe, som varit saa stoett oever att vi foernekate att vi var roeda. Naer han bland faangarna fick se den roedskaeggige faeltvaebeln, som min pluton tagit tillfaanga, tog han sig med baegge haenderna om huvudet.

-- Vad tusan, goer ni riktigt? Kan man verkligen ta ett saadant maenskligt avskum tillfaanga?

Gubben var uproerd, naestan rasande, och naer han fick hoera att det var jag, som hade tagit den roedskaeggige tillfaanga, kom han fram till mig och sade:

-- Du aer troligen en foerraedare, eftersom du tar saadana daer reptiler tillfaanga. Han aer ju en av de

летом несколько раз переходил сюда через границу, распускал слухи, вел против Советов агитацию и даже оружие нашим кулакам приносил. Такого в плен брать -- перед богом ответ держать!

Разумеется, показания старика мы приняли к сведению.

<98>

Двадцать четвертого января мы снова вошли в Кимас-озеро.

Склады уже все сгорели.

Большую половину жителей против их воли лахтари угнали в Финляндию. Кроме нескольких успевших спрятаться крестьян, в деревне оставлены были одни только хилые старики и старухи да совсем малые, еще беспомощные дети. Они остались без всякого продовольствия, и, если бы не помощь наших красноармейцев, они, я полагаю, совсем перемерли бы все от голода и холода, потому что, хотя вся деревня окружена лесами, у оставленных не хватило бы сил даже наколоть себе дров.

Скот, который нельзя было быстро угнать -- овцы, коровы, -- зарезанный, лежал на дворах, на улицах. Мы сначала даже не решались пустить в пищу это мясо -- боялись, что лахтари его отравили.

Но Армас отважился выполнить требование своего желудка и, зажарив большой кусок мяса, с таким удовольствием уплетал за обе щеки, что сомнения у всех рассеялись.

Рамы были во всех домах вышиблены, окна разбиты. И в избах было так же холодно, как и на улицах.

Мы забрались на широкую русскую печь. Покрывшись полужубками, обогревая друг друга, мы провели на ней ночь. В соседней избе точно таким же порядком на печь взгромоздилось оставшееся население села -- несколько старух и стариков.

Мы выполнили задание прекрасно.

И если бы не усталость, если бы не потертости, нарывы (а у меня -- грьжа), я, пожалуй, снова хотел бы пережить дни нашего немислимого похода.

vidrigaste slaktarna. Redan i somras kom han flera gaanger oever graensen och spridde elaka rykten, agiterade mot sovjetmakten och foerde till och med vapen aat vaara kulaker. Tar man en saadan till faange -- saa faar man staa till svars infoer gud!

Naturligtvis lade vi gubbens beraettelse paa minnet.

{127}

*

Den 24 januari taagade vi paa nytt in i Kiimasjaervi.

Alla magasinerna hade fullstaendigt brunnit ned. Mer aen haelften av invaanarna i byn hade mot sin vilja med vaald slaepats till Finland av slaktarna. Med undantag av naagra boender, som hunnit goemma sig var endast en orkesloes gubbe och naagra gummor samt naagra hjaelploesa barn kvarlaemnade i byn.

Utan naagon som helst proviant, som de var, skulle de alla doett av koeld och hunger, om de inte faatt hjaelp fraan vaara roedarmister. Trots att hela byn var omgiven av stora skogar, hade de kvarvarande inte kraft att hugga ett enda vedtrae aat sig.

Kreaturen, som vitfinnarna i hastigheten inte hunnit ta med sig -- faar och kor -- laag nedslaktade paa gatorna och inne i ladugaardarna. I boerjan var vi till och med raedda foer att laata naagon aeta av detta koett. Vi trodde att slaktarna hade foergiftat det.

Men Kalle tillfredsstaellede modigt sin aptit och sedan han stekt ett stort stycke, aat han upp det med saadan tillfredsstaellelse, att alla misstankar paa en gaang skingrades.

Om inte troettheten, boelderna och dessutom braacket hade varit, skulle jag vilja genomleva vaar expeditions legendariska dagar paa nytt.

*

Для того чтобы дальше наступать, надо было обеспечить фланги, а с правого фланга находилась у нас, километрах в двадцати пяти, деревня Барыш-наволоок, и там были -- по сведениям, полученным от населения, -- лахтари.

В Кимас-озере все эти сведения дал нам крестьянин, мобилизованный раньше белыми в обоз. По его собственному признанию, он сначала к белым и красным относился одинаково, но, будучи мобилизован, сам не только ничего не получал за гужевую работу, даже из своих средств должен был выкраивать последние гроши, чтобы покупать втрядорога фураж для своей же лошади. С тех пор он возненавидел лахтарей.

Он рассказывал нам:

<99>

-- Наш обоз шел в Кимас-озеро, и вдруг у одного поста лесной эстафеты нас повернули обратно. Комендант никак не мог поверить, что красные смогут добраться до Кимас-озера. Послали разведку, и обоз получил приказание эвакуироваться в Контокки и держаться наготове впредь до особого распоряжения. Стоял мороз, и было очень темно. Я думал, что хорошо сейчас вернуться домой, к красным, в Кимас-озеро. Впереди никого нет и сзади -- тоже. Я постепенно стал отставать от обоза под предлогом усталости лошади и порчи сбруи. Потом поехал в противоположном направлении. Проехал озеро. Въехал в Ватасалму, загнал лошадь с возом во двор (хозяйка знакомая была), заложил дверь и думал, что все в порядке -- завтра, мол, в Кимасе буду. Но вдруг ночью стук в дверь. Хозяйка пошла открывать.

"Кто там?"

"Илмаринен и Верховский. Есть ли ночлежники?"

"Нет".

"Чья лошадь во дворе?"

Входят в комнату, зажигают свет. А я спал не раздеваясь. Разбудили меня.

"Запрягай лошадь -- и живо в

Foer att kunna fortsaetta angreppet maaste flankerna foerstaerkas och den hoegra flanken laag vid byn Paaekoenniemi, ungefaer 25 kilometer fraan oss. Enligt befolkningens uppgifter var denna by besatt av slaktarna.

I Kiimasjaervi fick vi alla dessa upplysningar av en bonde, som foerut varit mobiliserad av de vita. Han paastod sig foerut ha varit likgiltig i sitt foerhaallande till vita eller roeda. Men saa blev han mobiliserad av de vita med sin haest. Han fick ingenting betalt foer sina koerslor och maaste till och med ta de sista oerena av sina besparingar foer att koepa foder aat haesten av de vita. Foer fodret maaste han betala tredubbelt pris.

Han hatade nu slaktarna och beraettade foeljande foer oss:
{128}

-- Vaar traeng var paa vaeg till Kiimasjaervi, naer vi ploetsligt vid en faeltpost fick order att koera tillbaka. Vaar befaelhavare kunde inte tro att de roeda hade tagit sig fram aenda till Kiimasjaervi. Han saende ut en rekognosceringspatrull och traengen fick order att aaka till Kontokki och ligga i beredskap daer i vaentan paa order. Det var kallt och alldeles moerkt. Jag tyckte det var bra att vaenda om till de roeda i Kiimasjaervi. Framfoer mig hade jag ju inga slaktare och inte efter mig. Jag boerjade saa smaaningom sacka efter och skylldde paa att haesten var troett och att seldonen inte var i ordning. Sedan vaende jag haesten aat motsatta haallet. Jag passerade sjoen och aakte in i Vatsasalmi, koerde in haesten och lasset paa en gaard, daer jag hade bekanta, staengde porten och taenkte, att allt var i ordning. I morgon aer jag i Kiimasjaervi, taenkte jag. Men ploetsligt, mitt i natten, hoerdes kraftiga bultningar paa porten. Bondhustrun gick ut foer att oepna.

-- Vem daer?

-- Ilmarinen och Werhovskij. Finns det naagon som oevernattar haer?

-- Nej!

-- Vems aer haesten, som staar paa gaarden?

De gick in i stugan och taende ljustet. Jag laag och sov paaklaedd. Saa vaecte de mig.

-- Spaenn foer haesten och ge dig ivaeg

Г.С. Фиш: Падение Кимас-озера
дорогу!"

"Моя лошадь сейчас не может. Я
выеду рано утром".

"Нет, ты выедешь сейчас".

И вытаскивают револьверы.
Ну, пришлось
выезжать.
Выбросил я груз -- вез я
амбулаторные принадлежности
и три мешка муки (один оставил
все-таки) -- и повез "господ". И
повез их до Контокки.
Они ссорились, спорили,
ну да я не слушал,
думал только: "Как бы
бежать?
Только бы не угнали в
Финляндию!" А там, в деревнях, они
всех угонять стали.

Обозы целые шли, обмораживались
пачками, ну, а мне удалось
бежать.
Только в Кимас-

озере красных я уже не нашел,
и почти все родные
были угнаны.

Двадцать седьмого января в шесть
часов утра мы получили приказ выбить
лахтарей из Барыш-наволока и сразу
же вышли.

Мой взвод опять был головным, но мне
самому идти было очень трудно:
мучила грыжа.

Шли мы очень быстро, километров
семь-восемь в час. Часов в десять
утра на пути маленькое поселение --
ну, избы три-четыре, на
десятиверстке даже не
обозначено. Вхожу в избу.

<100>

-- Белые есть?

-- Нет.

-- А вблизи?

-- Тоже нет.

Идем дальше. И вдруг из оврага --
вспышки разрозненных выстрелов:
овраг у самой опушки.

Я кричу:

-- Вторая рота, заходи
слева! Третья рота, заходи
справа! Первая за мной, вперед!

Я кричу по-фински, лахтари все
понимают. Их было не больше

G.S. Fisch: Kiimasjaervis eroevring

120

kvickt!

-- Min haest kan inte gaa laengre. Jag
aaker tidigt i morgon bittida.

-- Nej, du skall aaka nu genast!

Och saa drog de upp sina revolverar.
Det var ju ingenting annat att goera
aen att spaenna foer haesten. Jag
lastade av -- i slaeden hade jag
utrustning och tre saeckar mjoel. En
saeck goemde jag i alla fall undan.
Saa koerde jag ivaeg med "herrskaet".
Jag koerde dem till Kontokki. De var
oense och graelade hela vaegen, men
jag lyssnade inte paa dem, utan
taenkte bara paa, hur jag skulle kunna
rymma, hur jag skulle slippa ifraan
att bli bortfoerd till Finland. Daer
borta i graensbyarna boerjade de att
koera ivaeg hela befolkningen.

Laanga taag av maenniskor drevs oever
graensen och tjogvis froes ihjael.
Jag lyckades fly, men daa jag kom
till Kiimas-
{129}
jaervi fanns det inga roeda daer
och naestan alla mina slaektingar
var redan bortfoerda.

*

Den 27 januari klockan 6 paa morgonen
fick vi order att driva bort
slaktarna fraan Paeaekoenniemi, och vi
broet omedelbart upp. Min pluton
taagade aater i taeten, men sjaelv hade
jag mycket svaart att gaa: det var
braacket som plaagade mig.

Vi aakte mycket fort. Ungefaer 7-8
kilometer i timmen. Vid niotiden paa
morgonen stoette vi paa ett litet
samhaelle. Det var bara tre-fyra
stugor i hela byn. Den var inte ens
utmaerkt paa kartan. Jag gick in i en
av stugorna.

-- Finns det naagra vita haer?

-- Nej!

-- Och i naerheten?

-- Inte daer heller.

Vi gick vidare. Ploetsligt small
skott ifraan en skogsdunge.

Jag skrek:

-- Andra regementet fraan
vaenster. Tredje regementet fraan
hoeger och foerst foeljer mig!

Jag skrek paa finska. Slaktarna
foerstod allt: de var inte mer aen

двадцати, они и задали стрекача. А со мной, повторяю, всего один взвод.

К часу дня подошел наш отряд к Нуоки-ярви, на берегу которого расположен Барыш-наволоок.

Барыш-наволоок был приготовлен не только к простой обороне, а, можно сказать, к настоящей осаде. Укрепления были сложены из бревен, скреплены и скрыты землей и снегом. Настоящие окопы с брустверами.

Неожиданный набег был тоже невозможен, потому что утлые домики деревни были расположены на полуострове, соединенном с материком узким укрепленным перешейком.

Атаковать можно, лишь пройдя по открытому озеру около километра.

Антикайнен снова разбил батальон на две роты, которые должны были атаковать деревню с разных сторон: вторая рота -- по перешейку с запада, первая -- со стороны озера с юга-востока.

Первая рота заняла исходное положение. Идти в бой при полном свете невыгодно.

Поэтому надо было дожидаться, пока стемнеет, а в это время года ночь не заставляет себя ждать.

Однако белые, очевидно, разнюхали, что мы уже здесь, и заметно засуетились.

Надо было начинать возможно скорее, пока они не приготовились совсем.

Бить -- одновременным ударом.

Вторая рота не знала об экстренном изменении плана, и нужно было ее срочно известить о том, что удар намечено произвести через полчаса.

Антикайнен отдал распоряжение товарищу Кярне, замечательному лыжнику, передать новое решение командиру второй роты.

Времени обходить по холмам, заросшим густым смешанным лесом, нет, поэтому Кярне пошел напрямик через озеро.

С неприятельских позиций его сейчас же заметили, и началась стрельба.

tjugo man. Och de lade benen paa ryggen. Jag hade bara en pluton med mig...

Vid ettiden paa dagen kom vaar bataljon fram till Wuokkijaervi, vid vars strand Paeaeoenniemi aer belaeagen.

*

Paeaeoenniemi var berett baade att moeta ett anfall och att uthaerda belaeering. Foerskansningar hade byggts upp av grova timmerstockar, de var hopspikade och taecta av snoe och jord. Riktiga loepgravar med broestvaern var uppgaevda.

Ett ploetsligt anfall var otaenkbart, ty byn med sina smaa kaakar laag paa en halvoe, som var foerbunden med fastlandet endast med en smal tunga som var befaest.

Ett anfall var endast moejligt oever den kilometerbreda sjoens is. {130}

Antikainen delade paa nytt upp bataljonen i tvaa kompanier, som skulle gaa till anfall mot byn fraan tvaa sidor: andra kompaniet -- oever landtungan fraan vaester; foersta -- i sydostlig riktning oever sjoen.

Foersta kompaniet intog utgangsstaellning. Att gaa till anfall i fullt dagsljus var ofoerdelaktigt: ute paa sjoen kunde de skjuta ned oss som rapphoens. Daerfoer maaste vi vaenta, till dess moerkret intraedde och den haer tiden paa aaret brukar inte kvaellningen laata vaenta paa sig.

Men de vita hade troligen faatt reda paa att vi var haer, foer i byn var det livligt.

Vi maaste gaa till anfall saa fort som moejligt, innan de hunnit foerbereda sig ordentligt.

Vi skulle slaa till samtidigt fraan baegge haall.

Andra kompaniet visste inte, att vaar plan aendrats, och vi maaste fortast moejligt meddela dem att anfallet skulle ske om en halvtimme.

Antikainen gav order aat en kamrat, Kaernae, en utomordentligt god skidloepare, att meddela planens aendring till kamrat Karjalainen.

Det var inte tid att gaa runt om sjoen och Kaernae stack daerfoer raett oever isen.

Fienden fick snart syn paa honom och boerjade skjuta.

Антикайнен кусал себе губы.

<101>

-- Неужели пропадет парень, не известив? -- вслух спросил Лейно.

С неприятельского бруствера стал строчить пулемет. И вдруг затихло.

Армас снял шапку.

-- Брось хоронить раньше срока! -- обозлился Антикайнен.

Вдруг -- новый взрыв выстрелов.

-- Жив, значит! -- с облегчением вздохнул Лейно.

И снова тишина. Неожиданная и тяжелая...

Снова заработал пулемет. И опять замолк.

Молчание тянулось невыносимо долго.

Время шло медленнее, чем когда-либо.

Антикайнен взглянул на часы.

-- Через две минуты начинаем, -- сказал он. -- Ты, Матти, со своим взводом останешься со мной в резерве.

И он махнул рукой.

-- Пойдем! -- спокойно, как бы собираясь на товарищескую вечеринку, сказал Хейконен. И обратился к Лейно:

-- Идем со мной. С тобой я пошло сообщение, как пойдут дела.

С правого и левого флангов роты застрочили наши пулеметы, и отряд соскользнул с горы вперед. Вперед -- на Барыш-наволоок.

И сразу, как только застрочил наш пулемет, откликнулись и вступили в работу два пулемета второй роты и один -- патруля, стерегущего дорогу.

-- Значит, Кярне добрался и передал распоряжение во-время! -- заволновался Антикайнен.

Мне очень хотелось быть в первом ряду с атакующими товарищами; я понял, что и ему хочется идти в

Antikainen bet sig i laeppen.

-- Skall pojken verkligen gaa foerlorad, innan han hunnit fram med meddelandet? fraagade Leino hoegt.

Fraan fiendens broestvaern boerjade en kulspruta att smattra. Ploetsligt tystnade den.

Kalle tog av sig moessan.

-- Ge tusan i att begrava honom i foertid, sade Heikkonen ilsket.

Ploetsligt -- ett nytt frenetiskt smattrande.

-- Det betyder att han lever, sade Leino.

Aaterigen tystnad. Ovaentad och tung...

... Aaterigen boerjade kulsprutan att arbeta. Aaterigen tystnade den.

Tystnaden var svaar att genomlida.
{131}

Tiden kroep fram, saktare aen naagonsin foerut.

Antikainen kastade en blick paa klockan.

-- Om tvaa minuter saetter vi igaang, sade han. Du Matti, och din pluton stannar haer med mig som reserv.

Han gav signal med handen.

-- Kom saa gaar vi! sade Heikkonen lugnt, som om han taenkte gaa och dricka kaffe. Vaendande sig till Leino sade han:

-- Leino, kom med du ocksaa. Jag saender dig tillbaka med meddelande om hur det gaar.

Kulsprutorna boerjade smattra fraan vaar patrulls baegge sidor och kompaniet aakte nedfoer sluttningen till sjoen i riktning mot Paeaekoenniemi.

Saa fort kulsprutan boerjade smattra svarade andra kompaniets baegge kulsprutor och den patrull, som bevakade vaegen, boerjade ocksaa att skjuta med sitt maskingevaer.

-- Daa har alltsaa Kaernae klarat sig igenom och oeverlaemnat meddelandet i raett tid, sade Antikainen och blev med ens lugn.

Jag skulle gaerna ha velat vara med i foersta ledet bland de kamrater, som gick till anfall. Jag foerstod ocksaa

бой. Однако он был командиром и должен был сохранять полное спокойствие, чтобы правильно оценивать положение. Но это была нелегкая задача -- слышать стрекотание пулеметов, залпы и разрозненные выстрелы, крики, казавшиеся то отдаленными, то снова очень близкими.

Товарищ Антикайнен то и дело взглядывал на часы. Он вышел вперед, на открытый откос:

-- Матти, они дерутся уже в самых окопах!

Вдруг пуля, зазвенев, как слабо натянутая струна, окончила свой путь, вонзившись в мякоть сосны.

-- Товарищ командир, ты совсем открыт. Отойди назад, -- сказал Армас.

Мы опять отошли немного назад, за стволы. И снова выстрелы, и снова крики "ура".

Было уже темно.

Никаких донесений ни от первой роты, ни от второй мы не получили. Но было очевидно, что идет еще очень горячий бой.

<102>

-- Если через десять минут мы не получим донесения, я бросаю резерв в бой, -- сказал Антикайнен.

-- Слушаю, товарищ командир!

Выстрелы то становились все реже и реже, то снова вспыхивали залпом.

Бой продолжался уже около часа, а мы совсем забыли, что, стоя на одном месте на таком морозе, можно замерзнуть.

За три минуты до назначенного Антикайненом срока, когда шум стрельбы почти совсем затих, мы увидели, что к нам идет человек; он прошел озеро и стал подниматься.

Он шел, как пьяный, шатаясь и останавливаясь.

-- Вперед! -- скомандовал Антикайнен.

И мы скатились вниз, навстречу идущему.

-- Товарищ командир! Товарищ комроты

att inte heller Antikainen var belaaen att staa haer overksam. Men han var den som foerde befaelet och maaste haalla sig fullkomligt lugn foer att kunna bedoema situationen. Men jag upprepar, att det inte var naagon laett proevning att hoera kulsprutorna och maskingevaerens smatter, gevaerssalvor och enstaka skott, utrop, som ibland hoerdes laangt borta, ibland i naerheten.

Kamrat Antikainen kastade ofta oroliga blickar paa sin klocka. Han hade nu gaatt fram ur skogen och stod alldeles vid backens kroen.

-- Matti, nu aer de vaara redan framme vid loepgravarna!

Ploetsligt kom en kula, visslande som en oren visselpipa och slutade sin bana i en tall, daer den slog in, saa att barkbitarna yrde.

-- Kamrat kommandoer, ni staa ju alldeles utan skydd, sa Kalle aat Antikainen.

Vi drog oss paa nytt tillbaka bakom traedstammarna. Aaterigen skott, aaterigen utrop: "Hurra".

Det boerjade redan moerkna.
{132}

Inga rapporter fick vi, varken fraan foersta eller andra kompaniet. Men det var tydligt att de var invecklade i het strid.

-- Om vi inte faar naagon rapport inom tio minuter, saa saender jag reserven i elden, sade Antikainen.

-- Skall ske, kamrat kommandoer!

Skotten kom, ibland enstaka och ibland i salvor.

Striden hade nu paagaatt omkring en timme och vi hade alldeles gloemt att naer man staa i en saadan kyla, saa kan man laett foerfrysa sig.

Tre minuter foere den av Antikainen bestaemda tidpunkten foer reservens inryckande hade ljudet av skottlossningen naestan alldeles tystnat. Vi fick se, hur en maenniska naermade sig oss. Han gick oever sjoen och var nu framme vid baecken. Han gick som om han var berusad, raglade och stannade emellanaat.

-- Framaat! kommenderade Antikainen.

Vi floeg mot skidloeparen.

-- Kamrat kommandoer! Kamrat

приказал доложить, что Барыш-наволоок захвачен доблестным батальоном Интернациональной школы, -- пробормотал он через силу.

Heikkonen ger order om att meddela, att Paeaekoenniemi aer eroevrat av vaar tappra skidbataljon fraan Internationella Krigsskolan, framstammade den kraftloese kamraten.

Трудно было узнать в рапортуемом чистенького, всегда подтянутого Кярне.

Det var svaart att i den rapporterade kaenna igen Kaernae, som alltid var ren och stram. Han saag ut som om han kommit fraan en annan vaerld.

Он, казалось, пришел из другого мира.

-- Почему ты, а не Лейно? -- спросил я.

-- Varfoer kommer du och inte Leino? fraagade jag.

-- Лейно ранен в бою.

-- Leino har blivit saarad i striden.

-- Ты передал распоряжение вовремя?

-- Framfoerde du befallningen i raett tid?

-- Приказание исполнено, товарищ командир.

-- Befallningen aer utfoerd, kamrat befaelhavare.

Мы были уже близко от деревни. Кярне продолжал рассказывать мне:

Vi var nu alldeles invid byn. Kamrat Kaernae fortsatte att beraetta foer mig:

-- Как только я вышел на открытое место, началась стрельба. Возвращаться было поздно, да и времени не хватило бы, опоздал бы с донесением. Ну, я сначала с размаху лег на снег и начинаю пробираться вперед, ползком, а пули свистят, как пчелы около улья. Дырок в балахоне наделали, наверно, немало.

-- Saa fort jag kom ut paa isen boerjade ett frenetiskt skjutande. Det var det foer sent att vaenda. Det var inte heller tid till det, daa hade jag inte hunnit framfoera befallningen i raett tid. Jag lade mig raklaang i snoen och boerjade krypa framaat. Kulorna visslade som bin i en kupa. De gjorde nog aatskilliga haal i skyddskaapan. Jag saag att jag maaste doelja mig baettre. Jag boerjade graeva ner mig i snoen, och tro mig eller inte, cirka femtio

Вижу, нужно глубже. Стал зарываться в снег, и, поверишь ли, метров около

{133}
(Bildtext: Kulsprutorna boerjade smattra fraan vaar patrulls baegge sidor och kompaniet aakte nedfoer sluttningen till sjoen i riktning mot Paeaekoenniemi.

пятидесяти канавку себе проделал, и прямо под снегом полз.

{134}
meter gjorde jag en fullstaendig tunnel under snoen och kroep fram i denna.

Мокрый совсем насквозь от пота стал и, главное, думал все время: успеть бы вовремя передать приказ, успеть бы, не сорвать бы удара! Как дополз до лесочка с пригорками, встал и пошел прямо к товарищу Карьялайнену. А когда полз, с правого бока рукой прижимал лыжи к телу и пользовался ими, чтобы пробивать перед собой снег.

Jag blev alldeles genomvaat av svett och hela tiden taenkte jag att huvudsaken var att hinna fram med befallningen. Hinna fram, kosta vad det kosta vill, saa att jag inte foersenar anfallet. Saa fort jag hade krupit fram till stranden, daer det fanns en massa smaaholmar, reste jag mig upp och gick fram till kamrat Karjalainen. Naer jag kroep hoell jag skidorna paa min hoegra sida och anvaende dem som ett slags skyffel. Paa det viset kroep jag. Naer jag kroep upp paa stranden var jag fullstaendig genombloet. Benen vek sig under mig och hjaertat slog som en aanghammare. Jag gjorde en sista kraftanstraengning och sprang fram till andra kompaniets kommandoer och rapporterade:

Так и полз. А выполз весь мокрый, ноги подкашиваются, сердце -- как колокол.

Из последних сил наддаю и прямо к командиру. Рапортую:

"Командир приказал начинать наступление в пятнадцать сорок, по первым пулеметным выстрелам"
<103>

Посмотрел Карьялайнен на руку, на часы, и сейчас же командует:
"Выступление, боевой порядок!" А тут и пулемет застрекотал. Вторая рота пошла на штурм. Забили наши пулеметы. Я попросил у командира разрешения пойти в атаку вместе с ротой, потому что я знал: если я хоть десять минут без движения проведу на таком морозе -- крышка!

Ну, бой был как бой. Захватили деревню, и меня послали с донесением к начальнику.

Мы уже входили в деревню. Комроты-2 Карьялайнен подошел к начальнику и доложил:

-- Деревня взята. Белые отступили в Писма-Лакшу, оставив в поле винтовки, патроны и пять человек убитыми. Раненых они взяли с собой. Следует отметить особо: первыми стали удирать их командиры-финны, увидев, что с фланга по перешейку ударила вторая рота.

Мы, -- здесь лицо командира вытянулось, -- потеряли трех курсантов убитыми и имеем семь ранеными.

Я подошел быстро к дому, куда уже успел собрать наших раненых. Большинство были ранены легко и сами могли передвигаться.

На кладбище, около самой церкви, несколько курсантов, чередуясь, старались выкопать в мерзлой земле братскую могилу.

Я нашел Лейно лежащим почти без движения на деревянном полу холодного дома.

Со мной был Армас.

Мы присели около нашего раненого товарища.

-- Матти и Армас, -- говорил он тихим, едва слышным голосом, -- вы

-- Kommendoeren befaller att boerja anfallet klockan 15.40, saa fort ni faar hoera de foersta kulsprutorna.

Andra kompaniets kommendoer tittade paa klockan och kommenderade genast: Uppstaellning paa skyttelinje! Naesta oegonblick boerjade kulsprutorna att smattra. Andra kompaniet gick till stormanfall. Vaara kulsprutor sjoeng. Jag bad Karjalainen om tillaatelse att faar gaa till anfall tillsammans med hans regemente, foer jag visste att om jag staar stilla bara tio minuter i denna kyla, saa aer jag faerdig! Ja, striden var som en strid alltid aer. Vi intog byn och jag blev aaterigen ivaegsaend foer att rapportera till kommendoeren ...

*

Vi var nu inne i byn. Heikkonen kom fram till kamrat Antikainen och rapporterade:

-- Byn aer intagen. De vita har retirerat i riktning mot Pismalahti, kvarlaemnande gevaer, patroner och fem stupade. De saarade har de tagit med sig. Vad som saerskilt boer observeras aer att de som foerst boerjade retirera var deras finska officerare. De stack ivaeg, saa fort de fick se att andra regementet anfoell deras flank fraan landtungan. De ville troligen inte bli levande bevis paa kamrat Tjitjerins not om finska generalstabens deltagande i detta bandituppror. Vi -- haer blev kamrat Heikkonens min allvarligare -- har foerlorat tre deltagare, som stupat, och har sju saarade.

{135}

*

Jag gick fram till det hus, daer man redan lagt in de saarade. De flesta hade mycket laetta skador och kunde gaa paa egna ben.

Paa begravningsplatsen i naerheten av kyrkan hoell naagra kamrater paa att graeva en brodersgrav i den genomfrusna jorden.

*

Jag fann Leino liggande fullkomligt stilla paa golvet i det kalla huset.

Kalle var med mig.

Vi satte oss ned bredvid vaar saarade kamrat.

-- Matti och Kalle, sade han med knappt hoerbar roest. Ni har alltid

были всегда моими самыми лучшими друзьями, и я знаю, что и сейчас вы очень будете жалеть о моей гибели. Да, мне очень не хочется умирать, я бы с удовольствием побродил еще по свету и подрался с этими лахтарями на снегах Суоми. Но я прошу вас о последнем одолжении.

В моем животе сидит несколько пуль, мне очень больно, я умру часа через четыре-пять. И вот я прошу вас помочь мне: дайте мне малую дозу смертельного яда. Помогите мне в последний раз!

-- Я доложу об этом начальнику, -- сказал я.

Антикайнен, узнав о положении Лейно, взволновался и даже стал заикаться в разговоре со мной.

<104>

Просьбы он выполнить не мог.

Через несколько минут Лейно умер.

-- Прощай, Лейно, -- сказал я.

-- Прощай, Лейно! -- печально повторил Армас и сжал кулаки. -- Мы за тебя, обещаю, не один десяток лахтарей спровадим к богородице.

И он вскочил и сразу выбежал в сени.

Суси занес в дневник имя четвертого погибшего в этот печальный для нас день.

Я вышел в сени.

Лицом к бревенчатой стене, упершись в нее локтями, стоял Армас. Он вздрагивал, не умея и, очевидно, не желая сдерживать рыдания.

У меня сжало горло, и мне тоже захотелось плакать горько, безутешно, как маленькому ребенку.

Я вышел скорее на улицу.

Меня колотило.

Звезды высыпали на синее просторное небо. Месяц, как нарисованный, зацепился за крест колокольни. Лопаты скребли землю.

varit mina baesta kamrater, och jag vet, att ni kommer att soerja mig djupt. Ja, djaeklar anamma, jag har sannerligen inte lust att doe. Jag skulle vara glad om jag aennu fick leva och slaass mot dessa foerbannade slaktare paa Suomis snoetaeckta jord. Men jag ber er om en sista tjaenst.

I min mage eller i tarmarna sitter naagra kulor fraan den usla patronfirman i Riihimaeki. Jag har ohyggliga plaagor och jag kommer att doe inom fyra eller fem timmar. Hjaelp mig att foerkorta mina plaagor saa mycket som moejligt. Ge mig en liten dos gift ...

-- Jag skall rapportera det till befaelhavaren, sade jag.

Naer Antikainen fick reda paa hur svaart Leino var saarad, blev han saa upproerd att han boerjade stamma, naer han talade med mig.

Han gav mig dock det noedvaendiga giftet, vilket vi bland andra saker hade tagit i Kiimasjaervi.

-- Adjoe, Leino, sade jag

-- Adjoe, Leino, upprepade Kalle sorgset och knoet naevarna. Jag svaer att vi skall haemnas dig och skicka aatskilliga av detta slaktaravskum till en annan vaerld. Och Kalle reste sig upp och sprang ut ur stugan.

Giftet verkade omedelbart. Om naagra sekunder var Leino doed.

Kamrat Susi skrev i dagboken in namnet paa den fjaerde kamraten, som hade doett under denna foer oss saa sorgliga dag.

{136}

Jag gick ut i foerstugan.

Vaend mot timmervaeggen stod Kalle och dolde ansiktet i haenderna. Han skakade av snyftningar, som han troligen varken kunde eller ville haalla tillbaka.

Min strupe snoerde ihop sig. Jag ville ocksaa graata -- bittert, hejdloest som en barnunge.

Jag gick ut i det fria.

Jag skaelvde i hela kroppen.

Stjaernorna tindrade paa den moerkblaa himlen. Det saag ut som om maanen varit fastbunden vid korset paa kyrkstapeln. Spadarna skrapade mot den stelfrusna jorden.

Сколько проклятых лахтарей ходят живыми по этой мерзлой земле, а мой лучший друг Лейно, наш боевой товарищ, коммунар Лейно, коченеет сейчас мертвый в избе!

Эту ночь я не спал.

Я перебирал в памяти и нашу встречу, и рассказы Лейно, и дружбы нашу.

В другом конце избы так же безмолвно, так же бессонно томился Армас.

Что дальше?

Утром мы их хоронили. Мы стояли строем у могилы; позади толпились местные крестьяне.

Стоя на бугре уже замерзающей земли, у свежеврытой могилы, произнес свою лучшую речь неутомимый организатор хельсинкского комсомола, строительный рабочий, пламенный наш начальник, товарищ Антикайнен:

-- Вместе с павшими товарищами мы организовали комсомол Финляндии, вместе с оставленными здесь навсегда товарищами мы дрались в рядах нашей Красной гвардии с проклятыми лахтарями, вместе с ними мы били лахтарей в Карелии, и во всех боях, что предстоят нам впредь, их имена будут в наших сердцах, их подвиги -- нам примером, и геройская их смерть за дело революции будет возбуждать в нас восхищение.

Ровно четыре года назад, двадцать седьмого января, на башне Рабочего дома в Хельсинки зажегся красный огонь -- сигнал восстания.

Неугасимо горит он в наших сердцах. Мы обещаем вам, товарищи, что каждый из нас отдаст <105> свою жизнь за победу трудящихся не дешевле, чем отдали вы свою...

Я знаю, что и сотой доли огня, с которым говорил товарищ Антикайнен, и того внимания, с которым мы слушали эту надгробную речь, нет в этих моих слабых, неточных словах.

Но когда я сейчас вспоминаю, то снова начинаю волноваться.

Hur maanga av dessa foerbannade, vita slaktare gaar inte aennu levande paa denna usla jord och min baeste vaen -- Leino -- vaar stridskamrat, den gode kommunisten, ligger nu doed inne i stugan!

Denna natt fick jag inte en blund i oegonen.

Jag gick i tankarna igenom mitt foersta moete med Leino, hans beraettelse och vaar vaenskap.

I andra aenden av stugan laag Kalle och vred sig, lika tyst, lika soemnloes.

Vad haende vidare?

Paa morgonen begravde vi dem. Vi stod alla uppstaellda vid gravarna. Bakom oss traengdes traktens boender.

Staaende paa den nyss uppgraevda, men redan frusna jordhoegen, bredvid brodersgraven, talade Antikainen, Helsingfors revolutionaera ungdoms outtroettlige organisatoer, byggnadsarbetaren, vaar hjaeltemodige, tappre kamrat och ledare.

-- Tillsammans med de stupade kamraterna, tillsammans med de kamrater, som vi nu laemnar haer foer alltid har vi i roeda gardets led slagits mot de foerbannade slaktarna. Tillsammans med dem har vi slagit banditerna i Karelen. I alla strider, som aennu foerestaar oss skall deras namn vara inristade i vaara hjaertan, skall deras hjaeltemod vara en fana foer oss, och deras hjaeltedoed foer vaerldsrevolutionens sak skall fylla oss med aennu stoerre haenfoerelse foer vaar gemensamma sak.

Foer jaemnt fyra aar sedan, den 27 januari, taendes den roeda elden, signalen till arbetarnas uppror paa Folket Hus torn i Hel-
{137}
singfors. Den brinner aennu oslaecklig i vaara hjaertan. Vi lovar er, kamrater, som vi laemnar kvar som utposter foer revolutionens sak, att vi alla aer beredda att offra vaara liv foer de arbetandes seger, och vi kommer att saelja vaara liv lika dyrt som ni har gjort det.

Jag vet, att mina ofullkomliga ord inte innehaaller hundradelen av den gloed, med vilken Antikainen talade, inte hundradelen av det allvar, med vilket vi lyssnade.

Naer jag nu erinrar mig denna stund, blir jag paa nytt upproerd.

Это было десять лет назад -- тот самый день, когда мы опускали их в мерзлую могилу.

И я снова вижу, как тело Лейно, слишком длинное, не входит в могилу и, окоченелое, не хочет сгибаться и как Армас, стоя внизу, в могиле, принимает его; и я не могу больше говорить спокойно и призываю вас всех, товарищи, помнить о прощальной речи товарища Антикайнена, в которой он поклялся, что ни один комсомолец, ни один коммунист, ни один красноармеец не забудет никогда своего долга перед революцией.

И мы пошли в Кимас-озеро.

Дальше я не принимали участия в действиях отряда. Пусть о взятии Кандалакши, пусть о дальнейшей работе отряда, о стойкости Армаса, об отчаянной смерти замученного лахтарями Яскелайнена, о трофейном олене лахтарской почты, привезенном в Ленинград, расскажут сами участники.

Они подтвердят, что приказ революции мы выполнили.

Рана, проклятая рана лишила меня возможности идти вместе с отрядом дальше, и я пошел обратно, но уже по дорогам, по этапам, и через десять дней лежал в лазарете Интернациональной школы, пройдя на лыжах тысячу семьдесят километров.

Глава дополнительная
Рассказ Армаса

В последней главе мой кровный товарищ Матти говорит, что после взятия Барыш-наволока он пошел в тыл, и просит других товарищей досказать о походе нашего лыжного батальона финнов Интернациональной школы.

Я откликаюсь на его призыв и расскажу про один эпизод, который случился с нами через неделю после ухода Матти.

<106>

Сегодня выходной день, и для этого письма я урвал три часа от моей работы по лесозаготовкам, на которые мы, выполняя решение партии и

Jag erinrar mig att detta haende foer tio aar sedan -- tio aar har gaatt, sedan den dag, daa vi saenkte vaara kamrater i den kalla jorden ...

Jag ser paa nytt, hur Leinos kropp, som var alltfaar laang, inte gick ner i graven, och stelfrusen som den var, inte ville boeja sig; hur Kalle, som stod nere paa gravens botten boejer Leinos ben -- jag kan inte tala lugnt och ber er alla taenka paa Antikainens avskedstal till de stupade kamraterna, daer han svor att inte en enda kommunist, inte en enda ungmunist, inte en enda klassmedveten arbetare, inte en enda roedarmist naagonsin faar gloemma sin plikt mot vaerldsrevolutionen.

*

Vi taagade tillbaka till Kiimasjaervi.

Sedan deltog jag inte laengre i bataljonens operationer. Deltagarna faar sjaelva beraetta om Kantalahtis eroevring, om bataljonens fortsatta aktioner, om Kalles hjaeltemod, om Jaaeskelaeinens kvalfulla doed, naer han plaagades till doeds av slaktarna, om hur man tog en ren, som foerde post aat slaktarna och som sedan foerdes till Leningrad.

De kommer att bekraefta att vi utfoert revolutionens order.

Braacket, det foerbannade braacket, hindrade mig att laengre foelja bataljonen och jag aakte tillbaka, men nu etappvis, med regelbundna vilopauser, och efter en vecka laag jag paa Internationella Krigsskolans lasarett, sedan jag med bataljonen hade tillryggalagt en straecka av ettusensjuttio kilometer paa skidor.

{139}

TILLAEGG

I det sista kapitlet talar kamrat Matti om att han efter intagandet av Paeaekoenniemi var tvungen att laemna fronten, och han ber andra kamrater beraetta om Internationella Krigsskolans finska skidloeparbataljons vidare aeventyr.

Jag skall foelja denna uppmaning och beraetta en episod, som intraeffade en vecka efter Mattis avresa.

Idag aer det fridag och foer att kunna skriva detta brev har jag tagit ledigt tre timmar fraan skogsavverkningarna, aat vilka vi,

Советской власти, сейчас нажимаем
изо всех сил. Мы тут разбились на
бригады, ввели прогрессивную
сдельщину и теперь по валке и
вывозке древесины, измеряя
фестметрами, побиваем на нашем

участке канадские рекорды, и я
заверяю через газету, что на нашем
участке план будет перевыполнен
досрочно. Но я возвращаюсь к сути
дела.

Меня зовут Армас. Я -- тот самый
Армас, который научился ходить на
лыжах во время этого неповторимого
лыжного рейда Интернациональной
военной школы.

Все дело было так. Я был командиром
отделения в разведке.

Темная январская ночь. Звезды ярко
блестели на черном зимнем, холодном
небе -- заняли свои места согласно
астрономической инструкции.

Уходя в разведку, я отдал Аалто свои
серебряные часы, которые получил за
дела на колчаковском фронте. В
случае чего пусть лучше товарищ
попользуется, чем лахтарь.

Мы вышли из леса, который, не
прерываясь, преследовал нас уже
пятьдесят километров, и легко
вдохнул, нащупав на поле дорожку.

Дорожка вела, очевидно, к деревне,
которая нанесена на карте в десяти
километрах от места выхода из леса.

Было отчаянно тихо.

Слышен был скрип наших верных лыж и
тихое наше дыхание.

Мороз стоял не меньше чем тридцать
пять градусов.

И вот в темноте ночи глаза мои
разглядели шесть черных точек, шесть
фигурок на лыжах.

Мы осторожно подоברались поближе, и
только на расстоянии полукилометра
они заметили нас и стали уходить.

uppfyllande partiets och
sovjetregeringens beslut, aegna alla
krafter aeven under vaara fridagar. Vi
har haer delat upp oss i brigader,
infoert ackordssystemet och boerjat
genomfoera Stalins sex
{140}

teser. I fraaga om avverkning och
flottning har vi paa vaart arbetsavsnitt
slagit till och med de kanadensiska
rekorden, och i tidningen publicerat
en foerpliktelse att vi i vaar
skogshuggning kommer att fylla
planen foere den faststaellda
tiden. Men jag skall aatergaa till
handlingen.

*

Jag heter Kalle -- jag aer just den
Kalle, som laerde sig att aaka skidor
under den legendomspunna expedition,
som utfoerdes av kursdeltagarna fraan
Internationella Krigsskolan.

Det gick till paa foeljande saett.

Moerk januarinatt. Alla stjaernor
lyste klart paa den kalla, moerka
januarihimlen.

Vi gick ut ur skogen, vilken
oavbrutet foerfoeljt oss oever femtio
kilometer, och andades laettare, naer
vi ute paa faeltet traeffade paa en
naagorlunda ordentlig vaeg.

Vaegen foerde troligen till byn, som
var antecknad paa kartan -- tio
kilometer fraan skogsbrynet.

Det var fullstaendigt stilla i
luften.

Man hoerde endast skrapandet fraan
vaara trogna skidor och vaara jaemna
andedrag.

Det var oerhoert kallt. Minst 35
grader.

Jag var ledare foer en
rekognosceringspatrull -- och i
nattens moerker fick mina oegon syn paa
sex svarta punkter, sex figurer paa
skidor.

Vi naermade oss dem obemaerkt och
foerst daa vi var en halv kilometer
fraan dem fick de syn paa oss.

Мы отлично видели, что у них были винтовки.

Наших сил здесь не было и быть не могло. Мы были первые бойцы Красной Армии в 1922 году в этих краях.

Стало быть, это лахтари.

-- Мы стрелять не можем: если вблизи у них крупные силы, они насторожатся. Захватим их в плен живьем! Их шесть, и нас шесть. Но мы коммунисты, у нас инициатива и опыт.

Говорю это я своим ребятам, а сам примеряю, правильно <107>

ли закреплен ремень, не будет ли убежать от меня на полном ходу лыжа.

-- Вспомните о товарище Яскелайнене, -- говорю, -- и вперед!

И мы рванулись вперед.

Видим: неприятельский дозор повернул. Уходят от нас.

Ну, думаю, раз они не стреляют, тревоги не поднимают -- значит, никаких сил лахтарских в деревне нет; значит, тем более мы обязаны их живьем товарищу Антикайнену доставить.

И командую:

-- Ходу!

Мы идем полным карьером, и я уже начинаю терять дыхание, но расстояние между нами и лахтарями почти не сокращается, потому что они здорово на лыжах бегают.

Я вспоминаю дорогого Лейно и смерть Яскелайнена и начинаю волноваться, и шире расставляю ноги, и сильнее отталкиваюсь палками, и, заставляя себя дышать ровнее, бегу вперед.

Меня обгоняет в этом быстром беге товарищ.

...Товарищ Яскелайнен был в разведке и попался лахтарям в плен. И мы нашли его на снегу с выколотыми глазами, с отрезанным языком... Голубые глаза Яскелайнена

Vi saag tydligt, att de hade gevaer och att de gick som en patrull.

Vaara trupper var det inte och det kunde det inte heller vara. Vi var den roeda armeens foersta krigare i dessa trakter aar 1922.

Foeljaktligen maaste det vara slaktare.

-- Skjuta dem kan vi inte, om det finns stoerre truppstyrkor i naerheten, saa blir de uppmaerksammade paa vaar naervaro. Vi maaste ta dem tillfaanga levande. De aer sex och vi aer ocksaa sex. Men vi aer kommunister, vi har initiativ och erfarenhet.

{141}

Medan jag saeger detta aat mina pojkar, kontrollerar jag att

remmarna i skidbindslet sitter riktigt saekert, saa att jag inte tappat skidorna.

-- Taenk paa vad som haende kamrat Jaeaskelaeinen, saeger jag -- framaat!

Vi kastade oss framaat.

Vi ser hur den fientliga patrullen vaender och foer full fart aaker tillbaka. De aaker ifraan oss.

Eftersom de inte skjuter, taenker jag, och inte slaar alarm, finns det alltsaa inga vitgardister i byn -- och daa aer det vaar plikt att foera dem levande till kamrat Antikainen.

Jag ger order:

-- Efter dem!

Vi aaker i rasande fart. Jag boerjar redan bli andfaadd, men avstaandet mellan oss och slaktarna aer ungefaer detsamma som foerut, foer de aer ocksaa goda skidloepare.

Jag taenker paa vaar kaere Leino och den sist stupade, Jaeaskelaeinens doed och boerjar kaenna mig upproerd. Jag tar laengre glid, kraftigare stavtag, jag tvingar mig sjaelv att andas jaemnare och ilar framaat.

Trots att jag nu aaker raett bra paa skidor, aaker en av kamraterna om mig.

Kamrat Jaeaskelaeinen var ute paa rekognoscering och blev tillfaangatagen av slaktarna. Vi hittade honom i den vita snoen med utstuckna oegon, med avskuren tunga ... Jaeaskelaeinens blaa oegon hade

завораживали девушек. Острый язык Яскелайнена веселил ребят. И вот он лежит без шлема у наших ног, без дыхания, наш дорогой друг, таммерфорсский красногвардеец, токарь Яскелайнен...

И я бегу вперед, сгибаясь в три погибели, отталкиваясь двумя верными палками, скользя по уже проложенному первым товарищем следу.

Мы с размаху входим в следы лахтарей и уже бежим по этим горячим следам, и тишину морозной ночи нарушают мерное дыхание и разнобой сердец.

И уже видна деревня, куда бегут от нас лахтари.

Она темнеет у горизонта, как низкорослый лесок, и не играет ни одним одним огоньком. И мы все-таки приближаемся к лахтарям.

Расстояние между нами сокращается.

Вся одежда делается липкой от пота; пот тяжелыми каплями скатывается со лба и, отягочая ресницы, слепит глаза.

"Мы по этому следу пойдем обратно к отряду, захватив пленных", -- мелькнула у меня мысль, и я на ходу освобождаю руки из рукавов овчинного полушубка, рву пуговицы, и вместе с балахоном он падает на снег.

И мы мчимся дальше.

Враги все чаще оглядываются на нас. Теряют темп, теряют дыхание... Мы их явно настигаем.
<108>

Я бросаю шлем на снег и с обнаженной головой иду вперед.

Иду таким шагом, что сердце бьет, как колокол.

Ремень винтовки начинает снова резать плечо -- он попал на стертое место. Но нет времени поправить ремень, и мы мчимся вперед. И дыхание у каждого из нас как паровозные дымки.

Мы настигаем лахтарей.

До деревни осталось метров двести, до лахтарей -- метров сто.

foertrollat flickorna. Jaaeskelaeinens vassa tunga hade alltid verkat uppiggande. Och nu ligger han utan moessa vid vaara foetter, utan att andas, vaar kaere roedgardist och kamrat fraan Tammerfors, svarvaren Jaaeskelaeinen ...

Och jag ilar framaat. Jag boejer mig ned foer att minska luftmotstaandet, tar kraftigare tag med mina trogna stavar, glider fram i det av min kamrat redan uppkoerda spaaret.

Vi svaenger med full fart in paa slaktarnas vaeg och loeper i det nyligen uppgjorda spaaret. Den kalla nattens tystnad stoers endast av den under skidorna knastrande snoen, vaara tunga andedrag och hjaertats klappande.

{142}

Nu syns redan byn, dit slaktarna flyr fraan oss.

Byn dyker upp vid horisonten som en smaavaext skog och det syns inte ett enda ljus. Men vi naermar oss trots allt slaktarna.

Avstaandet mellan oss blir allt kortare.

Vaara klaeder blir alldeles klibbiga av svett; svetten rinner i tunga droppar ner fraan pannan och hindrar oss fraan att se ordentligt.

-- Vi gaar tillbaka i samma spaar, naer vi har tagit dem tillfaanga, taenkte jag foer mig sjaelv, medan jag utan att sakta farten drar haenderna ur faarskinnskaelsen, sliter av knapparna och laater den tillsammans med skyddskaapan falla till marken.

Vi ilar vidare ...

Det aer tydligt att vi hinner upp dem.

Jag kastar av mig moessan i snoen och fortsaetter med bart huvud framaat.

Jag aaker med en saadan fart att hjaertat slaar som en aanghammare.

Gevaersremmen boerjar paa nytt att skoera sig ned i axeln. Den har kommit ned i den gamla, redan soenderskavda faaran. Men det aer ingen tid att raetta till remmen. Och vi ilar framaat. Vi andas alla som lokomotiv.

Vi hinner upp dem.

Till byn har vi tvaahundra meter kvar, till slaktarna -- hundra

Они продолжают уходить, и вот мы уже пролетели околицу.

Мы влетаем, разбрасывая палками снег, на главную улицу деревни, а лахтари продолжают удирать -- правда, замедляя бег.

Между нами уже расстояние в пятьдесят метров.

-- Бери их! -- кричу я и вдруг вижу: у стены ближайшего дома стоит дюжина пар лыж.

Лыжи прислонены к стене, а рядом торчат воткнутые в снег палки. Значит, в избе спят несколько лахтарей.

Смотрю налево и вижу: там, у избы, тоже стоят лыжи.

И я смотрю вперед и, насколько мой глаз в темноте различает, вижу прислоненные к стенам изб лыжи.

Так лыжи ставят, не внося в избу, чтобы они в тепле не разогрелись и снег не налипал бы, когда после, утром, снова придется надеть их.

"Да здесь никак не меньше сотни лахтарей! Даже гораздо больше".

Быстро соображая, вижу, что неприятельский дозор заманил нас в западню. И мы попали в капкан, как хитрый песец.

Я смотрю вперед и замечаю, что обогнавший меня товарищ тоже сообразил, в чем дело, и замедляет ход. Я оглядываюсь и чувствую: товарищи еще не понимают, что мы в западне.

И тогда я командую:

-- Гранаты!

У каждого из нас по четыре гранаты у пояса. Мы все срываем гранаты с поясов.

И еще командую:

--Швыряй гранаты в окна!

И мы летим на лыжах по дороге, как гроза, как дьявольское проклятие, и каждый бросает гранату в окно, в избу.

meter.

De fortsaetter att aaka bort fraan oss och nu aer vi redan inne i byn.

Vi flyger in paa byns huvudgata, kringkastande snoen med vaara stavavar. Slaktarna fortsaetter att haalla undan, men nu betydligt saktare.

Avstaandet mellan oss och dem aer nu endast femtio meter.

-- Ta dem! skriker jag och ser ploetsligt: lutade mot vaeggen vid den naermaste stugan staar ett dussin par skidor.

Skidorna staar lutade mot vaeggen och bredvid staar de i snoen nedtryckta stavarna. Det betyder att det finns slaktare som so-

{143} ver i stugan. Jag tittar till vaenster och ser att ocksaa vid den stugan finns det skidor uppstaellda ...

Jag tittar framaat och saa laangt mina oegon kan genomtraenga moerkret urskiljer jag skidor vid vare stuga.

Man staeller skidor saa, utan att baera in dem i stugan, naer man paa morgonen daerpaa skall anvaenda dem igen. Detta foer att de inte skall vaermas upp, saa att snoen klibbar fast vid dem.

-- Det maaste finnas minst hundra slaktare haer! Ja kanske mera.

Som en blixт staar det klar foer mig, att den fientliga patrullen har lurat in oss i ett bakhaall. Vi har fastnat som en raev i en raevsax.

Jag tittar framaat och ser att den kamrat, som aakt om mig, aeven foerstaar vad det aer fraaga om och saktar farten. Jag vaender mig om och ser att de andra kamraterna aennu inte foerstaar att vi kommit i en faella.

Och saa kommenderar jag:

-- Ta granaterna!

Var och en av oss hade fyra granater i baeltet. vi rycker alla handgranaterna fraan baeltet.

Jag kommenderar:

-- Kasta granaterna in igenom foenstren!

Som foerfoeljda av djaevulen flyger vi blixtsnabbt fram paa vaegen paa vaara skidor och in i varje stuga kastar en av oss en handgranat.

И звенят, рассекая морозную тишину
январской ночи, разбиваемые стекла.
И слышатся короткие всплшки рвущихся
в избах гранат.

И, разбуженные взрывами, ничего не
пони-
<109>

мающие, перепуганные до смерти,
ругаясь и проклиная все, что можно
проклясть, выскакивают в дикой
панике из изб лахтари.

Полуодетые, забывая винтовки,
не успевая схватить лыжи,
они в полном беспорядке бегут
из деревни --

за околицу,
по задам, за
бани...

У меня истрачена последняя граната;
я прислоняю свое лицо к раме
разбитого окна и вижу невообразимую
сумятицу в избе.

И вдруг возникает в деревне
беспорядочная стрельба.

Я вскидываю винтовку и стреляю через
окно в избу.

Затем вижу егеря в полной форме. Он
кричит на бегущих в панике солдат
своей лахтарской армии, он пытается
остановить их, кричит им:

-- Карельские свиньи, трусы!

Я спокойно беру его на мушку -- и
нет егеря.

Стрельба затихает. Неужели я еще
жив? Неужели я даже не ранен?

И снова становится отчаянно тихо,
только слышен далекий скрип чьих-то
лыж.

И слышен еще около опушки
взволнованный голос офицера.

Он пытается собрать свои
силы.

Его голос дребезжит в
тишине ночи:

-- Скоты, их всего несколько
человек! Приказываю остановиться!

Вдруг слышу оглушительный голос
Аалто:

-- Первая рота курсантов
Интервоеншколы остается в деревне!

Klirrandet fraan de soenderslagna
foenstren stoerde den tysta, kalla
januarinatten. Vi hoerde de korta,
dova detonationerna av de inne i
stugorna exploderande granaterna.

Uppvaeckta av explosionerna, utan
att foer-

staa naagonting, doedligt foerskraeckta,
svaerande och foerbannande allt, som
kan foerbannas, hoppar slaktarna i
vild panik ut ur stugorna.

Halvnakna, gloemmande sina gevaer,
utan att hinna ta skidorna med sig
springer de i fullstaendig panik ut
ur byn.

Oever bakgaardarna, oever
staketen, bakom uthusen, bakom
basturna.

Jag har gjort av med min sista
granat och lutande mig mot det
soenderslagna foenstrets karm ser jag
en oerhoerd roera inne i stugan.
{144}

Ploetsligt uppstaar ett planloest
skjutande inne i byn.

Jag kastar gevaeret till axeln och
skjuter genom foenstret in i stugan.

Saa faar jag se en jaegare i full
uniform. Han skriker efter de i
panik bortspringande soldaterna ur
hans slaktartrupp. Under det han
foersoeker hejda dem, skriker han:

-- Karelska svin! Fega kraek!

Jag tar honom lugnt paa kornet, och
jaegaren finns inte laengre.

Skjutandet minskar. Aer jag verkligen
i livet? Kan det vara sant att jag
inte ens aer saarad?

Paa nytt intraeder den tryckande
tystnaden. Vi hoerde endast det
avlaegsna gnisslet av naagra
skidor.

Borta vid skogsbrynet hoerdes
en officers uproerda roest.

Han foersoeker att samla ihop sina
trupper.

Hans klara roest darrar av ilska i
den tysta natten.

-- Kraek! Det aer ju blott naagra
man. Jag befaller er att stanna!

Ploetsligt hoer jag Aaltos
tordoensstaemma:

-- Internationella Krigsskolans
foersta kursregemente stannar i byn.

Вторая рота через пять минут
выступает!

Третьей оставаться в боевой
готовности!

Сердце мое бьет в грудь, оно
подступает, кажется,
совсем к горлу.

Молодец Аалто! Он всегда найдет что
сказать.

Итак, каждая наша рота равна двум
курсантам.

Я бегу вперед, и с разбегу правая
лыжа натывается на что-то
мягкое. Валюсь в снег. Вылетаю из
валенок.

Пяточные ремни были закреплены
слишком хорошо, и если бы я не
вылетел из валенок босыми ногами в
снег, был бы обязательно
вывих.

Лыжа моя сломана. Но я
не унываю.

Я жив.

Неприятель потерпел поражение, и на
выбор -- несколько сот пар
отличнейших финских
лыж.

Споткнулся я о тушу зарезанного
барана.

Только теперь я замечаю своих ребят
-- они шатаются от усталости.
<110>
Одного нет.

Только теперь я вижу, что вдоль
деревенской улицы валяются туши
зарезанного скота -- бараны, овцы,
коровы.

-- Где Каллио? -- спрашиваю я.

-- Убит, -- отвечает Аалто. --
Навылет. -- И затем громко кричит:
-- Командиры взводов и отделенный,
ко мне!

Скоро придут наши, нам только бы
продержаться два часа.

Где-то, совсем уже далеко, слышна

Andra regementet skall vara berett
att bryta upp om fem minuter.

Tredje regementet skall ligga i full
stridsberedskap!

Mitt hjaerta slaar i broestet som en
kyrkklaepp. Det kramas ihop saa att
det kaenns aenda upp i strupen.

Duktigt, Aalto! Han hittar jaemt paa
det som skall saegas.

Vart och ett av vaara regementen var
lika med tvaa man.

Jag ilar framaat och i full fart koer
min hoegra skida in i naagonting
mjukt. Jag ramlar omkull i snoen och
flyger av farten ur filtstoevlarna.

Haelremmarna var alltfoer vael
fastbundna. Om jag inte hade flugit
ur filtstoevlarna och barfota hamnat
i den kalla snoen, saa hade jag
absolut vrickat foten.

Min ena skida var avbruten, men jag
aer inte ledsen foer det.

Jag lever.

{145}

(Bildtext: Uppvaeckta av
explosionerna, utan att foersta
naagonting, doedligt foerskraeckta,
svaerande och foerbannande allt,
som kan foerbannas, hoppar
slaktarna i vild panik ut ur
stugorna.)

{146}

Fienden har lidit nederlag och det
finns ju skidor att vaelja paa --
flera hundra par finfina finska
skidor.

Jag har snavat oever ett nedslaktat
faar.

Nu foerst ser jag mina pojkar -- de
raglar av troetthet.

En fattas.

Foerst nu maerker jag att utefter hela
bygatan ligger nedslaktade kreatur
gumsar, faar och
kor.

-- Var aer Kallio? fraagade jag.

-- Skjuten, svarar Aalto, raett
igenom hjaertat, och daerefter skriker
han hoegt: Kompani- och
plutonkommendoererna hit!

Snart kommer de vaara. Om vi bara
kunde haalla byn ett par timmar.

Naagonstans laangt borta hoers redan

резкая команда офицера.

officerns kaerva kommando.

Ему, кажется удалось собрать часть своих мясников.

Han har visst lyckats samla ihop en del av sina slaktare.

-- Я думаю, что сейчас они сюда не сунутся.

-- Jag tror inte att de sticker in naesan haer igen saa fort.

-- Хорошо бы так! -- отвечаю я.

-- Det skulle vara bra, om det vore saa, svarade jag.

И мы все занимаем места, где нас не видно, а мы видим всю улицу.

Och vi intar alla saadana platser, att vi inte sjaelva syns, men kan se hela bygatan och alla bakgaardarna.

Тут я замечаю, что на мне нет шлема и полушубка, и мне делается холодно.

Nu maerker jag, att jag aer utan moessa och paels och att det boerjar att kaennas kallt.

Haaret har redan blivit vitt av rimfrost.

Я вхожу в избу.

Jag gaar in i en av stugorna.

Пол от взрыва раскорёжен.

Golvet aer upprivet av granatexplosionen.

Здесь полушубков хватит. И ружей тоже.

Haer finns det tillraeckligt med paelsar. Gevaer ocksaa. Alla gevaeren aer av tysk modell.

Patronerna aer inlindade i blaatt papper med Riihimaekis fabriksstaempel

...

Все в порядке.

Allt aer i ordning.

Я надеваю полушубок, шапку и выхожу.

Jag tar paa mig en kort paels och en paelsmoessa och gaar aaterigen ut i kylan.

Через три часа пришел наш батальон, и мы заснули мертвецким сном.

Efter tre timmar kom vaar bataljon. Vi somnade in i en doedsliknande dvala.

Разбудил меня Аалто. Он долго тормошил меня за плечо.

-- Возьми обратно свои часы, -- сказал он и всунул мне их в руку.

Они стояли: Аалто забыл их завести.

Утром мы получили выговор за то, что, будучи в разведке, вступили в бой с неприятелем, и благодарность -- за то, что, имея в своем составе шесть человек, выбили из села часть противника в триста приблизительно штыков.

Paa morgonen fick vi varning foer att vi hade gaatt till strid mot fienden trots att vi var ute paa rekognoscering, och tack foer att vi hade jagat en fientlig styrka paa ungefaer 300 man ur byn fast vi bara var sex man.

{147}

Я говорю "приблизительно" потому, что лж было около четырехсот пар, а из местного населения никого не удалось опросить -- все оно было угнано в Финляндию три дня назад. В деревне остались несколько баб, больных да старик. Скот, который нельзя было угнать,

Jag saeger ungefaer trehundra, foer skidor fanns det cirka fyrahundra par och av befolkningen fick vi inte tag i en enda. Foer tre dagar sedan hade de med vaald drivits oever finska graensen. I byn fanns endast naagra gummor, naagra sjuka och en gubbe kvar. Boskapen, som de inte kunde faa

лахтари зарезали и разбросали туши на улице.

Они открыли крышки картофельных ям, чтобы поморозить весь картофель.

Да, чуть не забыл сказать, что в деревне оставлено было пятеро маленьких ребят.

Я кормил их сахаром из тряпочки и достал для них лахтарские полушубки.

Мне поручили охранять и кормить их до прихода главных частей с обозами.

Сдав их в обоз, я пошел догонять свою часть.

Так я превратился на время няньку (чему бы я никогда не поверил, если бы мне кто-нибудь рассказал раньше), как бедный Лейно был повивальной бабкой.

Про нравы и обычаи <111>

этих ребят я мог бы рассказать много интересных подробностей. Они теперь, наверно, пионеры.

Но меня торопят лесные дела, а дел этих уйма, и непорядков, которые надо ликвидировать, чтобы выполнить план лесозаготовок, еще много.

Я еще раз заверяю, что план в моем районе будет перевыполнен.

С товарищеским приветом

Армас.

1932

med sig, hade vitgardisterna slaktat och kastat kropparna paa gatan.

De hade oepnat luckorna till potatiskaellarna foer att all potatis skulle foerfrysa.

Jag hoell naestan paa att gloemma bort att beraetta att det fanns fem smaabarn kvar i byn. Jag matade dem med socker och tog reda paa ett par av slaktarnas paelsar foer att svepa dem i. Jag blev beordrad att mata och skoeta dem, tills dess vaara huvudstyrkor med traengen skulle anlaenda. Foerst sedan jag laemnat dem aat traengen, aakte jag vidare foer att hinna upp min bataljon.

Paa saa vis foervandlades jag foer en tid till barnpiga (det skulle jag aldrig ha trott, om naagon hade sagt mig det foerut), liksom den stackars Leino naagra dagar tidigare varit barnmorska.

Om dessa barnungars vanor och

egenheter skulle jag kunna beraetta maanga intressanta detaljer. Nu aer de saekert pionjaerer.

Men arbetet i skogen vaentar paa mig. Och det aer en massa arbete, och maanga brister som maaste likvideras, foer att skogsavverkningsplanen skall kunna genomfoeras till hundra procent. Detta arbete faar inte laengre uppskjutas.

Jag foersaekrar aennu en gaang att planen i min raejong kommer att uppfyllas foere den utsatta tiden.

Med kamratlig haelsning.

Kalle

[Примечания]

[1]...лахтари; Лохтари - в переводе на русский язык означает "мясники". Так трудящиеся Финляндия и Карелии называл белогвардейцев. (Здесь и далее прим. автора.)

[2]... "Калевалы" "Калевала" - финская эпическая поэма, составленная из народных песен - рун. В ней говорится о создании земли и неба, светил и орудий труда. Главный герой - легендарный Вяйнямейнен, создававший земной мир силой своих песнопений. Там же

[Noter]

[1]...Inno

Inno - kommandoer foer de internationella krigskurserna. Senare divisionskommandoer.

[2]...Rovio,

Rovio, Gustav - medlem av Finlands socialdemokratiska parti. Arbetare. september 1917 blev han i samband med de revolutionaera haendelserna av arbetarorganisationerna

действует сказочный кузнец
Илмаринен, который выковал
чудесную мельницу-самомолку -
сампо - символ народного
счастья.

[3]...волокушах Волокуши -
бесколесные повозки, два
длинных шеста, которые
волочит по земле, по
болотистому бездорожью
лошадь.

[4]...Массельгское ущелье --
водораздельный кряж,
идуший по южному берегу
Сег-озера и разделяющий
воды Беломорского
бассейна и систему
Балтийского моря.

utnaemnd till "roed
polismaestare" i Helsingfors.
Efter julidagarna hoell Lenin
sig goemd hos honom. En av
Finlands Kommunistiska Partis
organisatoerer. Politisk
Kommissarie foer
Internationella krigsskolan i
Petrograd.

[3]...slaktarna

"Slaktare" - gaengse uttryck
foer vitgardister bland
Finlands och Karelens
arbetare.

[4]...Kalevalas

Kalevalasaangerna - finskt
nationalepos.

[5]...kulakerna

Kulaker - rika boender.

[6]...Lotavaaraaasen.

Den bergaas, som loeper laengs
Seesjaervis soedra strand och
aer vattendelare mellan
Vitahavsbassaengen och
Oestersjoesystemet.

[7]...Lappo

Lapporoerelsen - fascistisk
finsk roerelse som stod bakom
mord paa tusentals finska
arbetare

[8]...Afrika.

Under den vita terrorns
blomstringstid 1918
utarbetade de finska
myndigheterna ett projekt som
gick ut paa att som
arbetskraft skicka de haektade
revolutionaererna till
Tyskland. Istaellet skulle
Tyskland foerse det utarmade
vita Finland med konstgoedsel.

[9]...Gutzeit.

Skogsavverkningsbolaget
Gutzeit i Finland laemnade
"upproret" stor materiell
hjaelp. Ordfoerande i detta
bolags styrelse var Finlands
nuvarande (alltsaa 1935,
foerlagets anm.) P.E.
Svinhuvud, som ocksaa aer
ledare foer storfinnarna.
Gutzeit-firman aer ett av de
stoersta skogsbolagen i
Finland. 1922 fick bolaget

en bestaellning fraan England paa 1 miljon telegrafstolpar, naagra tiotusental tusen tjocka timmer och naagra tusen skeppsmaster. Bestaellningen gick ut paa flera miljoner pund sterling, och Gutzeit hade foermodligen foer avsikt att haemta stoersta delen av bestaellningen ur Sovjet-Karelens skogar.

[9]...Loennrot

Elias Loennrot - uppptecknare av Kalevalasaangerna.

Baksidestext 1974.

Efter den misslyckade finska revolutionen 1918 lyckades en del finska arbetare raedda sig till Sovjetunionen och undgaa den vita terrorn i Finland. Tusentals arbetare som inte lyckades fly moerdades kallblodigt.

En del av dessa mestadels unga, finska arbetare utbildade sig vid Internationella Krigsskolan i Sovjet foer att tjaena arbetarklassens sak ocksaa i sitt nya fosterland.

Boken skildrar ett hjaeltedaad som 140 av dem utfoerde 1922 i Sovjet-Karelen.

Reaktionaera vitfinska element hade upprepade gaanger under aaren 1918-22 foeretagit roevartaag in paa Sovjet-Karelens omraade. 1922 gjordes ett regelraett foerszoek att eroevra omraadet.

Tack vare den roeda, finska skidloeparbataljonens heroiska insats, om vilken boken handlar, slogs attacken tillbaka.

Foerfattaren, G. Fisch, deltog inte sjaelv i faeltttaaget men han har aendaa kunnat ge en mycket verklighetstrogen bild av vad som haent genom att han litteraert har bearbetat deltagarnas egna beraettelser.

Det aer en spaennande skildring fylld av baade humor och kampfloed.

Ca pris 12:- med moms

KFMLr PROLETAERKULTUR

Я -- красноармеец призыва 1934 года.

В январе 1935 года мы решили пройти по следам рейда Интернациональной военной школы.

Нами командовал товарищ Антила, награжденный орденом за взятие Кимас-озера. В 1922 году товарищ Антила был курсантом, а теперь он вел нас. Сейчас товарищ Антила генерал-майор. Из старых участников были Ояла и еще человека три-четыре а затем шли мы, молодежь. Шестьдесят один боец с полной выкладкой и с запасом питания на трое суток. Строем, с пулеметами, проходили в среднем около шестидесяти километров в день по снежной целине. Честное слово! Прочитай наш рапорт наркому.

Нас встречали в деревнях рапортами о своих достижениях местные колхозники. Среди них старики и старухи. В одном райисполкоме был председателем бывший курсант -- участник рейда. Короткий митинг -- и дальше в путь. В одной деревне выслали навстречу, за десять километров, сани -- нет ли у нас больных, чтобы подвезти... Ну конечно, больных не было. За время похода все даже прибавили в весе, честное слово!

Около одного села нас встретил старик, который был проводником отряда в 1922 году; и, представь себе, в тот раз он заблудился в восьми километрах от деревни, и теперь снова, на этом же самом месте, он остановился, не зная, куда нас вести... Ну, мы-то дорогу нашли.

Местами мы находили путь по зарубкам, сделанным ребятами в первом рейде. Огромные глухари с любопытством смотрели на нас и не хотели сниматься с ветвей; когда мы их пугали криком, снежками, они только с любопытством наклоняли голову, в упор смотря на красноармейцев.

-- Сколько вы их подстрелили? -- спросил после у нас командующий войсками округа.

-- Ни одного, товарищ командующий, -- сказал Ояла. -- В такой птице больше пяти кило, и надо было бы тащить ее на себе до ближайшего привала, километра двадцать-тридцать... Ни одной не подстрелили.

А как нас встречало население! Совсем как на прошлогодних маневрах. Тогда наша часть должна

была пройти через одну деревушку, не задерживаясь, бегом... Так вот, колхозники узнали об этом, и, когда мы пробегали через деревню, у всех изб, у изгородей вдоль дороги стояли ведра с ключевой водой, с ковшиками: пей на ходу! А рядом с ведрами -- крынки с топленным молоком. Кому что любо... Ну, мы, конечно, их не обидели -- сколько могли, на ходу выпили. Угощение пришлось кстати.

Ну, а в нашем случае, конечно, о жаре приходилось только мечтать -- морозы большие стояли.

Мы подходили к большой деревне, занесенной снегом.

-- В этом деревне тринадцать лет назад я провел отвратительную ночь, -- сказал мне наш командир, товарищ Антила. -- В бою под Барыш-наволоком меня ранили в руку. Вот, смотри, пальца как не бывало!.. И тогда товарищ Антикайнен приказал мне идти обратно в тыл по лыжне, которую проложил отряд. Мне не хотелось возвращаться, но приказ есть приказ! И я пошел... И пришел я в эту деревню вечером. Постучался в одну избу -- там мне даже и не ответили. Тогда я стукнул в окошко другой. Отворили дверь.

"Кто это?"

"Красноармеец".

Дверь захлопнулась перед самым моим носом. Я прошел без отдыха двадцать пять километров; раненая рука горела у меня. Я постучался в третью избу и сказал вышедшему на крыльцо старику:

"Я раненый, мне нужно только переночевать, к утру я уйду..."

Послушай, что он сказал:

"Если ты красный, а победят белые, мне придется плохо за то, что я пушу тебя переночевать. Если ты белый, а победят красные, разве они мне простят, что принял тебя? Иди-ка лучше прочь подобру-поздорову".

И я пошел, раненный и усталый, прочь от этого дома, проклиная неговорчивого старика.

И подумай только: во всей деревне никто не захотел пустить меня на ночевку! Злой и усталый, я забрался в темную холодную баню и кое-как провел в ней эту бесконечную зимнюю ночь...

Мы вошли в деревню. Здесь, по маршруту, намечен был большой

привал. Посреди деревни стояли колхозники. Они отдали нам рапорт. Я тебе его покажу: он хранится у меня. Ояла сказал речь... Ну, что дальше говорить! Разобрали колхозники нас по домам. В каждом доме на столе дымился, уже поджидая нас, обед... Обед с нашим, красноармейским не сравнится, конечно, но кормили нас от всего сердца: уха, запеченная в тесте рыба, клюква, молоко... Все хозяйства готовились к встрече несколько дней, как к празднику. Все бани были жарко натоплены. Мы могли смыть с себя пот нелегких переходов.

Я попал вместе с товарищем Антилой в избу к председателю колхоза, совсем еще молодой женщине. Ее звали Марией. Осмотрели лыжи, сняли с плеч мешки и уселись за стол. Детишки с уважением ощупывали винтовку. Но не суждено было на этот раз нам спокойно пообедать. Только я поднес ложку ко рту, как дверь избы отворилась и в облаке пара ввалилась в горницу пожилая женщина. Подступая вплотную к хозяйке, она обиженно кричала во весь голос; казалось, вот-вот она вцепится ей в волосы.

-- Послушайте, Мотя! Я здесь ни при чем, и правление колхоза тоже здесь ни при чем, -- объясняла Мария.

-- Как так "ни при чем"? -- кричала женщина, ища у нас поддержки своим словам. -- Что, разве я и мой мужик не люди? Разве мы не первые ударники -- он у себя в конюшне, а я на ферме? За что же нас так оскорбляют? Такой обидой из колхоза выжить можно!

-- Да брось ты! -- уже начинала сердиться хозяйка.

-- А чем тебя обидели? -- спросил Антила.

-- Да как же не обидели?! -- не успокаивалась та, кого председательница называла Мотей. -- Разве я хуже других? По такому случаю даже блинов напекла, избу прибрала, баню истопила, лучше платье надела. Жирные ши на стол поставила. И вот тебе -- не хватило на меня, говорят! Мужик до того осерчал, что из дому сразу к коням побежал. Кони, говорит, лучше, чем люди...

-- Чего же тебе не хватило? -- спросил я обиженную женщину.

-- Как -- чего? Красноармейца! Каждому дали, в каждую избу привели,

а мы с мужиком хуже всех, выходит?
Так, что ли, понимать прикажете?

-- Ну, это дело поправимое, --
сказал командир и приказал позвать
из соседней избы красноармейца.

В соседней избе дело шло проворнее,
чем у нас: там уже кончали обедать.

-- Вы меня звали, товарищ командир?

-- Да. Пойдите к этой колхознице и
пообедайте у нее. Будьте ее гостем.

-- Товарищ командир, я только что
обедал... Второй обед тяжело. Нам
ведь скоро уходить. Я боюсь --
отстану от товарищей.

Но Мотя уже схватила за рукав
незнакомому ей красноармейца и
тянула его к двери.

-- То-то обрадуется мой муженек! --
уже довольная, сказал она.

-- Я вас назначаю, как в наряд, --
проговорил Антила вдогонку
красноармейцу. -- Твою винтовку этот
переход я сам понесу, -- сказал он,
переходя с официального тона на
дружеский.

Затем он встал из-за стола и прошел
вслед за ушедшим в сени. Через
минуту я вышел за ним. Антила стоял,
прислонившись к свежевырубленной
стене.

-- Послушай только, -- сказал он
мне, -- и это происходит в той же
самой деревне!

Голос его был неровен. Когда он
прикуривал от моей папиросы, я
заметил, что рука его дрожит и глаза
влажны. Честное слово!

Я очень прошу тебя, не спрашивай его
про это. Он рассердится и ответит,
что глаза его были влажны только два
раза в жизни: первый -- когда в глаз
попала паровозная искра, и второй --
когда он узнал, что умер товарищ
Ленин.